

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. Н. БЕРНШТАМ

АРХИТЕКТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ
КИРГИЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я.МАРРА

А. Н. БЕРНШТАМ

АРХИТЕКТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ
КИРГИЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1950

Ответственный редактор
Н. М. БАЧИНСКИЙ

ОТ АВТОРА

Задача, которую поставил перед собой автор, сводилась к тому, чтобы объединить разнообразный материал, разбросанный по различным изданиям, и дать широкому кругу читателей некоторые сведения о весьма немногочисленных памятниках архитектуры Киргизстана.

Однако в процессе работы автору удалось внести в книгу некоторые данные, до настоящего времени науке либо недостаточно известные, либо вообще еще не поступавшие в научный оборот. Сюда относятся прежде всего материалы, собранные в результате наших археологических экспедиций и отраженные в главах I и II.

Автор не является архитектором по специальности. Это обстоятельство, наряду с отсутствием в литературе и архивных материалах достаточных данных о тех или иных памятниках, естественно не позволило дать исчерпывающую архитектурную картину отдельных объектов; мы порой лишь называем сооружения и иногда даем их краткое описание. Даже эта работа, думается нам, имеет известное значение, так как дает возможность произвести хотя бы учет этих памятников, поможет в предварительной ориентации лицам, желающим специально заняться архитектурой Киргизстана. Особенно это относится к памятникам зодчества XVI—XIX веков.

Исследуя эти памятники, мы попытались рассматривать их в связи с изменениями производственных отношений и вытекающим из них историко-культурным развитием страны, которую уже издавна населяли киргизы. И хотя киргизы не являлись строителями многих из описанных здесь памятников, тот факт, что так называемые киргизские гумбезы XVI—XIX веков повторяют формы, а порой декор, общие для всей среднеазиат-

ской архитектуры (чрезвычайно широкое распространение для позднего времени здесь имели работы мастеров-узбеков Ферганы, Ташкента и городов Киргизстана), показывает, что все памятники архитектуры Киргизстана, если и не всегда являются продуктом деятельности киргизских мастеров, то, во всяком случае, определяются местным как тьяншаньским, так и среднеазиатским культурным наследством.

Учитывая, что работа в области изучения архитектуры Киргизстана только начинается, мы хотим помочь будущим исследователям не только сводкой печатного материала, но и библиографически-справочной главой, отразившей все существующие наиболее важные печатные материалы.

Сказанного достаточно для того, чтобы читателю было ясно, какие задачи ставил перед собой автор и что он, в меру своих сил, выполнил. Если книга даст представление о недостаточности наших знаний по сравнению с относительным богатством памятников архитектуры Киргизстана и если читатель найдет в ней некоторые исходные данные для своего научного маршрута, добрый совет и справку для начала работы,— автор будет считать, что он свою задачу выполнил.

Настоящая работа, в своей основе выполненная по поручению Управления по делам архитектуры при Совете Министров Киргизской ССР, не претендует на опубликование новых, не известных ранее материалов: она является первым итогом наших знаний об архитектурных памятниках Киргизии, а сами памятники требуют не только охраны, но и всестороннего изучения.

В заключение автор не может не выразить глубокую благодарность редактору книги Н. М. Бачинскому, помощь которого в окончательном оформлении книги не мало содействовала и ее приближению к интересам архитекторов и завершению работы в целом.

Для иллюстрации книги использованы материалы, собранные руководимыми мною экспедициями с 1936 по 1945 г. Чертежи (без подписи) принадлежат Л. Г. Розиной; фото (без подписи) сделаны автором книги. Обмеры и рисунки Н. М. Бачинского и А. Н. Михалева исполнены ими во время экспедиции 1945 г.

Глава I

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Горная страна Киргизия издревле была местом обитания кочевников. Только в Чуйской долине да у подножий сыртов Туркестанского, Ферганского и Четкальского хребтов, опоясывающих Ферганскую впадину, выявлена земледельческая культура, более ранняя в Фергане, зародившаяся несколько позднее в Чуйской долине. Есть основания думать, что земледелие и оседлость существовали в Фергане еще с III тысячелетия до н. э., в Чуйской долине — лишь с середины I тысячелетия н. э. Уже ко второму веку до н. э. в Фергане, носившей тогда имя «Давань», было 70 больших и малых городов, обнесенных стенами. Такие города Давани китайцы называли «чэнами»; это название относилось обычно к укрепленным поселениям. На севере Киргизии — в Чуйской долине, а позднее и по берегам Иссык-куля — оседлые поселения, а затем и города, возникли в V—VI веках. К XI—XII векам поселения городского типа появляются и в горных долинах Тянь-Шаня, например в Кочкарской и Атбашинской. Несмотря на то, что в XI—XII веках, во время владычества тюркской династии караханидов, произошло объединение Северной и Южной Киргизии, культурный облик Тянь-Шаня и Алая с Ферганой был различен. Архитектурная традиция Юга Киргизии выступает более древней, чем на Севере, и ее генезис весьма своеобразен. Исчезновение локальных черт относится в основном к XI—XII векам.

Разными были и культурные взаимоотношения этих двух районов. Будучи в основном местом, где складывалась тюркская кочевая культура, Тянь-Шань исторически был связан с разными культурными зонами.

На юге он граничил с древними земледельческими оазисами Синьцзяна — от Кашгара до Кучи, на западе, через Фергану, он соприкасался с древней Усрушаной (область вокруг современного Джизака и Ура-Тюбе) и Согдом (область долины р. Зеравшан), на севере, по р. Чу, — со своеобразной культурой согдийских переселенцев. Это полуокружение, во всяком случае на западе и севере, было иранским, но это была уже периферия среднеазиатской иранской культуры — культуры Согда. С юга на Тянь-Шань проникала сложная синкретическая культура Синьцзяна, в которой дальневосточные мотивы (среди них китайские и индотибетские элементы) сыграли, особенно в средние века, значительную роль. Вместе с тем в культуре Синьцзяна достаточно ясно выступает большая роль народов Средней Азии.

Если в древности Запад и Север нес в среду кочевников Тянь-Шаня согдийскую культуру и религию зороастризма Средней Азии, а позднее по этим путям шел ислам, то с Юга все время воздействовала религия и культура буддизма, к которому местная среда кочевников-шаманистов имела, быть может, больше склонности, чем к исламу, ревностными поклонниками которого кочевники никогда не были. К этому следует добавить, что коренное население Тянь-Шаня в течение многих веков, еще с III века до н. э., не порывало своих основных связей с Центральной Азией и Южной Сибирью. Такова та сложная культурная среда, в которой формировалась архитектурная традиция Киргизстана и связанное с ней художественное ремесло.

Вот почему, решая вопросы генезиса тех или иных форм монументального искусства и его декора, равно как и вопросы использования этого культурного наследия в современной практике, следует критически рассценивать возможности воздействия на культурную жизнь Тянь-Шаня его дальних и близких соседей.

Эти культурные воздействия не являлись механической суммой различных элементов; они неизбежно подпадали под влияние местной кочевой культуры, которая критически отбирала и перерабатывала близкие ей элементы, отбрасывая то, что не было свойственно духу аборигенов. В использовании этих влияний господствовали критический отбор и целесообразное усвоение.

Приведем характерные в этом отношении примеры. Зороастрийская религия, повидимому, проникла в Семиречье еще в середине I тысячелетия до н. э. из Средней Азии через посредство саков — кочевых племен Сред-

ней Азии и Семиречья. Культ огня зороастрийцев нашел себе благодатную почву среди кочевников, у которых играл важную роль в системе шаманистских воззрений. Культовые предметы зороастризма, например аташданы — светильники и жертвенные столы, украшались у кочевников Семиречья фигурками зверей — тотемов, исполненных в характерных приемах скифского звериного стиля. Священный огонь и позднее, еще в середине I тысячелетия н. э., «охранялся» скульптурными фигурками зверей, но изображения эти выполнялись уже менее реалистично, хотя, очевидно, преследовали все ту же культово-магическую цель. Если раньше эти предметы изготовлялись из относительно легкого материала и в портативных масштабах, то теперь они, в силу развития оседлости, делались более массивными и явно были рассчитаны на стабильные культовые места.

Та же религия зороастризма, в ее среднеазиатском варианте, породила обычай захоронения покойников в особых гробиках — оссуариях, носящих название «астодан». Эти гробики представляли собой изображение оседлого жилища зороастрийцев и в Согде, где было развито земледелие, и имели вид прямоугольного дома. Богатая декоративная фасадная стенка такого оссуария показывала, как правило, элементы конструкции и архитектурного декора в подлинном доме, например арочки, колонки, двери и т. д.

В Семиречье, где господствовали кочевники, оссуарии имели юртообразную форму; овальные в плане, передние их стенки декорированы орнаментами, явно воспроизводящими рисунки кошм, поныне бытующих на киргизских ширдаках (войлок с аппликациями) и алакизах (узорчатый войлок).

Характерно, что в ряде юртообразных оссуариев из Семиречья мы наблюдаем и использование конструкций, явно восходящих к монументальной архитектуре Согда. Таковы, например, рисунки колонок на одном оссуарии из древнего города Сарыга (развалины находятся к востоку от г. Фрунзе), орнаментальный мотив так называемых сасанидских «городков» на оссуарии из Баласагунского некрополя (развалины г. Баласагуна расположены в 12 км к юго-западу от г. Токмака).

Характерны также явления «объединения» элементов, происходящих из разных культурных областей. Так, например, в Семиречье возник декоративный мотив, широко распространенный в архитектурном декоре и в тканях, где лотос заключен в так называемый сасанидский орнаментальный круг, выполненный из мелких горошин. Сюда же относится изображение

сцены борьбы священной птицы зороастрийцев — фазана — с тотемом кочевников — горным козлом, таутеке. Тянь-Шань — основная территория Киргизстана — издавна являлся местом скрещения тюркской кочевой и среднеазиатской земледельческой культуры.

Необходимо подчеркнуть, что среднеазиатская культура выступает в критическом освоении, заключающемся прежде всего в том, что из согдийского орнаментального репертуара ранее всего нашли свое распространение геометрические и зооморфные мотивы, иногда — антропоморфные и растительные. Ремесленник-согдиец чаще оформлял орнамент, сюжет которого подсказывала кочевая среда. Он нашел этому орнаменту широкое поле применения, в частности — на домашней утвари из глины и металла, в то время как прежде кочевник украшал только оружие, платье и сбрую лошади. Согдиец же дал и технику исполнения этого орнамента на глине: штамп, лекало, лепка, резьба.

Резьба по дереву и металлу, столь широко распространенная у кочевников, нашедшая себе, в частности, широкий простор в украшении деревянной двери юрты, получила развитие в мастерстве согдийцев, перенесших эти мотивы на утварь, и прежде всего на ту, которая обладала массивной фактурой, допускающей глубокую врезку горельефного типа. Так, например, дастарханы — столики для угощения, широко распространенные в карлукских домах VIII — X веков, имеют такой орнамент. Прием украшения и его мотивы, выработанные в среде кочевников, получили в лице мастера-согдийца опытного оформителя, нашедшего широкое поле для применения этих мотивов. Это дает некоторое основание предполагать, что архитектурная неполивная терракота, получившая в XI — XII веках, в эпоху династии караханидов, широкое распространение, родилась в культурном взаимодействии искусства кочевников-тюрков Семиречья и ремесленников-согдийцев.

Приведенные примеры из области культурного синкретизма древнего и средневекового Киргизстана подчеркивают сложность понимания генезиса тех традиций, с которыми приходится иметь дело исследователю. Все это относится главным образом к второстепенным, хотя и важным элементам и связано в основном с декором здания, а не с его конструкцией. Сохранившиеся памятники архитектуры, несомненно, свидетельствуют о том, что в области строительного дела Семиречье не породило, пожалуй за исключением одного типа архитектуры (см. главу IX), ничего принципиально нового, ограничиваясь «редакцией» конструкций, рожденных главным образом Средней Азией, не восточнее Ташкентского меридиана.

Сложная историческая обстановка, в которой развивалась культура Киргизстана, в том числе и его архитектура, которой мы уже касались в ряде наших работ,¹ обусловили своеобразную, оригинальную трактовку некоторых типов архитектурных произведений. В силу недостаточной изученности это своеобразие слабо отражено в наших знаниях о культурном прошлом народов Тянь-Шаня. Однако в последующем тексте книги мы мобилизуем те фактические данные, которые прежде всего отмечают самобытность как среднеазиатской архитектурной традиции, так и тот вклад, который внесли в нее древние зодчие Киргизстана.

1

Беспредельны просторы «Небесных гор», носящих китайское название «Тянь-Шань». Величественны и суровы их вечно снеговые вершины, свидетели тысячелетней истории народов, находивших у подножий гор места для своих поселений. В своих ущельях и долинах таит Тянь-Шань память о славной культуре прошлого. Здесь тысячелетиями жили и создавали разные народы, здесь была ключом творческая культурная жизнь. И как бы ни были опустошительны многочисленные войны, народы Тянь-Шаня оставили потомкам большое культурное наследство, которым по праву может гордиться современник. Созданные здесь творения культуры шли в разные страны древности, неся с собой славу о седом Тянь-Шане, о его народах и об его делах.

Давно Киргизстан был заселен человеком. С каждым годом наука устанавливает все более и более древние следы его деятельности.

О втором тысячелетии до н. э. (т. е. о том, что происходило четыре тысячелетия тому назад) мы знаем, что человек достиг тогда уже многих успехов в области хозяйства. Человек разводил скот, и забота о нем составляла главную задачу.

Люди селились у гор, весной выгоняли скот в пойменные места, на заливные луга. Наряду со скотоводством, здесь, среди обильной растительности и множества водоемов, они охотились, занимались рыболовством, готовили на зиму сено. Для всех этих работ они употребляли орудия из

¹ См., например, «Памятники старины Таласской долины», Алма-Ата, 1941; «Археологический очерк Северной Киргизии», Фрунзе, 1941; «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала», Фрунзе, 1943; «Культура древнего Киргизстана», Фрунзе, 1942 (есть на киргизском языке); «Историческое прошлое киргизского народа», Фрунзе, 1942 (есть на киргизском языке).

бронзы, т. е. особого металла из сплава меди и олова. Орудия эти выплавались в специально сделанных каменных формах. Руду человек добывал в горах, каменными молотами отбивая породу. Из этого с трудом получаемого металла в специальных формах отливались серпы, массивные топоры, ножи, крючья для рыбной ловли, наконечники для копий и др. Часто металл заменялся камнем, из которого делались молотки, мотыги.

Этот несложный перечень рабочего и домашнего инвентаря можно дополнить еще указанием на изготовление грубой глиняной посуды, которую человек обильно украшал рисунком-орнаментом в виде точек, линий, штрихов, насечек, а несколько позднее научился и окрашивать поверхность посуды краской, затирая ее до матового красивого лощения.

По всей Северной Киргизии обнаружены следы этого древнего человека, занимавшегося скотоводством: к северу от поселков Каинды и в районе пос. Джаильмы, на правом берегу р. Сукулука, к северу от с. Кагановичского, на юг от г. Канта и с. Ивановского, на берегу оз. Иссык-куля, по берегам р. Нарына и в верховьях р. Таласа, у с. Дмитриевского и в других местах.

В то время как на Тянь-Шане и его предгорьях бродили пастухи-скотоводы, в Южной Киргизии человек, наряду со скотоводством, уже занимался примитивным земледелием, разводил ячмень и пшеницу, выращивал первые фруктовые деревья (урюк). Такие свидетельства древнего земледелия имеются в Джалал-Абадской области.

Увеличение стад и их неравномерное распределение среди населения приводили к имущественному неравенству внутри племени, к борьбе племенной верхушки за пастбища и лучшие угодия и вызывали постоянные войны. В войне племена пытались приобрести скот, территорию, богатства. Успеху этих военных предприятий особо способствовали два обстоятельства: во-первых, приручение лошади для верховой езды и, во-вторых, нахождение способа обработки железа. И первое и второе открытия относятся к VII веку до н. э., когда Киргизстан был заселен воинственными племенами кочевников, которых античные авторы называют саками.

Памятники культуры саков в Киргизстане известны достаточно широко. Их орудия и оружие, сделанные из бронзы и железа, украшения и предметы культа открыты на Тянь-Шане, у Иссык-куля и в Чуйской долине (у сел Красная речка, Ивановское, на Сукулуке), по р. Таласу. Отдельные памятники сакского времени известны и в Южной Киргизии,

например по Куршабу, а в районе Оша, у с. Араван и в горах Айрымачтау до сих пор сохранились выбитые на скалах изображения коней, которыми так славилась древняя Фергана и из-за которых китайцы так упорно воевали с ней на рубеже II — I веков до н. э.

С племенами саков связано уже использование коня как средства передвижения. Изобретение узды было дальнейшим достижением в приручении лошади, и прежде непокорный конь стал послушным в руках всадника. Но саки еще не знали стремян, седло было весьма примитивным и представляло собой мягкую подушку, иногда богато украшенную.

Часть оружия делалась из бронзы; в это время, например, появились двулезвийный кинжал и миниатюрные бронзовые наконечники стрел. Наряду с этим уже изготовлялись из железа орудия труда.

Искусство литья к этому времени стояло на относительно высоком уровне. Украшения из бронзы, литые в специальных формах, выполнялись со значительным мастерством.

Излюбленным сюжетом в украшениях было изображение животных, которых хорошо знали кочевники-саки, весьма художественно передававшие повадки, пропорции тела, характерные движения животных. Так, чудесно исполнены львы на одной пряжке, найденной у с. Кагановичского. С большой живостью изображены фигуры борющихся животных — козла и тигров, украшавшие жертвенники, найденные на Иссык-куле, у с. Сазановки, в ущельях Кырчин. Блестяще выполнены фигуры антилоп на одном из украшений, обнаруженном у Тюпа еще в середине XIX века.

Саки входили в соприкосновение со многими народами и с далекими странами, но прежде всего с народами Средней Азии. Из Согда они восприняли и, видимо, сами дополнили своими шаманистскими верованиями религию зороастризма. С этой религией связан культ неугасимого огня, для которого саки изготавливали из бронзы специальные жертвенники и курильницы, украшенные бронзовыми скульптурными изображениями. Будучи участниками военных походов древнеиранских царей — Ахеменидов, саки были запечатлены на каменных барельефных изображениях в дворцовых постройках этих царей среди подвассальных Ахеменидам народов.

Судя по этим изображениям, саки были одеты в короткий кафтан, остроконечную шапку, широкие шаровары и обуты в мягкую обувь, которая облегчала охватывание ногами крупа коня. Непременным вооружением саков были короткие мечи-кинжалы, секиры и легкий маленький лук.

Связи с Китаем также внесли свои черты в культуру саков; в частности саки восприняли манеру фантастического изображения животных. Так, например, китайцы изображали в сильно изогнутом положении мифического дракона, кусающего самого себя, а саки, отражая в бытовом искусстве реальные черты своего обихода, на своих украшениях изображали в той же позе яка. Об этом наглядно говорит изображение на золотом украшении, найденном в 1941 г. в долине Нарына.

Установившиеся со времени саков связи народов Киргизии со Средней Азией, а также отчасти с Ираном и Китаем, нашли свое яркое развитие в последующее время, в III веке до н. э.— I веке н. э., когда Киргизстан находился под властью новых племен, связанных по происхождению с саками и известных в китайских источниках под именем усуней.

Ко времени господства в Киргизии усуней устанавливаются связи Китая с далеким Западом. Через земли Киргизии потянулись торговые пути, широко известные под названием «великого шелкового пути».

С Запада шли традиции античности, носителем которых являлось на Востоке Греко-бактрийское государство.¹ Так, например, отголоски античных мифологических сюжетов обнаружены на предметах украшения, найденных в Чуйской долине.

Значительными были в это время связи с Китаем. Вожди усуней вступали в браки с китайскими царевнами и вместе с ними привозили из Китая ценные подарки китайских императоров; приезжали китайские мастера.

Немалое значение имела в то время и торговля.

Для этого времени характерны археологические находки на территории Киргизии большого количества китайских изделий — шелковых тканей, деревянных изделий, покрытых красным и черным китайским лаком, и мн. др.

Усуни были кочевниками. В их быту уже получило широкое распространение железо, из которого изготовлялось оружие. С появлением такого относительно дешевого металла, как железо, начинается изготовление панцирей, щитов.

Все это потребовало изобретения новых типов оружия, и прежде всего — создания тяжелого лука, способствовавшего метанию стрелы с тяже-

¹ Греко-бактрийское государство III—II веков до н. э. занимало часть территории юга Средней Азии, Афганистана, Северной Индии и Ирана.

лым наконечником на далекое расстояние. В конном бою уже не мог удовлетворить короткий кинжал, и появился длинный меч, остатки которого также найдены археологами при раскопках усуньских курганов Чуйской долины.

Богаты курганы вождей усуней. Все резче и резче выявляется разница между родовой аристократией и массой усуньских племен. Этот процесс имущественной дифференциации усугублялся рабством, способствовавшим окончательному распаду первобытно-общинных отношений.

Быт усуней оставался все тем же кочевническим. Усуни — воины-скотоводы. Они жили в войлочных юртах, питались продуктами скотоводства, пили кумыс.

Главное их богатство заключалось в лошадях, но, кроме того, они разводили овец и крупный рогатый скот. Их одежда, как мужская, так и женская, была приспособлена к постоянной верховой езде (свободные шаровары, мягкая обувь без каблуков). Утварь была портативной, удобной для кочевья. В быту тяжелую глину с успехом вытеснило легкое дерево — тяньшаньская ель и арча.

Только на местах зимовок усуни занимались в небольших размерах земледелием, высевая просо. Из Китая усуни получали рис, сами в Китай гоняли на продажу баранов.

В то время как на Тянь-Шане складывалась кочевая культура, на юге Киргизии расцвела высокая земледельческая культура, основанная на искусственном орошении. Жители Ферганы, которая тогда называлась «царством Давань», использовали для орошения малые речки гор; освоить же такие реки, как Кара-Дарья или Нарын, им было еще не под силу.

В оседлых поселках того времени, которые и доныне в большом количестве сохранились в развалинах в Ошской и Джалал-Абадской областях, особенно в долинах рр. Ак-Бура, Куршаба, Кара-Дарья и в Базар-Курганском районе, жители занимались земледелием и скотоводством. У даваньцев китайцы научились культуре люцерны и разведению винограда. Даваньцы разводили ценную породу лошадей — аргамаков, а оседлый образ жизни позволил им включить в состав домашних животных и свинью.

Поселения даваньцев стали зачатками многих городов Ферганы. Например, даваньский город «Ю» есть не что иное, как предок современного Узгена, в названии которого первая часть — «уз» — повторяет стародаваньское наименование II века до н. э.

Кочевая культура полностью оформилась в усуньском обществе. Этой кочевой культуре суждено было в следующие 500 лет столкнуться с высокой культурой оседлых земледельцев, пришедших сюда из бассейна р. Зеравшан (район Самарканда и Бухары) и известных под именем согдийцев, предков современных таджиков.

2

Проникновение согдийцев в Северную Киргизию бесспорно уже для V века н. э. Здесь среднеазиатская оседлая, земледельческая культура столкнулась с культурой кочевников-тюрков. В результате создавалась оригинальная местная культура, влияние которой выходило далеко за пределы Киргизстана.

В свою очередь культура Киргизстана V — X веков н. э. была связана с культурой сопредельных, а иногда достаточно удаленных государств того времени.

Сначала согдийцы селились в немногих местах на Таласе. Их колонии находились в районе современного г. Джамбула и к северу от гор Ак-Таш (Кировский район Киргизской ССР, окрестности совхоза Май-Тюбе). В Чуйской долине большая колония согдийцев отмечена у современного с. Красная речка. Позднее их колонии распространились повсеместно от Токмака до Чимкента. На базе этих согдийских поселений возникли впоследствии города как центры торговли, ремесла и политической власти.

Согдийцы были опытными земледельцами, искусными ремесленниками и предприимчивыми торговцами. Они развернули торговлю шелком, который шел из Китая через Чуйскую долину не только в Среднюю Азию, но и далее — в Иран и Византию.

В Чуйской долине согдийцы широко развили земледелие на базе древнейшей ирригационной системы, использовавшей быстро текущие горные речки с большим уклоном падения. При технически высоком уровне сельского хозяйства стало возможным разведение таких культур, как рис, виноград, урюк. Виноград в Чуйской долине впервые появляется уже в начале VII века. Уже с того времени широко засеваются зерновые, особенно ячмень и просо. Продукты скотоводства приобрели большую известность и вывозились далеко за пределы Киргизии.

В это время можно отметить уже сравнительно высокую технику строительства; в зодчестве применяются кирпич и пахса. Глина исполь-

зуется для всевозможных изделий, особенно при изготовлении посуды. Уже известен как вращающийся гончарный круг, так и вращающийся ручной жернов. При изготовлении украшений на сосудах и в строительстве используется главным образом резец, которым опытный мастер выполнял замысловатые рисунки; однако часто встречаются и штампы, которые доставлялись сюда из далеких областей. Штампами оттискивались изображения, копирующие высокохудожественные образцы скульптурного творчества.

Большого искусства достигает в Киргизии обработка металлов: железа, бронзы, золота и серебра, и полудрагоценных сплавов. На тонком листовом золоте оттискивали такие вещи, как византийские монеты (находки на Сукулук), из серебра делали кувшины и другую посуду (находки у с. Покровки Кантского района); при помощи штампа, резца, пунсона изготавливали украшения — пряжки, серьги и т. п.

Выдающийся интерес представляют вещи, найденные на Кочкарке, сделанные, видимо, древнекиргизскими мастерами. Орнамента этого набора украшений представляет собой сочетание изображений из растительного и животного миров, причудливо между собой переплетенных. Из бронзы теми же мастерами изготавливались разнообразные украшения сбруи и одежды.

В орнаменте этих украшений ярко выступают следы влияния южно-сибирских кочевых племен; это связано, по всей вероятности, с движением киргизских племен Енисея на Тянь-Шань.

В это время широкое распространение получают в Киргизстане китайские бронзовые зеркала, а также и местные, киргизские. По китайскому образцу местные правители чеканят свою монету.

Впервые для этого времени можно отметить и обработку камня, например изготовление надгробных статуй, в которых порой чувствуется уверенная рука опытного мастера, скупыми штрихами передающая основные и характерные черты натуры. Каменотесы вырезали на надгробных памятниках, на древнетюркском языке, тексты, прославлявшие умершего.

В эту эпоху на территории Киргизии особенно ярко сказывается острая борьба трех крупнейших религий Востока — зороастризма, буддизма и ислама. Памятники зороастризма в Северной Киргизии повсеместно представлены так называемыми астодами (маленькими гробиками), куда складывались кости умершего.

Внешне эти гробики напоминают по форме кочевую юрту, чем наглядно показывают влияние кочевников на культуру согдийских

земледельцев, которые у себя на родине в астодах воспроизводили тип дома оседлого земледельца. Кроме того, найдены в большом количестве культовые предметы — светильники, связанные с сохранением неугасимого огня.

Много памятников этой шаманистско-зороастрийской религии в Киргизии найдено в районах Кенбулуна, Красной речки, Сукулука.

Наряду с памятниками зороастризма, здесь представлены также памятники буддизма. Буддийская пропаганда шла в Киргизию из Восточного Туркестана. В памятниках буддизма, которые обнаружены в Чуйской долине (сосуд с буддийскими изображениями из с. Александровки, храм с культовыми буддийскими росписями у с. Новопавловское), наглядно выступают черты восточно-туркестанского буддизма, занесенного сюда в IX веке уйгурами.

Ислам, проникающий в Киргизстан в VIII веке, получает свое наибольшее распространение несколько позднее — в XI—XII веках.

Вместе с этими влияниями и народами проникли в Киргизию разнообразная письменность и языки. Местное население говорило главным образом на тюркском и согдийском языках, для письма пользовалось не только согдийской, но и древнерунической письменностью; кроме того, здесь звучала китайская и сирийская речь и была распространена письменность этих народов.

Господствующим языком был тюркский, а политическое господство тюрков, особенно в VII—VIII веках, привело к тому, что этот язык распространился в Средней Азии, и прежде всего в Фергане.

Живя на рубеже Средней Азии и Китая, народ Киргизстана стал не только опосредником обеих культур, но оставался создателем новых культурных ценностей. Здесь согдийское письмо было применено тюрками к тюркской речи, и, получив отсюда это письмо, уйгуры приспособили его к своему языку. Позже уйгуры передали его монголам, а последние — манчжурам.

Здесь создавались те широко распространенные образцы шелковых тканей, где китайский лотос причудливо переплетался с орнаментом Средней Азии.

Как видно из изложенного, в эпоху западнотюркского каганата VI—VIII веков и в карлукский период VIII—X веков установились широкие культурные связи народов Киргизстана с народами других стран. Здесь создавалась большая и своеобразная культура.

Кочевники тюрки «уступили» свои территории по Чуйской долине согдийцам и, оставаясь их политическими хозяевами, сами отошли в горы, в долины и ущелья. Их главная ставка находилась в долине Большого Кемина, у современного пос. Новороссийского. Здесь в ставке, в городе Суябе, за неприступной стеной гор сидел верховный владыка Киргизии тюркский каган, к которому из далекой Византии, Китая и других стран шли послы царей и императоров с подарками и договорами, монахи с проповедями, торговцы с товарами.

Отсюда, из ставки Суяб, неоднократно выходили в поход на запад и юг дружины кагана. Прекрасно вооруженные совершенным для своего времени оружием — луком, стрелами, копьями, мечами, на быстроходных конях шли они на борьбу с проникавшими сюда врагами, на войну для покорения строптивых вождей и возвращения отложившихся владений.

И в эту пору, в пору наибольшего культурного роста кочевников, особенно усилилось движение на Тянь-Шань кочевников-киргизов Енисея. Киргизы становились соучастниками этого большого культурно-творческого процесса, запечатлев его в многочисленных памятниках народного творчества Киргизстана V—X веков.

3

Если в предшествующее время Киргизстан лишь накапливал ценности и только подходил к смене своего старого кочевого обличия, то в эпоху XI—XII веков все предшествующее развитие нашло свое яркое завершение.

XI—XII века в отношении культуры являются временем развития городов и монументального строительства, временем стабилизации феодальных отношений, наконец, временем, когда вторично, после VII—VIII веков, народы Киргизстана становятся хозяевами Средней Азии до Аму-Дарьи включительно.

В Киргизии было большое количество городов. На юге большими городами были в это время Ош, Медва (современный кишлак Мады), Узген. Узгену суждено было стать даже среднеазиатской столицей, когда в ней сидели правители Мавераннахрского удела государства караханидов.

Эти города были не только центрами политической власти, торговли и ремесла, но около них концентрировалась и сильно развитая добывающая промышленность, славившаяся далеко за пределами Ферганы. Густая

сеть городов, крепостей и караван-сараяв покрывала Северную Киргизию, Чуйскую долину, берега Иссык-куля и Тянь-Шань. Здесь проходили в Восточный Туркестан многочисленные караваны из Самарканда, Бухары и др. Много было городов по рр. Таласу и Чу. Так, на территории Киргизии по Таласу, к югу Тараза (ныне г. Джамбул), стояли: Атлах (у с. Солдатского), Хамукат (у с. Серафимовки), Шельджи (у пос. Кировск), Сусы (у с. Водного), Куль (у с. Орловки), Текабкет (у с. Дмитриевского); в Чуйской долине, на современной границе Киргизии и Казахстана, — города: Ашпара (с. Чалдывар), Нузкет (с. Карабалты), Харран Джуван (к северу от Беловодского), Джуль (у с. Новопавловки), Сарыг (с. Красная речка), Баласагун (около Токмака), Невакет (с. Орловка), Кумбрикет (с. Советское), Суяб (с. Новороссийское). От Тонского до Тюпского залива Иссык-куля были расположены 9 городов области Верхний Барсхан и другие города на Тянь-Шане, в частности на Кочкарке.

Процесс сложения городов Киргизстана был весьма своеобразным. Большая часть из них возникла на базе древних согдийских колоний и военноторговых факторий V — VII веков (Чуйская долина и Иссык-куль). Некоторая часть поселений возникала среди кочевых владений, на базе военноторговых факторий, на базе ханских ставок (вроде городов Атбаш и Каджингарбаши в Центральном Тянь-Шане — городища Ширдакбек и Кошой-Курган), Суяб (Чонкемин) и другие «города» северного Семиречья, как, например, Койлык в бассейне реки Или (современное городище Дунгине у Талды-Кургана). Наибольшее распространение второго типа поселений относится главным образом к XI — XII векам.

Центром города этого времени была обычно укрепленная часть, расположенная по возможности на возвышении; здесь в центре размещался дворец — замок правителя (арк-цитадель), вокруг которого за мощными стенами располагались также важнейшие государственные учреждения, как, например, казначейство, арсенал и другие, наряду, конечно, с хозяйственно-бытовыми постройками для обслуживания семьи правителя и проживавших в арке лиц. Около арка или чаще вокруг него располагался так называемый шахристан, так же обнесенный общей стеной с башнями и укрепленными воротами. Внутри шахристана помещались государственные учреждения, усадьбы знати и чиновников, соборная мечеть и базары, игравшие весьма значительную роль в жизни города того времени. Большинство базаров являлось также местом производства товара, что являлось, впрочем, специфической особенностью всех базаров Средней Азии того времени. За

стенами шахристана находились торгово-промышленные предместья (рабады). Здесь главным образом размещались такие предприятия, нахождение которых внутри шахристана было нежелательно из-за всякого рода специфических производственных особенностей (кожевенное производство, обжигательные печи, бойни и т. п.).

За пределами города располагались укрепленные пункты (рибаты), в которых жили «борцы за веру», охранявшие границы от набегов так называемых «неверных» — конницы кочевников, очень медленно переходивших в ислам.

На путях между городами располагались подчас весьма сильно укрепленные караван-сарай, обеспечивавшие безопасность торговых путей, ночлег и охрану караванов.

Город был средоточием культуры. Здесь жили искусные мастера, которые, наряду с предметами домашнего обихода, готовили высокохудожественные вещи, воздвигали великолепные архитектурные сооружения; художники расписывали замысловатыми узорами дорогую посуду, украшали стены домов и храмов, писатели творили здесь свои произведения, ученые писали свои труды.

Немало памятников такого творчества сохранила Киргизия. В Узгене сохранились выдающиеся памятники архитектуры того времени — три мавзолея и минарет. Первоклассный памятник архитектуры — минарет XI века, известный под названием башни Бурана, и поныне стоит на развалинах старого поселения Кирмирау, у Токмака.

Все больше и больше проникает в строительство обожженный кирпич, из которого воздвигаются монументальные постройки, прежде всего дворцы, мечети, минареты, мавзолеи, бани и т. д. Зачастую фасады этих зданий украшаются фигурной кладкой кирпича и резной терракотой, узоры которых представляют собой высокохудожественные произведения, напоминая причудливые композиции ковров. Узоры таких плиток еще раньше слагались в виде орнаментации посуды и иногда воспроизводили манеру резьбы по дереву. Характерно, что только с появлением караханидов (династия которых сложилась в Семиречье), первая столица коих была в г. Баласагуне на р. Чу, этот замечательный архитектурный прием получил распространение в Средней Азии. Возможно, что изобретение резной терракоты, своими корнями уходящее в творчество предшествующих кочевников, и принадлежит народам Киргизстана; оно относится, впрочем, к тому времени, когда вкусы тюркских кочевников оформляла искусная рука согдийского мастера,

т. е. к VI—VIII векам, когда ремесло было почти целиком в руках согдийцев, особенно керамическое.

В искусстве Киргизстана с конца X века официально господствовал ислам. Он законополагал сюжет изображений, тематику орнамента, текст вплетенных в растительный узор надписей коранического содержания. В угоду исламу коранические тексты и благопожелания прочно вошли и в украшения богатой парадной посуды, отличающейся высоким качеством изготовления и технологически совершенными глазурями. И все же, как ни силен был ислам, ставший религией господствующей тюркской династии караханидов, через эту религиозную преграду настойчиво и упорно пробивалась народная струя в искусстве, идеология, чуждая омертвляющим догмам ислама.

Народные массы Киргизстана, в которых еще жили традиции согдийского свободолюбия, равнодушно отнеслись к исламу. Их стремление к независимости от религиозных канонов проявлялось в искусных изображениях реалистического порядка, заимствованных из животного мира, которые часто соседствовали с чисто мусульманскими надписями и канонизированным беспредметным орнаментом. Идя навстречу этим народным требованиям, художник-ремесленник, наряду с кораническими благопожеланиями, включал в орнаментацию изображение фазана, лягушки, медведя и даже человека.

Художники украшали фресковой живописью (роспись красками по сырой штукатурке) стены зданий. Если в предшествующую эпоху нам известны резьба по сырцовым стенам зданий и раскраска орнаментов с растительными сюжетами (г. Сарыг), если в этот же период мы знаем разрисовку сухих стен красками (техника альсекко, выполнявшаяся уйгурскими мастерами), то теперь, наряду с альсекко, появляется и фреска.

Городская жизнь и все более развивающийся рынок требовали увеличения производства. С одной стороны, увеличивалось число произведений, характеризующихся индивидуальным исполнением и повышенным качеством; с другой стороны, для массового потребления изготавливались предметы, носящие следы массового изготовления. При изготовлении посуды абсолютное преобладание уже имеет гончарный круг, а украшение посуды почти всегда производится штампом. Здесь художник уступил место ремесленнику. Богатая и разнообразная орнаментация посуды производилась порой небольшим набором орнаментальных штампов, искусно использованных мастеров.

Гончарное дело достигает в эту эпоху исключительного расцвета. Из глины изготавливается: посуда — от маленьких флакончиков до больших бочек, хумов; строительный материал — кирпичи, облицовочные плиты, резная терракота; наконец, водопроводные трубы.

В XI веке в городах Чуйской долины широкое распространение получает устройство водопроводов, характеризующих высокую культуру городского строительства. Наряду с сырцовым кирпичом в жилом строительстве употребляется и обожженный кирпич; впрочем, часто из него выкладываются только полы зданий.

В сельском хозяйстве идет развитие ирригационной системы. Начинают осваиваться пойменные места р. Чу. Наряду с арыками применяются чигири. Универсальным земледельческим орудием того времени остается весьма больших размеров кетмень с полукруглой рабочей частью, несколько сужающейся к обуху. Для вспахивания применяется примитивная соха — омач — с железным треугольным сошником. Многие орудия, типичные для этого времени, продолжали существовать и до недавнего прошлого; таковы, например, слабо изогнутые серпы, скребла для снятия мездры со шкуры, ножницы для стрижки шерсти овец и т. п.

Города были окружены садами. Среди плодовых деревьев широко распространены были урюк, яблоня, тутовое дерево; в полях высевали пшеницу, просо, ячмень. Разводилось много винограда, и местным жителям Киргизии было известно изготовление вина. Приспособления для изготовления вина были открыты раскопками 1939 г. около с. Красная речка.

На городских базарах кипела оживленная торговля. Сюда стекались товары из далеких стран. Торговые пути разветвлялись, и по труднодоступным прежде территориям к северу от р. Чу уже проходила сеть торговых путей. В Киргизстане не только находят сбыт распространенные ранее товары, но появляются и новые их виды. Характерны в этом отношении украшения. Сюда идет янтарь Балтийского моря, перламутр, коралл и раковины каури из Индийского океана и мн. др.

По образцу классических мусульманских монет караханидские владельцы чеканят свою монету: строятся мечети, медресе, ханаки и мавзолей.

Из столицы караханидов — города Баласагуна (около современного г. Токмака) — происходил Хаджи Юсуф Баласагунский, который в 1069 г. написал многострофное сочинение — дидактическое нравоучение «Кудатгу

Билик». Книга эта учит, как лучше управлять государством. Обращенная к верховному владыке — караханиду Тобгач Кара-Хакану, она целиком и полностью направлена в защиту города, его купцов и знати; автор призывает оказывать покровительство ремесленникам, соблюдать осторожность в отношении кочевников, в которых он справедливо видит возможную опасность для власти.

Когда в середине XII века в Киргизстан проникли каракитаи и старая столица Баласагун стала столицей пришельцев, культура Киргизии не подверглась особым изменениям. В нее лишь влилась новая, весьма мощная струя буддизма. Этот новый поток буддизма важен в том отношении, что он впитал в себя среднеазиатскую культуру и в этом синтезе были созданы новые памятники культуры. В города древнего Киргизстана пришли мастера Восточного Туркестана и Северного Китая — уйгуры, создавшие центры буддийской пропаганды — храмы и монастыри. Исследователь найдет здесь работу опытного коменотеса, искусно высекавшего статуи Будды по классическим образцам из Хэнани (Китай), работу мастера росписи, воспроизводившего рисунки из монументальной живописи Кара Ходжо (Восточный Туркестан), труд скульптора, лепившего из глины статуи по образцам прекрасных фигур из Мирана (южная часть Восточного Туркестана), резчика по глине, гравировавшего ветку священного буддийского дерева — «хинка билоба», которое дожило до нашего времени только в некоторых частях Китая и Японии. Но все эти элементы были подчинены творчеству местных племен Киргизстана. Буддизм постепенно растворился в местной культуре жителей Тянь-Шаня.

Строители зданий запечатали свое происхождение надписями на черепице на уйгурском языке и санскрите и орнаментами дальневосточного и среднеазиатского происхождения.

Восстание Бузара в Восточном Туркестане, поддержанное местными племенами Киргизстана, разрушило государственные устои власти каракитаев и в значительной степени предредило свободное движение монголов.

С разрушительными походами монголов надолго кончается поступательное движение культуры Киргизстана. Если в первые годы (20-е годы XIII века) монгольского владычества путешественники отмечают еще проявление культурной и земледельческой жизни в Киргизстане, то к середине XIII века о ней почти не приходится говорить. В 1253 г. путешественник Рубрук, проезжая по этим обезлюдевшим местам, мог описать только раз-

рушения и пепелища, после того как по городам прошли монголы. Но в каких-то пределах здесь продолжалась культурная жизнь. В ставках монгольских ханов опустевшего Киргизстана находились ремесленники разных национальностей. О множестве профессий и разном происхождении ремесленников говорят многочисленные находки в Киргизии (особенно под Токами и около Фрунзе) христианских надгробий, в которых крест окаймляет надпись, выполненная сирийским алфавитом. Тяга монголов к роскоши и богатству была причиной, способствовавшей сохранению жизни ремесленников, христиан по религии, мастеров разных профессий, выходцев из различных стран.

И все же это была эпоха гибели культуры, время застоя и регресса. Погибли некогда мощные центры культуры. Города, исчезнувшие при монголах, оказались покрытыми слоем пепла и углей. О деяниях монголов образно пишет современник, арабский географ Якут: «Они погубили тех, кто оставался там, включив в их число тех, которых они погубили помимо их. И не осталось (ничего) от тех прекрасных садов и высоких замков, кроме разрушенных стен и следов исчезнувших народов».

Не возродила культуры Киргизии активная деятельность Тимура, его сына Шахруха и его внука Улутбека. Попытки тимуридов восстановить городскую жизнь в Киргизии, в целях создания себе опорных баз для осуществления похода в Китай, не имели сколько-нибудь ощутимых результатов.

Жители наскоро восстановленных городов, как, например, Ашпара или Шельджи, не являлись творцами новой культуры. Распространяя и укрепляя идею ислама, тимуриды строили мусульманские культовые сооружения с целью создать здесь, в Киргизии, новые центры мусульманской пропаганды.

Однако такие произведения архитектуры, как, например, мазар Кенизек Хатун на Таласе (построенный эмиром Бука), известный под именем мазара Манаса, были одиночными явлениями.

Казалось бы, что прошлое осталось только в руинах, было погребено под землей, не отложилось в культуре народа-потомка. Но носители старой культуры Тянь-Шаня остались. Это был давно пришедший на Тянь-Шань киргизский народ.

Переселяясь с дальнего Енисея на Тянь-Шань в течение почти двух тысячелетий, киргизы тем самым все более активно включались в большой культурно-творческий процесс, начатый древними народами Тянь-Шаня.

Приходившие с Енисея киргизы были в достаточной степени культурным народом; они имели там сравнительно высокую культуру. Китайские источники сообщают, что на Енисее было много китайцев-ремесленников, и перечисляют ряд киргизских городов, среди которых следует прежде всего указать Ийлан Чжоу.

Енисейские киргизы широко славились своими мастерами, особенно кузнецами, с произведениями которых Киргизстан был хорошо знаком еще раньше.

Однако не следует переоценивать роль киргизских племен на Тянь-Шане в древности, во всяком случае до XIII века. Переселяющиеся на Тянь-Шань отдельные группы киргизских племен очень долго не составляли этнического большинства; они не могли тогда завоевать ни политического господства, ни культурного преобладания. Процесс развития и складывания тяньшаньских киргизов был совершенно другим, чем енисейских. Киргизские племена древнего Тянь-Шаня составляли главным образом кочевую сельскую округу городских центров и занимали, по всей вероятности, горную часть страны.

На Тянь-Шане киргизы продолжали вести кочевой образ жизни, но, возможно, часть из них оседала в городах, занимаясь, в частности, производством предметов из металла. Оставаясь все время кочевниками, но близко соприкасаясь с городами, киргизы приобретали и использовали в своем быту черты городской, более высокой культуры.

Высказанное нами предположение о том, что киргизы в какой-то части оседали в городах и сохраняли свое металлургическое производство, основывается на немногочисленных находках, имеющих аналогии в искусстве древних киргизов Енисея и кочевников Алтая (Кочкорский клад, сбруйные накладки, предметы вооружения). Весьма важным является указание источника X века Худуд-ал-Алам на наличие в районе Тянь-Шаня, быть может в равнинах Семиречья, «города киргизов» (Кыргызкент), очевидно ставки киргизского хана. Напомним, что источники отмечают как раз в X веке вторую волну проникновения енисейских киргизов на Тянь-Шань. Об этом, кроме источника Худуд-ал-Алам, свидетельствует автор X века Истахри.

После разрушения страны монголами, после неоднократных опустошительных набегов ойротов, в Киргизии продолжали жить и отстаивать ее свободу «дикие львы Могулистана», как называл киргизов Мухамед Хайдер (XVI век). Будучи кочевниками, киргизы сравнительно легко

перенесли вторжение кочевников же монголов и ойротов и в то же время, будучи, по сравнению с монголами и ойронтами, самыми старыми здесь жителями, они оказались не только единственными хранителями былой культуры Киргизстана периода расцвета (V — XII века н. э.), но народом, развившим некоторые явления этой культуры на базе собственных своих культурных навыков и традиций.

Кочевой характер быта киргизов, изолированность их в труднодоступных горных долинах позволили им уйти от ударов монгольских полчищ. Напомним, что киргизы на Енисее оказали монголам упорное сопротивление, вызвавшее специальную военную экспедицию Джучи-хана 1218 г., о чем сообщает Рашид-ад-Дин. Не исключена возможность сопротивления монголам и киргизов Тянь-Шаня, хотя прямых свидетельств этого мы не имеем. Во всяком случае, кочевникам-киргизам легче было уйти от удара монголов, чем оседлому населению городов Чуйской долины. Эти группы киргизов, хотя в какой-то мере и подчинились монголам (о чем свидетельствуют племенные названия киргизов типа «монгодор»), сохранили в некоторой степени древнюю культуру народов Киргизстана.

Киргизский орнамент и народный фольклор многое запечатлел из эпохи расцвета культуры Киргизстана — до монгольской эпохи, особенно в орнаменте ширдаков¹ и тушкинзов² можно найти воспроизведение священной птицы согдийцев — фазана, вихревую розетку караханидов XI—XII веков, орнаментальный круг VII—VIII веков, китайский символ благополучия, достатка жизненных благ — «таотье», геометрическую линию карлукского периода VIII — X веков, рисунок штампа XI — XII веков и разновидности бараньих рогов, ныне в ширкадах воспроизводящих рисунок древнего изразца, и многое, многое другое,³ на основном фоне самобытного киргизского орнаментального искусства.

Следует отметить, что наличие таких пережитков в культуре киргизов послемонгольского периода раскрывает составные части, сложный путь формирования киргизского народа, который, как и любой другой народ, складывался исторически из разных племен и рас.

Столь же древен и народный фольклор, особенно эпос «Манас».

Описание похорон Кокетея, где покойному надо, согласно обычаю, разделить мясо от костей, напоминает зороастрийский обычай захоронения

¹ Ширдак — войлочный коврик.

² Тушкинз — вышивка по материи.

³ См. «Киргизский национальный узор», Ленинград — Фрунзе, 1948.

умершего. А походы Манаса в Бейджин — это, несомненно, воспоминание похода Яглакар-хана в Бешбалык в IX веке и т. д. и т. п.¹

В кочевой культуре киргизского народа оказались сохраненными следы высокой культуры Киргизстана, когда он был в расцвете своих творческих сил. Удар, нанесенный этой культуре в период господства монголов и калмыков, определил на столетия упадок культуры Киргизстана.

Воскрешение культуры Киргизстана связано уже с культурой русского народа, а расцвет национальной культуры — с Великой Октябрьской социалистической революцией.

¹ См. нашу статью в альманахе «Киргизстан», Фрунзе, 1945.

Глава II

ДОМ И ГОРОД

В науке широко утвердилось мнение о том, что древние погребения человека являются более или менее близким подобием жилища. Несомненно, курганы кочевников с их сферической насыпью гармонируют с куполообразным верхом кибитки, являвшейся на Тянь-Шане исконным видом жилья человека. Во всяком случае, древнейшие свидетельства письменных источников о Тянь-Шане, а именно китайские, уже отмечают войлочные юрты кочевников. Каково было жилище на юге Киргизии, у нас нет свидетельств ни археологических, ни письменных. Но, судя по аналогии древних культур Ферганы с культурами более западных районов, древнейшее жилище на юге Киргизии представляло собой комплекс параллельно расположенных узких комнат, перекрытых сводами полуциркульного или эллиптического очертания. Строительным материалом служили длинные и массивные сырцовые кирпичи. Иногда крыши были из камня или бревен с камышевым настилом и последующей глиняной обмазкой. Этот тип постройки прочно вошел в быт народов всей Средней Азии и существовал и у оседлого населения Киргизстана, не только на юге, но и на севере, во всяком случае до VIII века н. э.

Если действительно курган является некоторым подобием наземного жилища кочевника, то нельзя не обратить внимания на такие детали в ранних курганах Киргизстана времени саков и усуней, как широкое применение в них брусьев из тяньшаньской ели, укрепленных, видимо, срубом, и накатов из тонких жердей, как бы имитирующих шалаш. Обращают на себя внимание кольцевые выкладки вокруг курганов, иногда из тесаных

камней, имеющие порой весьма любопытные очертания (например, в Таласской долине), несомненно воспроизводящие идею солнечного круга,— так называемые кромлехи. Ограды «царских» курганов (имеющие, как правило, концентрическое построение) напоминают ставки киргизских владык еще в период их пребывания на Енисее, когда, по свидетельству китайских источников, киргизские владыки имели стойбище, обнесенное надолбами, а дом состоял из палатки, обтянутой войлоком, тогда как начальники жили в «малых палатках», а население зимой размещалось «в избах, покрытых древесной корой». Лингвистические свидетельства документируют нам такой факт, что еще сравнительно недавно у киргизов Памира были чумы, т. е. шалаши, обтянутые звериными шкурами.

Из этого относительно богатого различия форм жилищ, хотя принципиально одного и того же происхождения, явствует, что и наблюдаемое в курганах разнообразие соответствует относительному разнообразию конструктивных приемов при возведении наземных жилых сооружений.

Если юрта была исходной формой жилья, а концентрический круг основным планом не только дома, но и поселения, то эти два элемента следует признать типическими для древнейшей «архитектуры» Киргизии в районах обитания кочевников.

По существу основу этого мотива повторяет и катакомба, появляющаяся на Тянь-Шане на рубеже нашей эры в связи с движением гуннов. Катакомба состоит из дромоса (входа), «айван» (навеса) и собственно катакомбы — «ляхат», овальной в плане и со сферическим перекрытием, выбитым, как и вся катакомба, в плотной массе лёссовидных суглинков.

Устройство таких катакомб, внутри которых мы обнаруживали при раскопках массивные постаменты из хорошо обработанных деревянных плах, скрепленных шипами, показывает умение кочевников не только вырубать себе помещение в грунте, но и хорошо обрабатывать дерево. Таким образом, уже в древнейших косвенных и прямых вещественных документах о жилище выступает его круглый план, в основном — концентрическое построение поселения, конические (шалаш и чум), сферические и плоские (жердевый накат) перекрытия, широкое использование дерева, войлока отчасти камня, камыша и глины. Как показывает дальнейшее развитие форм жилища у кочевников, в том числе и у кочевников Киргизстана, очевидно оно шло по пути стабилизации юрты за счет сокращения других производных форм и конструкций. Усовершенствование юрты не порождало разнообразия форм, а, наоборот, сокращало их.

Принципиально изменился архитектурный ансамбль поселений части Киргизстана — в Чуйской долине — с V века н. э., когда эта долина стала местом обитания согдийцев. Их колонии представляли собой совокупность отдельных сильно укрепленных домов, называвшихся в районе Бухары, Самарканды и в Хорезме согдийским словом «кёшк».

Один из таких домов, раскопанный в Чуйской долине, на месте древнего города Сарыга, дал следующую картину.

Дом представлял собой двухэтажное здание, состоящее из двух комплексов длинных комнат, от 6 до 8 м (по три в каждом), шириной до 2 м, расположенных параллельно друг другу. Оба эти комплекса были расположены перпендикулярно к такой же комнате, без следов перекрытия, составляющей как бы ось всего здания. Стены дома сложены из пахсы и чистого лёсса в виде массивных блоков, почти до 1.5 м в сечении; горизонтальные линии этих блоков были вырваны сырцовым кирпичом. Сырцовый кирпич, зафиксированный в строительстве этого дома, был разнообразных размеров, от $22 \times 22 \times 6$ до $28 \times 13 \times 10$ см, т. е. квадратной и продолговатой полуквадратной формы. Нижние части стен были более массивные, верхние несколько утончались, что снаружи производило впечатление наклоненной внутрь стены.

Нижний этаж освещался окнами-бойницами в виде вертикальных проrezей около 50 см высотой и до 10 см шириной. Освещение верхних комнат осуществлялось из «осевой» комнаты через торцовую часть примыкающих к ней комнат.

Междуэтажные перекрытия покоились на балках, от которых остались гнезда в стенах, а кровля представляла собой сводчатое перекрытие, vyplненное кладкой из продолговатых кирпичей. Гладко затертые стены комнат исследованного дома были лишены каких-либо украшений, несомненно наличествующих в других постройках, о чем говорят не только аналогии, но и данные из этого же поселения, правда несколько более позднего времени.

Только что описанный дом не является каким-либо исключением. Такую планировку жилья мы наблюдаем прежде всего в поселениях Согды, в замке на горе Муг, поселении в Талиборзу, видимо — в древнем Ривдаде, отчасти в архитектуре замков Ташкентского оазиса древнего Шаша (Ак-Тепе у г. Ташкента) и Мунчак-Тепе в области древней Усрушаны (развалины находятся на строительстве плотины в местности Фархадстрой у ст. Беговат), а также и в других объектах. Почти точный план такого

дома, который нам довелось исследовать в Сарыге, изображен на одном черепке из коллекции Кастальского, хранящейся в Музее восточных культур в Москве. В привлекаемой аналогии особенно важно наличие осевой комнаты, связывающей два комплекса помещений, расположенных перпендикулярно к ней. Дом согдийских поселенцев — это малая крепость отдельно живущей патриархальной семьи, в составе которой находились и домашние слуги — рабы. Такой дом-крепость, обнесенный мощной стеной, защищал его обитателей и от возможных нападений окружающих кочевников и от потенциальных врагов обитателей этих домов — их рабов.

Укрепленные дома располагались на известном расстоянии друг от друга и были окружены садами; совокупность таких домов, составлявших колонии, занимала сравнительно большую площадь.

Однако эти дома не могут рассматриваться как феодальные замки. На площади не больше чем 10 км² не могли бы ужить несколько десятков феодалов. Укрепленные дома и планировка колонии — типичный образец архитектуры и топографии поселения, соответствующей среднеазиатской античности, что нашло свое наиболее яркое выражение в прекрасно сохранившихся поселениях древнего Хорезма.

Древний Сарыг — колония; в ней эти элементы выглядят провинциальнее, но достаточно ярко, чтобы усмотреть в них архитектурный ансамбль поселенцев; все эти элементы кровными нитями связаны с общим процессом развития культуры Средней Азии от Хорезма до Семиречья.

Согдийский дом V—VIII веков н. э. получает свое дальнейшее развитие в последующие века, особенно с середины VIII и до X века включительно. Сохраняется массивный первый этаж, превращающийся, по существу, в своеобразный стилобат. Зачастую мы наблюдаем такие явления, когда на базе согдийского замка перестраивался верхний этаж, а нижние забивались строительным мусором и заливались жидкой глиной. Верхние этажи уже представляли собой обычно прямоугольные или квадратной формы комнаты, размером примерно 5×5 м; кладка была из сырцового кирпича удлиненной формы.

Такие постройки обычно наблюдаются за стенами возникшего в это время города. Кирпич клался на жидком глиняном растворе, причем швы были весьма толстыми, до 5 см, т. е. достигали почти половины толщины кирпича. Стены штукатурились мелко отмученной глиной в три слоя: сверху вниз, затем по горизонтали и снова в вертикальном направлении. Пол покрывался плотной обмазкой, к которой иногда примешивалась древесная

зола, в качестве гидроизоляционной прослойки. Многослойность полов, со следами одновременных остатков материалов, свидетельствует о многократном их ремонте. Кровля здесь, очевидно, была плоской и покоилась на бревенчато-жердевом накате, покрытом камышевой плетенкой (буйра), смазанной глиняным раствором, также с примесью древесной золы. Содержание золы было достаточно обильным, ибо разрез такой массы дает пятнисто-черную окраску, с преобладанием черного над серо-желтым цветом лёссовидного суглинка.

Нередко и в полы комнат закладывалась камышевая прокладка, иногда — камыш солидного сечения, намного бóльшего, чем чий. Внутренние стены домов этого времени имеют уже широко развитый декор, в то время как о наружном оформлении мы почти ничего не знаем. Можно только сказать, что наружное членение фасада было крупномасштабным и тело здания выглядело монументальной нерасчлененной массой.

В противоположность этому комнаты внутри дома, особенно женские, судя по инвентарю, в них находимому, обладали изящной и тонкой отделкой. В отделке комнат мы знаем следующие приемы: 1) терракотовые плитки, 2) штампованный узор, 3) роспись в технике альсекко с дополнительной гравировкой. Известны терракотовые плитки двух форм: круглые и прямоугольные. В обоих случаях они относятся ко времени не позже VIII века. Часть из них происходила из Тараза,¹ часть из Чуйской долины (Сукулукское городище). Круглые плитки, в виде диска, имеют гладкую тыльную и украшенную высоким рельефом лицевую сторону. Сюжет рельефа — виноградная кисть, греческого типа пальметки, лотос. По краю диск обведен высоким бортиком; диаметр диска до 20 см.

Прямоугольная плитка из Сукулука, размером до 40 см, содержит орнаментальный круг, внутри которого исполнен китайский лотос. Из таких плиток составлялся внутренний фриз комнаты. В Сукулуке был обнаружен и штамп, которым выдавливался узор по мягкой глине штукатурки. Овальный в плане, он имеет сферическую с ручкой тыльную сторону. Ручка расположена по длинной оси штампа. Узор глубоко врезан в штампе и представляет собой четыре пары завитков, расположенных по длинной оси узора. Вероятно, такими штампами выдавливались узоры высоким рельефом. Широкое применение штампа в гончарном производстве согдийцев,

¹ Собранный проф. М. Е. Массоном материал хранится в археологическом кабинете Среднеазиатского гос. университета; собранная автором терракота находится в Гос. Эрмитаже; сукулукская коллекция — в Музее национальной культуры КиргФАН (Фрунзе).

наличие штампованной короластики, украшений на сосудах документировано как находками оттисков, так и самими штампами (Тараз, Сукулук в Семиречье, Тали Борзу в Согде); порой эти изделия исключительно тонкой выделки и изящества и красноречиво говорят о большом мастерстве ремесленников. Тип такой декорации архаичен: в Семиречье он восходит к VI—VIII векам.

Большой интерес представляют росписи стен жилых домов. По сухой, гладко затертой глиняной поверхности стены мастер красками минерального происхождения наносил рисунки орнамента: восьмигранники с восьмилепестковой розеткой посередине, побег лозы со слабо завитыми отростками и др. Контуры рисунка глубоко прорезались тонкими линиями, придавая им тем самым большую рельефность. В росписи участвовали черная, желтая, красная краски. Такие росписи обнаружены при раскопках в жилом доме из Сарыга. По технике украшения стен эта роспись с резьбой напоминает декор построек в Самарре IX века. В несколько иной технике вскрыты росписи в другом жилом доме в Сарыге. Роспись здесь также была расположена по затертой в трех направлениях глиняной штукатурке, имевшей в изломе «фанерную» структуру. На эту затертую поверхность наносился рисунок в той же технике альсекко. Сюжет — буддийского происхождения; был найден обломок стены с изображением бодисатвы, кусок фриза с изображением набегающих друг на друга манчжурских астр, фрагмент с чередующимися красными и синими прямоугольниками и ромбами. Рисунки эти, вероятно, украшали матерчатое покрывало пьедестала, на котором возлежит умерший Будда, — изображение, характерное для сцен «прощания», так называемых «праниди». Росписи сделаны в темных, в основном в синих, тонах, свойственных так называемой манихейской школе живописи, предшествующей школе уйгурской (получившей преобладание со второй половины IX века). Стены описываемого жилого дома были украшены, кроме того, неглубокими декоративными нишами с килевидным абрисом внешнего обвода арки.

Наряду с жилым домом, для этого времени в Чуйской долине известны и храмы буддийского происхождения. Уже в раннем средневековье на территории Семиречья причудливо сплетались все четыре религии: зороастризм и буддизм, ислам и христианство. Известно, что один из завоевателей Семиречья в конце IX века — Исмаил-ибн-Ахмед, взяв город Тараз, переделал церковь в мечеть. Зороастрийские и буддийские культовые места документированы и археологическим материалом.

В районе древнего города Джуль (развалины находятся примерно к 10 км к западу от г. Фрунзе) строительными работами был вскрыт буддийский монастырь, правда сильно испорченный могильными ямами позднего киргизского кладбища. Монастырь этот представлял собой расположенные по квадрату кельи буддийских отшельников, по типу сангарам буддийского Синьдзяна. Очевидно, в одном из помещений располагалась буддийская часовная — чайтья, из которой были изъяты фрагменты культовых статуй и куски штукатурки стен с росписью.

В лёссовидную глину здесь был замешан мелко изрубленный камыш — чий, но в очень малых дозах. Очевидно, при помощи штампа, с дополнительной отделкой стёком, были изготовлены высокие барельефы культовых статуй, либо докишта (охранителя Будды), либо Ваджрапани («громовержца»), статуи Сакья, рыцарей из рода Будды, а также фрагменты росписей по гладкому фону стен (ромбические узоры тканей, нимб бодисатв и т. п.). Наряду с темными тонами росписи здесь уже выступает интенсивная раскраска и красным цветом, характерная для уйгурского периода синьдзянской росписи. Новыми элементами являются использование штампа для изготовления статуй и новые тона краски (красный цвет).

Время господства в Семиречье карлуков (со второй половины VIII до второй половины X века), по имени которых этот период называется курлукским, ознаменовалось ростом поселений в Киргизстане. Археологические данные позволяют утверждать, что к этому времени на смену рассредоточенному расселению в отдельных укрепленных домах согдийских колоний появляется более компактное строительство зданий для владыки района и его приближенных, причем этот комплекс зданий обносился крепостной стеной, давая начало городскому строительству — будущему шахристану. Ввиду того, что города возникали на базе согдийских колоний долин Таласа и Чу, очевидно, что зороастрийские воззрения сыграли не малую роль и в планировке городской площади. Древние шахристаны четырехугольны в плане и ориентированы сторонами по странам света. Стены шахристана укреплялись мощными полукруглыми башнями, с особо выступающими башнями по углам. Обычно в центре каждого фаса стены прорезались ворота, укрепленные выдающимся наружу сооружением — прикрытием, имевшим в плане контур буквы Г. В центре шахристана, в одном из его углов или у стены, располагался дворец-замок владыки города, обычно намного выше стен шахристана, представляя собой доминирующую над окружающей местностью точку. Внутри шахристан делился центральными

улицами крест-на-крест, причем центральные улицы выходили к воротам, расположенным, как сказано выше, чаще всего в середине каждой стены.

Четверти шахристана были как бы изолированными друг от друга кварталами, план которых в деталях проследить еще не удалось.

По типу шахристана строились караван-сарай и военные поселения — рибаты, также четырехугольного плана. Местное население называет их турткулями, а в Илийском крае — туртпрешами. Внешнее отличие их от шахристанов заключалось в следующем: 1) малые размеры (длина стены максимум до 100 м), 2) как правило, только одни ворота, 3) отсутствует цитадель, 4) внутри рибатов постройки располагались только вдоль внешних стен, 5) в караван-сараях помещения располагались с таким расчетом, чтобы какая-то часть площади была свободна для выючных животных.

Зелени в таких поселениях было мало, а часто она вовсе отсутствовала. Иногда в центре шахристана, у цитадели, наблюдались следы бассейнов — хаузов (примером может служить древний город Харран Джуван, к северу от с. Беловодского). Вероятно, к этому времени относятся и каменные колонны, происходящие из Таласской долины, с полусферической базой с шаром, на который насажен ствол колонны с четырьмя медальонами внизу. Ствол колонны вверху перехвачен жгутом, и конец несколько расширяется, выявляя как бы недоразвившуюся капитель. Эта устойчивая форма колонны, по мнению М. Е. Массона, является некоторым подобием резных деревянных колонн. Один из лучших образцов такой колонны находится в с. Таласе Таласской области, а аналогии ей известны в Джамбуле, Чимкенте, в самаркандской мечети Биби Ханым и т. д.

Значительный прогресс обнаруживает строительство в последующие два века, при караханидах (XI—XII века).

Прежде всего в эту эпоху интенсивно развивается градостроительство. На смену большому количеству старых мелких поселений появляются отдельные крупные города, и, с другой стороны, города появляются в таких районах, где их раньше не было. Победа ислама привела к строительству культовых учреждений, связанных с религией, — мечетей, минаретов, мазаров. Развивается строительство феодальных замков, резче выявляется разница между дворцом феодала и жилищем ремесленника. В городе, как средоточии ремесла и торговли, появляется новая органическая часть — базар, и торгово-промышленные предместья — рабады.

Мы располагаем еще незначительным материалом для того, чтобы полностью нарисовать образы архитектурных ансамблей караханидского периода в Семиречье; ниже мы попытаемся привести уже известный материал, выявленный впервые (как и для древнего периода) для Семиречья (VIII—XII вв.) только нашими долголетними археологическими раскопками.

Жилые дома строились без всяких стилобатов, непосредственно на выровненной поверхности почвы. В городах часто наблюдается кладка каменного фундамента из рваного камня, иногда из булыжника. Фундамент состоял из 2—3 рядов камня высотой до 50 см, при такой же ширине. По фундаменту велась кладка кирпичных стен толщиной в кирпич (размер кирпича $30 \times 30 \times 15$ см). Кирпич обычно сырцовый, клался на жидком глиняном растворе. Полы делались из камышевой плетенки (буйра) и обмазывались глиной, либо выкладывались из жженого кирпича (размер $25 \times 25 \times 4,5$ см), с последующей промазкой той же глиной.

Дома состояли из двух-трех прямоугольных комнат, гладких внутри, иногда с приподнятыми глинобитными лавками вдоль стен («супа») для сидения и неглубокими нишами по стенам. Отопление таких жилищ производилось при помощи канов — каналов, проходивших внутри кладки стен. Топка, где сжигалось топливо, располагалась под полом, и горячий воздух шел по каналам, проходящим внутри стен. Устройство каналов для обогрева стен осуществлялось закладкой в них гончарных труб такого же типа, как для водопроводов, или выкладкой соответствующих труб-пустот внутри стен. Очаг для изготовления пищи размещался у дверей прямо на полу и иногда имел невысокую оградку подковообразной формы. Документальных подтверждений о существовании каминобразных печей в Семиречье не имеется.

Площадь улиц покрывалась, главным образом в шахристане, булыжной мостовой с узкими каменными тротуарами из обтесанных плит. Ими же зачастую выкладывались стенки арыков, перекрытых также каменными плитами. В водоснабжении города существенную роль играли водопроводы — «кобур», сложенные из гончарных труб, и узкие по диаметру колодцы — «кудук», сужающиеся книзу.

По типу колодцев выкапывались и ямы для уборных — «батраб ханэ», служивших также помойными ямами и местами свалки.

В городе существовали крупные постройки, выведенные уже целиком из жженого кирпича. Такие постройки, из-за высокой стоимости жженого

кирпича, были доступны только богатым, и более того — главным образом государству.

Те из этих сооружений, которые дошли до наших дней, будут рассмотрены нами особо, так же как особо будут отмечены и строительные приемы древних зодчих. Здесь же мы упомянем о тех новых данных, которые появляются в архитектурном ансамбле города этого времени.

Сохраняя типические черты города предшествующей эпохи, караханидский город, точнее — его шахристан, обрастает рабадом — торгово-промышленным предместьем. Последний состоит из улиц, радиально расходящихся от базарной площади, обычно помещавшейся около ворот. В рабаде больше простора и больше зелени, но постройки здесь мельче, хотя и менее скучены. Город теперь состоит из четырехугольного в плане шахристана, все с той же доминирующей по высоте цитаделью («арк, или «кухендиз»), и из неправильной формы рабада, окруженного, как правило, стенами, хотя и менее мощными, чем у шахристана. В караханидский период складывается окончательный рисунок не только плана города, но и всего оазиса. Кругом города стоят замкоподобные крепости, вышки — хисны, между которыми находятся рибаты, связанные друг с другом отрезками стен, защищающих этот оазис. Рибаты, стоявшие вдоль внешних стен оазиса, — не только военные поселения, но и торговые фактории, ведущие оживленную торговлю с кочевниками, приезжающими к оазисам из степей и гор. Внутри оазиса стоят отдельные феодальные замки на мощных платформах, иногда на соответственно обработанных естественных буграх, расположенных среди болот, чем затруднялась осада такого замка.

Архитектурный ансамбль караханидского города в Киргизстане имел много типичных признаков, свойственных и другим среднеазиатским городам. Над массой плоских кровель жилых домов выступали порталы мечетей, купола медресе и стройные минареты. В зданиях этого типа уже появился наружный декор стен, что не составляло характерной черты в зданиях предшествующего периода. В декоре здания, составляющем в перевязи с кирпичом самой постройки единое тело здания и образующем так называемый «текстильный» узор, впервые появляется облицовочная резная терракота, зачатки которой мы наблюдали ранее в терракотовых плитках и резных дастарханах внутри жилого дома.

Иногда богато отделялись и внутренние стены жилых и государственных зданий. Для отделки зданий широко использовался ганч — алебастр, применявшийся для штукатурки и штуктовых фриз, пилястров,

сталактитов, архивольты ниш и арок. В связи с широким применением алебаstra появляется фресковая роспись клеевыми красками по сырой штукатурке.

В резных орнаментах по ганчевому штуку господствуют геометрического характера мотивы, розетки, пальметки. Встречается много горельефной лепки, отдаленной штампом. В фресковой росписи преобладают геометрические фигуры, квадраты, восьмигранники, кресты, шестиконечные звезды. Господствующими цветами являются красный, желтый, синий.

Внутри жилых зданий, наряду с пестрыми тканями, широко были распространены разнообразный резной орнамент домашней утвари и многокрасочная глазурованная посуда. Этот весьма красочный комплекс интерьера резко противоположен серо-желтому цвету наружных фасадов жилого дома, да и всего города в целом. Изящная резная облицовочная терракота, украшавшая немногие здания, также была однотонна и, несмотря на свою ажурность, не нарушала общего строгого декоративного стиля города и лаконичных по своим линиям силуэтов домов. Резко по сравнению с домами рабада выступает богатство архитектурной отделки (особенно интерьера) домов шахристана. Однако недостаточность данных не дает еще возможности охарактеризовать со всей полнотой социальное лицо чуйского города.

Казалось бы, набросанный рисунок караханидского города дает возможность полностью отождествить город средневекового Тянь-Шаня с городом Мавераннахра. Однако наряду со сходством мы наблюдаем и существенные отличия. Отличия эти заключались в том, что город Тянь-Шаня был менее сложен по плану и тем самым был более четким по своим основным линиям.

С каракитаями появляется высокая техника изготовления строительных материалов: кирпича и черепицы клинкерного обжига. Кирпич плоский, размером $25 \times 10 \times 4,5$ см, очень плотный и тяжелый. Полуциркульная черепица для покрытия двускатных кровель применялась такого типа, как в китайской архитектуре. Нависающие концы черепиц по карнизу заделывались круглыми глиняными напелами, богато орнаментированными (растительная розетка в круге из горошин). Конек крыши покрывался специальными украшениями в виде вертикально поставленных козырьков.

Отопление таких жилищ осуществлялось при помощи канов; печи были типа тандыров (печей для выпечки лепешек).

Такие архитектурные элементы наблюдаются в раскопанном буддийском храме-монастыре у города Баласагуна и в примыкающей к нему часовне — чайтэ. Характерным для этого времени и для этого типа построек является широкое использование фрески и изготовление каменных статуй, свидетельствующих о высоком уровне камнетесного дела.

Китайская строительная культура в Тянь-Шане — явление эпизодическое. Об этом свидетельствуют находки строительных материалов (Баласагун и поселение у с. Ворошиловского), а также обнаруженный своеобразный центр по изготовлению кирпичей, черепицы и «коньков» в безымянном древнем поселении, развалины которого находятся у современного села Александровского.

Разрушительное нашествие монголов, естественно, не оставило нам следов строительной деятельности, хотя, судя по обилию в Семиречье христиан-несториан, строительство часовен и церквей все же проводилось. Каков был их внешний вид, пока не известно. Но следует напомнить, что Вильгельм Рубрук, проехавший через этот край в 1253 г., посещал эти часовни и церкви в районе древнего города Койлыка (у с. Дунгене около современного г. Талды-Курган в Талды-Курганской области).

Строительная деятельность проявилась больше уже во второй половине XIV века, и главным образом при Тимуре. Однако в Киргизстане строительная деятельность Тимура, в отличие, например, от деятельности его в Самарканде, была связана с узким кругом построек. Он реставрировал некоторые из старых городов, превращая их в крепости, и в связи с этим отстраивал жилища для своих воинов. Таковы города Шельджи в Таласе, Ашпара в Чуйской долине, Атбаш на Тянь-Шане. Для построек этого времени характерна пахса с примесью гальки и использование глиняных валиков вместо кирпича, так называемый «гуваляк». Города обносились ломаными периметрами стен, защищая предместья шахристанов. При Тимуре и его потомках основное внимание уделялось укреплению цитаделей и стен шахристанов, которые не только заметно утолщались, но и значительно наращивались в высоту (Ашпара, Шельджи).

Помимо военных сооружений, строятся и мазары, причем наиболее поздняя их часть, относящаяся к XVI веку, отделяется плитами, покрытыми голубой и белой поливой, с геометрическим орнаментом в виде шестигранных звезд и полукрестов голубого цвета, перевитых белой лентой. Однако отсутствие сохранившихся памятников и слабая изученность имеющихся (Ош, Узген) не позволяют останавливаться на деталях. Доступные

нам материалы по отдельным наиболее сохранившимся постройкам будут изложены ниже.

Во всяком случае, можно определенно установить, что в архитектуре надгробных сооружений XVI—XIX веков утвердился тип портално-купольных сооружений, появившийся при караханидах и ставший основным видом культовых построек во время тимуридов. За редкими исключениями эти типичные черты свойственны основной массе так называемых киргизских «гумбезов», в огромном количестве разбросанных по всему Тянь-Шаню.

Монументальная архитектура жилого дома и дворца, равно как и города, исчезла в период монгольского завоевания, как исчезла и оседлость со времени разгрома монголами земледельческой культуры в Семиречье, в том числе и на Тянь-Шане.

Как видно из вышеизложенного, на Тянь-Шане, наряду со стабилизацией юрты как основного вида жилища кочевников, с середины I тысячелетия н. э. возникло и развивалось строительство дома оседлого земледельца, сначала в согдийской колонии, затем в мусульманских городах. Архитектурные комплексы складывались здесь, как на периферии Средней Азии, только в XI—XII веках, когда были приняты некие строительные нормы, в значительной степени обусловленные тем, что столицы караханидов были расположены на Тянь-Шане или в непосредственной близости от него. Именно поэтому на территории Киргизстана сохранились такие выдающиеся образцы средневековой архитектуры, как Буранский минарет, узгенский архитектурный комплекс, состоящий из трех мавзолеев и одного минарета, и др.

Наряду с типическими чертами среднеазиатской архитектуры Тянь-Шань и Чуйская долина воспринимали черты культуры кочевников, которые определили преобладание в декоре геометрических мотивов и мотивов животного царства над растительными. Из этих черт и складываются черты индивидуального своеобразия декора архитектурного наследия Киргизстана.

Глава III

БАШНЯ БУРАНА — МИНАРЕТ XI ВЕКА

Нет ни одного жителя Чуйской долины, который не знал бы, что недалеко от г. Токмака стоит «башня», которая называется башней Бурана. Это название принадлежит величественному минарету, выстроенному около 900 лет назад. Название «Бурана», вероятнее всего, происходит от неправильно произносимого слова «монара», т. е. минарет. Минарет — обязательная принадлежность мечети; это вышка, откуда муэдзин (азанчи) сзывал мусульман на очередную молитву.

Прошло много лет с тех пор, как был выстроен минарет Бурана; забыли в народе, для чего он служил, развалилась стоявшая рядом с минаретом мечеть, и минарет стал восприниматься то как сторожевая башня, то как часть замка, где некогда могущественный хан укрывал свою дочь от взоров людей, желавших взять ее себе в жены.

Мало говорят об этой постройке и письменные источники, и лишь специальное обследование этого памятника археологами и архитекторами дало возможность установить, почему он был здесь воздвигнут, о чем напоминает это первоклассное для своего времени сооружение.

К востоку от минарета Бурана протекает пересыхающая летом речка того же названия. Кругом минарета видны следы вала, огораживавшего прямоугольную площадь с длиной сторон 560 и 480 м. В двух десятках метров к северу от минарета стоит оплывший холм до 10 м высотой; это развалины старинного здания.

Очевидно, минарет стоял в середине древнего поселения. Поселение, где стоит минарет, тоже не одиноко в этом районе. К северу от него,

Рис. 1. Башня Бурана. Общий вид

километрах в шести, где проходит железная дорога Кант — Рыбачье, видны еще более монументальные развалины большого города-крепости. Археологи, исследовавшие эти места, установили, путем раскопок и изучения древних письменных источников, что эти большие развалины принадлежат древнему городу Баласагуну. Сначала, в VI — VIII веках, здесь была ставка тюркешского кагана (царя) и колония согдийцев (предки таджиков, переселившиеся из бассейна р. Зеравшан в Чуйскую долину в V — VII веках н. э.) и местность называлась Куз Орду. Позднее она уже именовалась Баласагун (в XI — XIV веках), но небольшой отрезок времени (с 1117 по 1218 г.), когда этот город был завоеван каракитаями — народом, пришедшим с востока, он был их столицей и именовался Хосун Орду. Наконец, будучи завоеван в начале XIII века, точнее — в 1218 г., монголами, он был ими переименован в Гобалык, т. е. буквально — «хороший город». В XIV веке город прекратил свое существование. Жители из него ушли, и он стал разрушаться все более и более. Стены крепости и валов оплыли, размываясь дождем и развеиваясь ветром, и уже к началу XVI века приняли вид полного запустения, в каком находятся и теперь.

Наибольший расцвет города приходится на XI—XII века; тогда он был столицей всей Средней Азии, вначале — тюркской династии караханидов, затем — каракитаев. Границы империи простирались от Синьцзяна до Аму-Дарьи.

В Баласагуне сидели цари, их окружали ученые; один из них — Хаджи Юсуф Баласагунский — широко прославился своим сочинением под названием «Кудатгу Билик», т. е. «Знание, как стать счастливым», — руководство для государей Востока. Эту книгу он написал еще в 1069 г., но ее знали и много времени спустя — в XIV веке, знали не только в Чуйской долине, но и в Египте и на Волге.

В Баласагуне и его предместьях были храмы — при караханидах мусульманские, при каракитаях буддийские, позднее — и христианские. В одном из предместий Баласагуна, которое носило название «Кирмирау», и была выстроена в самом начале XI века мечеть с минаретом; сохранились вал древнего города и холм с остатками мечети. Лишь один минарет пережил столетия. Этот минарет и носит название башни Бурана.

Что же представляет собой минарет Бурана?

Минарет общей высотой 21.6 м стоит на восьмигранном основании высотой 3.75 м. Ствол минарета слегка суживается кверху. У основания диаметр его 8.85 м, на вершине — 5.90 м. Минарет сложен из кирпича разме-

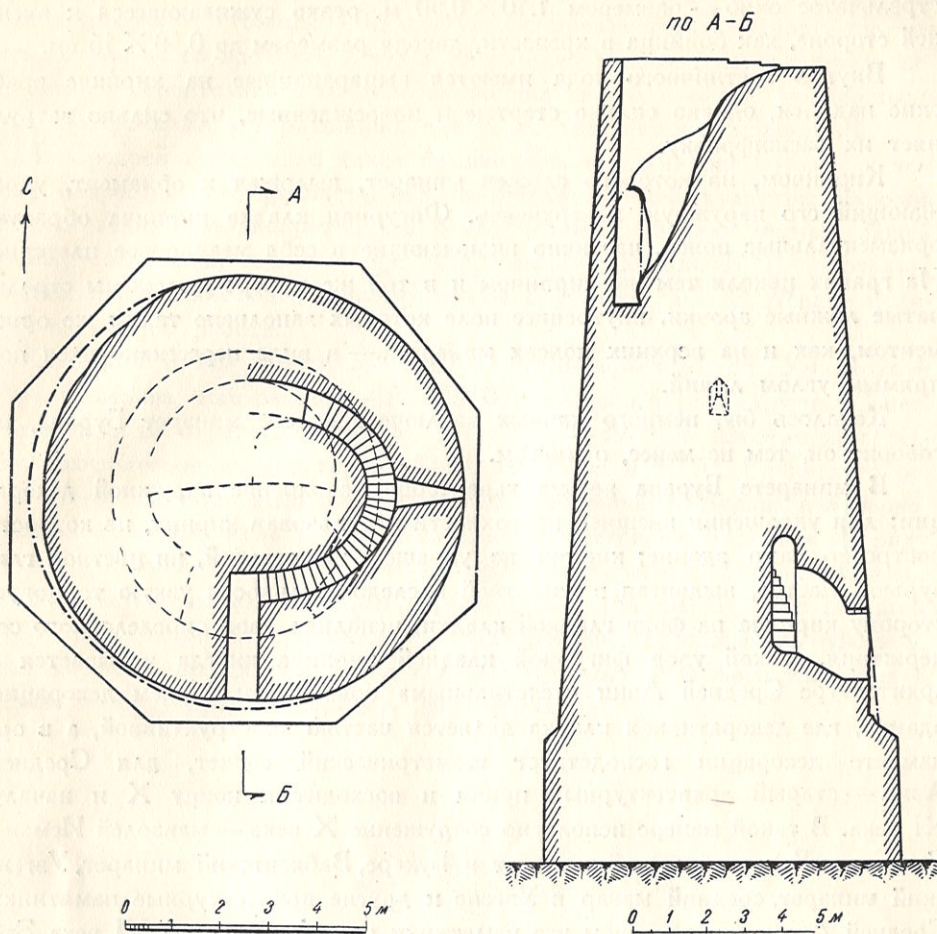

Рис. 2. Башня Бурана. План и разрез по вертикали

ром $25 \times 25 \times 5$ см. В южной стороне минарета, на высоте 5 м над землей, имеется вход высотой 1.50 м, при ширине 65 см. Внутри минарета по спирали идет винтовая лестница. Высокие ступени (до 40 см) сохранились частично — числом только 32, но прежде их было, повидимому, вдвое больше. Очень узкий лестничный проход (высота его до 70 см) перекрыт полуциркульным сводом. На высоте 12.6 м устроено небольшое

стрельчатое окно — размером 1.10×0.50 м, резко суживающееся к внешней стороне, как бойница в крепости, доходя размером до 0.50×16 см.

Внутри лестничного хода имеются выцарапанные на кирпиче арабские надписи, однако сильно стертые и поврежденные, что сильно затрудняет их расшифровку.

Кирпичом, из которого сложен минарет, выложен и орнамент, украшающий его наружную поверхность. Фигурная кладка кирпича образует орнаментальные пояса, частично включающие в себя меандровое плетение. На гранях цоколя тем же кирпичом и в той же манере выложены стрельчатые ложные арочки, внутреннее поле которых заполнено таким же орнаментом, как и на верхних поясах минарета, — в виде пересекающихся под прямым углом линий.

Казалось бы, немного данных заключает в себе минарет Бурана, но говорит он, тем не менее, о многом.

В минарете Бурана весьма характерно исполнение наружной декорации; для украшения внешней поверхности использован кирпич, из которого построено само здание; кирпич не украшен ни резьбой, ни цветной глазурью. Мастер, выдвигая в известной последовательности узкую торцовую сторону кирпича на фоне гладкой кладки, исполнял узор определенного содержания. Такой узор фигурной кладкой кирпича иногда называется в архитектуре Средней Азии «текстильным» орнаментом. Прием декорации здания, где декоративная кладка является частью конструктивной, а в орнаменте декорации господствует геометрический сюжет, для Средней Азии — старый архитектурный прием и восходит к концу X и началу XI века. В такой манере исполнено сооружение X века — мавзолей Исмаил Самани в Бухаре, большой минарет в Бухаре, Вабкентский минарет, Узгенский минарет, средний мазар в Узгене и другие архитектурные памятники Средней Азии, — в основном все памятники первой половины XI века. Это сходство конструктивных и декоративных черт минарета Бурана с рядом конструктивных приемов, которые использованы в вышеперечисленных памятниках, и заставляет исследователей относить строительство минарета к началу XI века. Учитывая архаичность некоторых строительных приемов, а также характер почерка арабской надписи, исследователи приходят к выводу, что в серии памятников, воздвигнутых владыками из караханидской династии (XI—XII века), минарет Бурана — один из самых старых. Можно предположить, что когда караханиды пришли к власти (во второй половине X века; окончательное утверждение в 999 г.), они развили интен-

сивное строительство мусульманских культовых сооружений, и одно из них было недалеко от столицы — Баласагуна, в предместье Кирмирау. На память потомству со временем остался лишь один минарет, как свидетель незаурядного строительного мастерства зодчих своего времени, величественными постройками утверждавших власть среднеазиатских правителей.

В Средней Азии мало таких памятников, как минарет Бурана, и тем более возрастает его ценность как свидетеля древней культуры народов Средней Азии. Неоднократно его осматривали и изучали ученые нашей страны; среди них, еще в конце XIX века, — академик В. В. Бартольд, позднее, в советские годы, — профессора М. Е. Массон¹ и Б. П. Денике и автор² настоящей работы.

Сведения о нем имеются также в публикациях И. И. Умнякова и А. А. Семенова, еще раньше — В. М. Флоринского и ряда других. Советские органы по охране памятников еще в 1927—1928 гг. провели при участии архитекторов-реставраторов М. М. Логинова и Н. М. Бачинского ремонт этого замечательного сооружения. И ныне минарет Бурана как первоклассный памятник культурного наследия охраняется государством. В ряду других ценностей, оставшихся нам от прошлого, минарет Бурана занимает весьма заметное место, и каждый, пришедший к руинам, одиноко стоящим у гор среди широких просторов Чуйской долины, проникается чувством, столь характерным для советских людей, — чувством глубокого уважения к умению и труду предков народов Средней Азии.

¹ Подробное описание башни Бурана было дано М. Е. Массоном, но его работа не увидела света. О работах М. Е. Массона по обследованию этого минарета см.: И. И. Умняков, Памятники архитектуры Средней Азии; см. также Известия Среднеазиатского комитета, вып. III. Ташкент, 1928, стр. 270.

² Подробные данные о башне Бурана публикуются в Трудах экспедиции ИИМК АН СССР и КирФАН СССР.

Глава IV

УЗГЕНСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС

Среди исследователей Средней Азии широко известны блестящие образцы средневековой архитектуры — узгенский архитектурный комплекс, состоящий из трех мавзолеев и одного минарета.

Эти памятники неоднократно привлекали к себе внимание историков архитектуры, и свыше десятка имен крупных ученых могут быть указаны в связи с исследованием узгенского архитектурного комплекса. Достоинство этих памятников заключается в том, что их строительство, разделенное сравнительно небольшим хронологическим промежутком, блестяще иллюстрирует развитие архитектуры времени караханидов, т. е. XI—XII веков. Два мавзолея датируются весьма точно: северный мавзолей — 1152, южный — 1187 г. Наиболее старый мавзолей — средний, очевидно, относится к самому началу XI века и, по мнению Кон-Винера, может быть датирован 1012—1013 гг. По его мнению, в среднем мавзолее погребен один из первых караханидов — Наср-ибн-Али¹. Минарет безымянен, но его выразительные конструктивные и декоративные данные позволяют весьма точно отнести его к тому же караханидскому периоду, скорее всего — к XI веку.

Изучая памятники Узгена, мы находимся в сфере XI—XII веков, в кругу памятников классического средневековья Средней Азии. Лишь

¹ E. Cohn-Wiener. Turan, стр. 18; ср. замечания В. В. Бартольда в статье «Археологические работы в Самарканде в 1924 г.», Изв. Росс. акад. ист. матер. культуры, т. IV, стр. 119—132. Рецензия написана на основании знакомства с научными отчетами Кон-Винера еще до издания им книги «Туран».

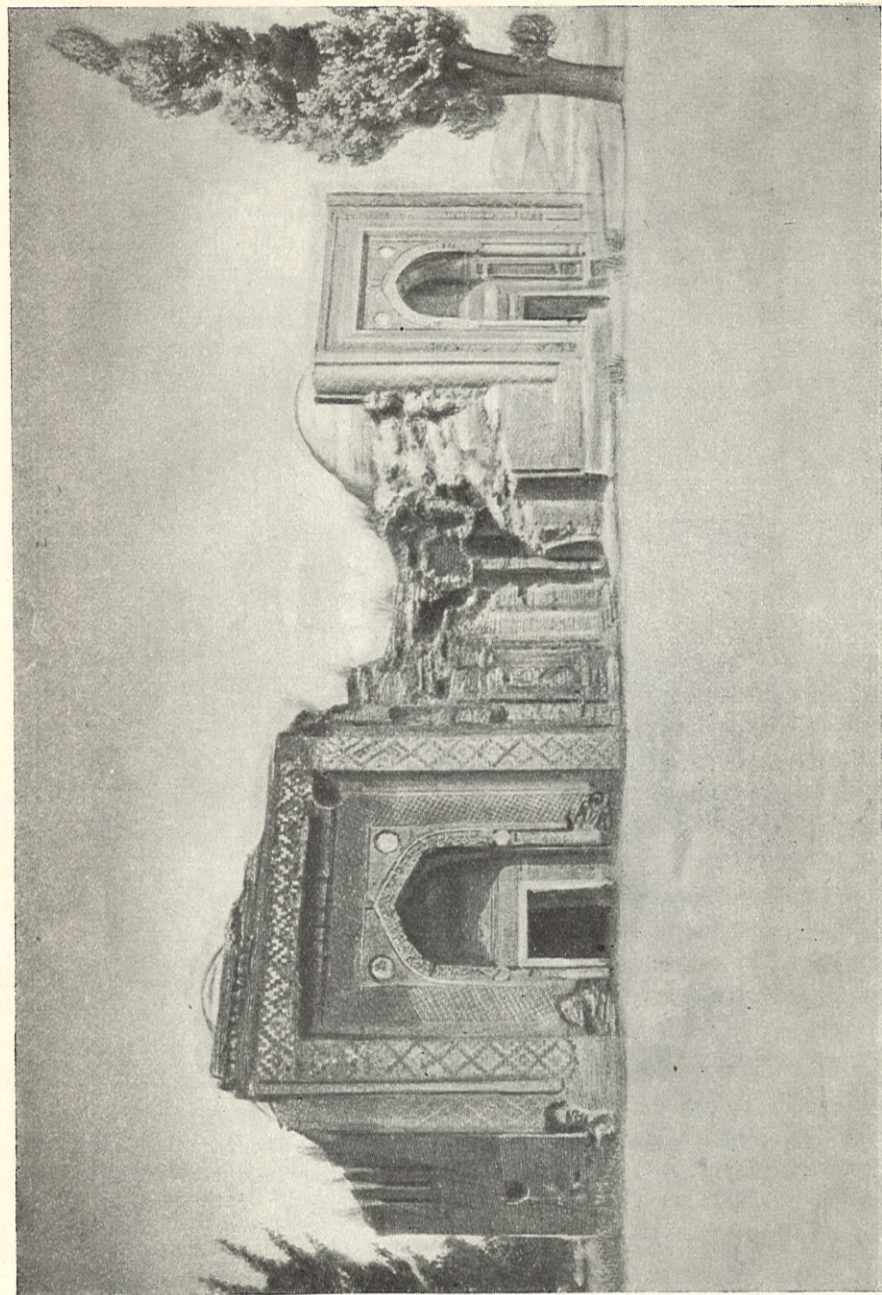

Рис. 3. Общий вид трех мавзолеев

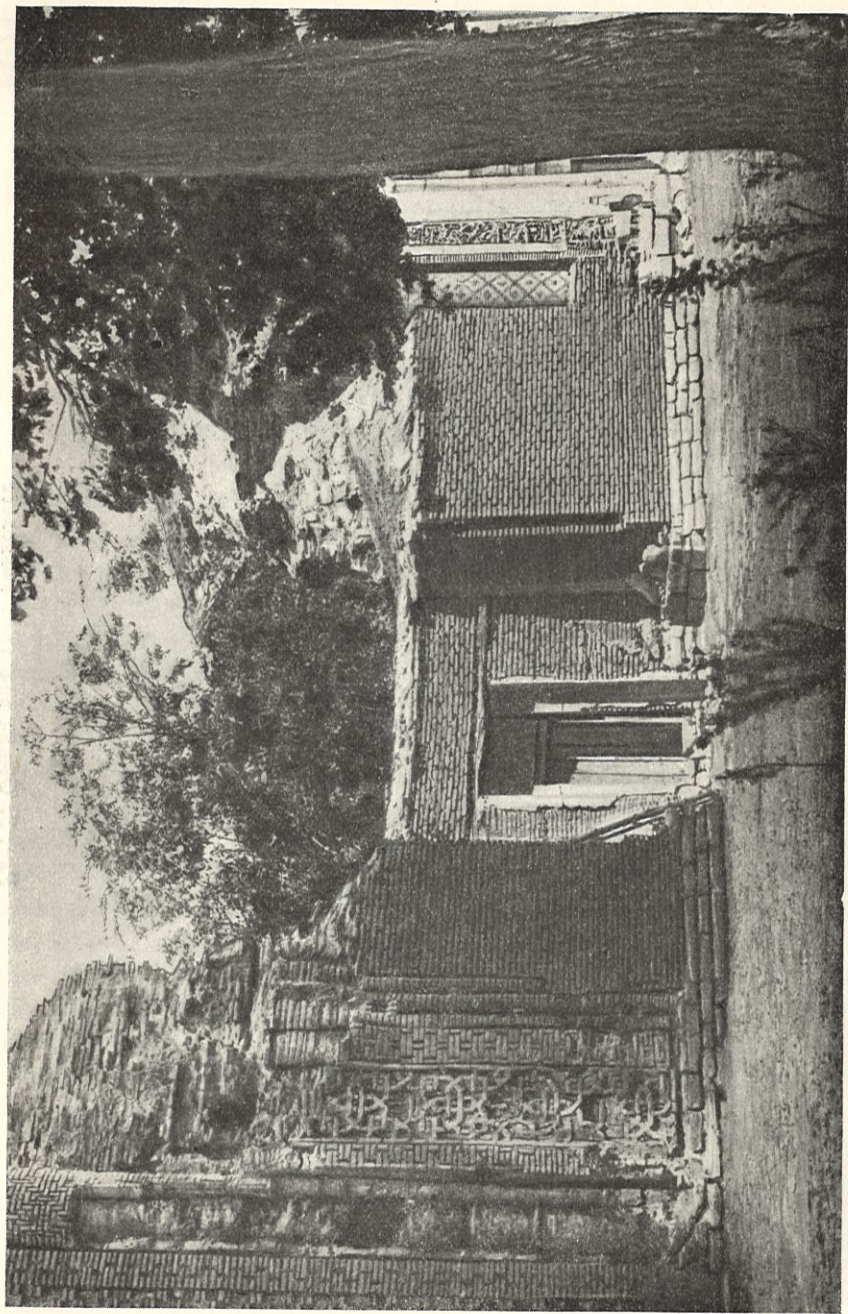

Рис. 4. Наружная западная стена среднего мавзолея в Узгене

строительная эпоха Тимура может соперничать с высоким по уровню зодчеством караханидских владык, отраженным в узгенском комплексе.

Еще до прочтения надписей на южном и северном мавзолеях Б. Н. Засыпкин по конструктивным и декоративным данным установил, что средний мавзолей в Узгене наиболее старый. Этот мавзолей представляет собой переходный тип от центрических мавзолеев более раннего времени — типа Исмаил Самани в Бухаре (середина X века), или более позднего — типа мавзолея Султана Санджара в Мерве (XII век) — к порталным мавзолеям, классическими образцами которых являются те же узгенские мавзолеи: южный и северный.

Средний мавзолей образует своим фасадом с двумя более поздними (XII век) сооружениями одну прямую линию; фасады всех мавзолеев обращены на юго-запад. Мавзолеи находятся в юго-восточном углу площади города, еще в недавнем прошлом занятой базаром, а несколько ранее в этом же районе находилось медресе Арифбая. На юге площадь заканчивается обрывом к надпойменной террасе Кара-Дарьи, а на юго-западе связана с достаточно старым некрополем, на котором обнаружены надгробные памятники еще XIII и XIV веков. Очевидно, здесь находился некрополь средневекового города, в свою очередь с востока примыкавший к рабаду древнего Узгена, шах-ристан которого стоял юго-западнее.

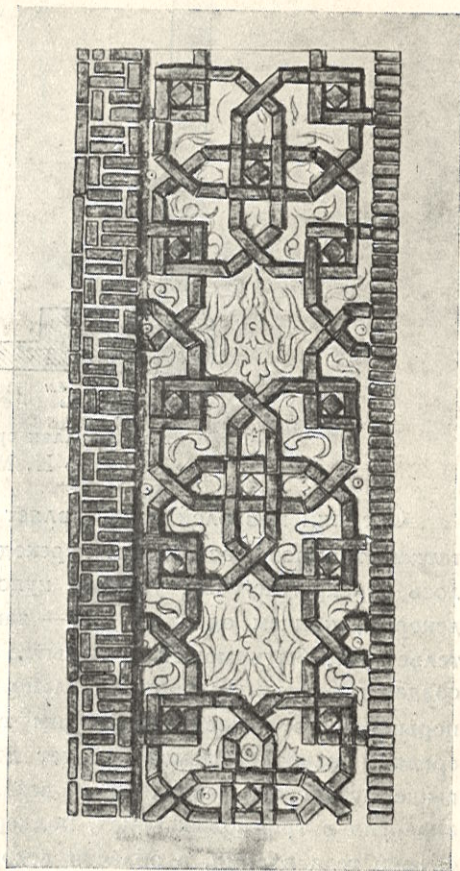

Рис. 5. Фигурная кирпичная кладка с резным ганчем на внешней стене среднего мавзолея (рис. Н. М. Бачинского)

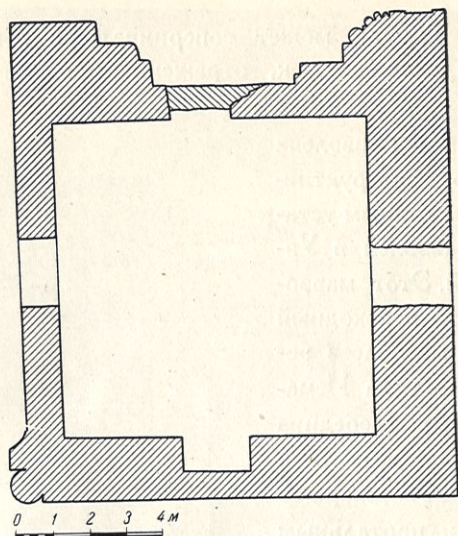

Рис. 6. План среднего мавзолея
(обмер Н. М. Бачинского)

Средний мавзолей представляет собой в плане квадрат и, судя по остаткам тропов, создающим переход к восьмиграннику, на котором покоилось перекрытие, был увенчан куполом. Две стены мавзолея обработаны декором, причем одна из них — западная — богаче восточной, что свидетельствует, быть может, о попытке строителя выделить портал — пиштак, создавая тем самым принципиально новый тип архитектурного сооружения, порывающего с предшествующим типом центрических мавзолеев. Однако средний мавзолей демонстрирует достаточно сходных черт с упомянутым выше бухарским мавзолеем X века. В части конструктивной здесь явная аналогия в троповых арках, поддерживавших купол, равно как и во всем объеме тела здания, в области декора — в наличии кирпичной декорации из сдвоенных кирпичиков и широком применении резьбы по алебастру.

Троповые арки среднего узгенского мавзолея архаичнее, чем в бухарском мавзолее. Основания их опираются на выпущенные из кладки стен деревянные арчевые консоли. Пространство внутри тропов заполнено не декоративными ажурными частями, как в бухарском мавзолее, а гладкой кладкой сферической поверхности со следами штукатурки.

Подобно бухарскому, средний узгенский мавзолей конструктивно состоит из массивного куба (по основанию 8.50×8.50 м), в котором арки в

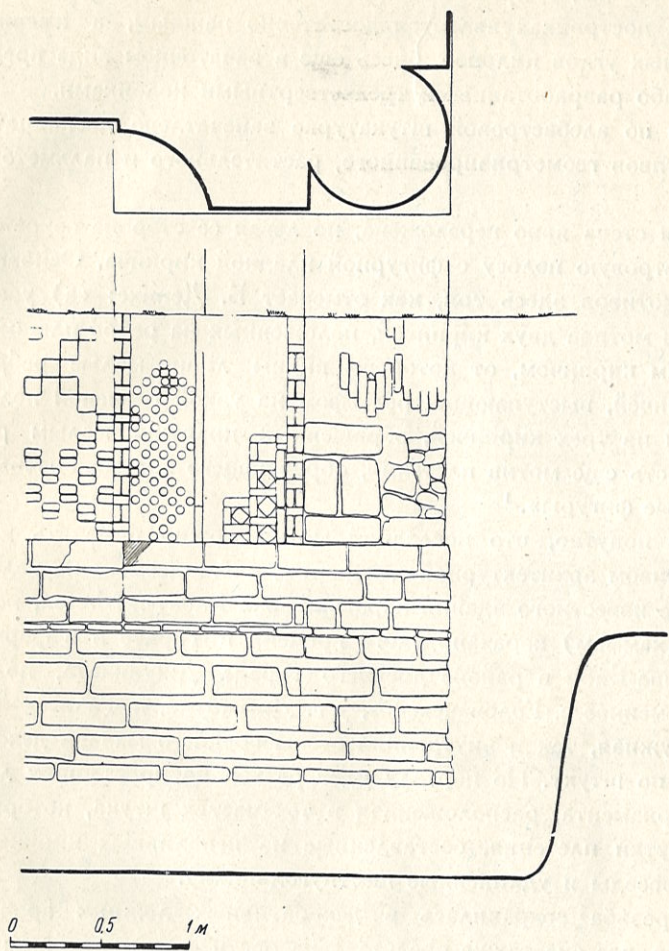

Рис. 7. План и облицовка восточного угла среднего мавзолея, вскрытого раскопками 1945 г.
(обмеры Н. М. Бачинского)

стенах — явление чисто декоративное, а арки тропов, несущие всю нагрузку купола и барабана, опираются на массивные стены тела здания. То, что в позднейших постройках является достаточно важным, а именно разработка массивных углов пилонов, здесь еще в зачаточном виде представлено на фасаде слабо разработанными трехчетвертными колонками.

В резьбе по алебастровой штукатурке запечатлено двенадцать разнообразных мотивов геометризированного, растительного и пальметочного рисунка.

Фасадная стена явно переложена, но левая ее сторона сохранила в себе 68-сантиметровую полосу с фигурной кладкой кирпича. Основных орнаментальных мотивов здесь три, как отмечает Б. Денике: «а) узор из повторяющегося мотива двух кирпичей, положенных на ребро плашмя, в сочетании с одним кирпичом, от которого видны лишь малые ребра; затем б) узор кирпичей, выступающих рельефом на узкой граненой полуколонне, с перемычкой из трех кирпичей, обращенных кнаружи малым ребром, и, наконец, в) есть еще мотив плетения, образующего восьмиконечные звезды и крестовидные фигуры».¹

Отметим попутно, что последний мотив можно признать караханидским лейтмотивом архитектурной декорации, наблюдаемым не только в фигурной кладке известного здания караван-сарая Рабат-и-Малик, но и в росписях бани (хаммам) караханидского времени в Таразе и в форме плиток в мазаре Айша-Биби в районе древнего города Джувиката, по дороге в Тараз (современное с. Головачевское, у г. Джамбула, в Таласской долине).

Как наружная, так и внутренняя стены среднего мазара декорированы еще резьбой по штукатурке. По portalу идет резьба из простейших линий растительного орнамента, расположенная в тех частях штукатурки, который заполняет промежутки плетения, составленные из неполивных кирпичей (восьмиугольные звезды и удлиненные шестиугольники).

Внутри резьба сохранилась в декоративных ложных арочках ниже яруса тропов, где она также представлена растительно-линейным орнаментом, причем растительные побеги сильно стилизованы. Шедший ниже фриз с куфической надписью почти весь исчез.

Интереснейшие данные историко-архитектурного порядка, заключенные в среднем мавзолее, дошли до наших дней лишь фрагментарно. Трудно восстановить полностью вид фасада, сохранившегося только в северной своей

¹ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 18.

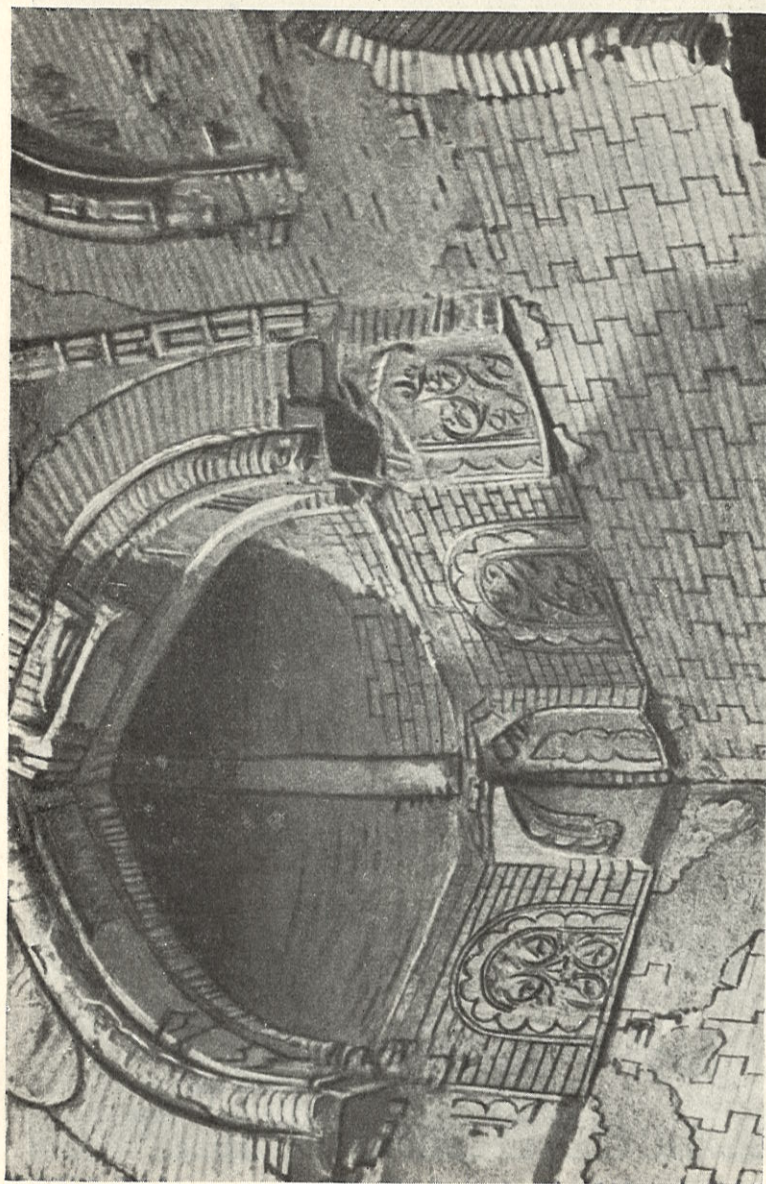

Рис. 8. Тромповая арка в северо-западном углу среднего мавзолея

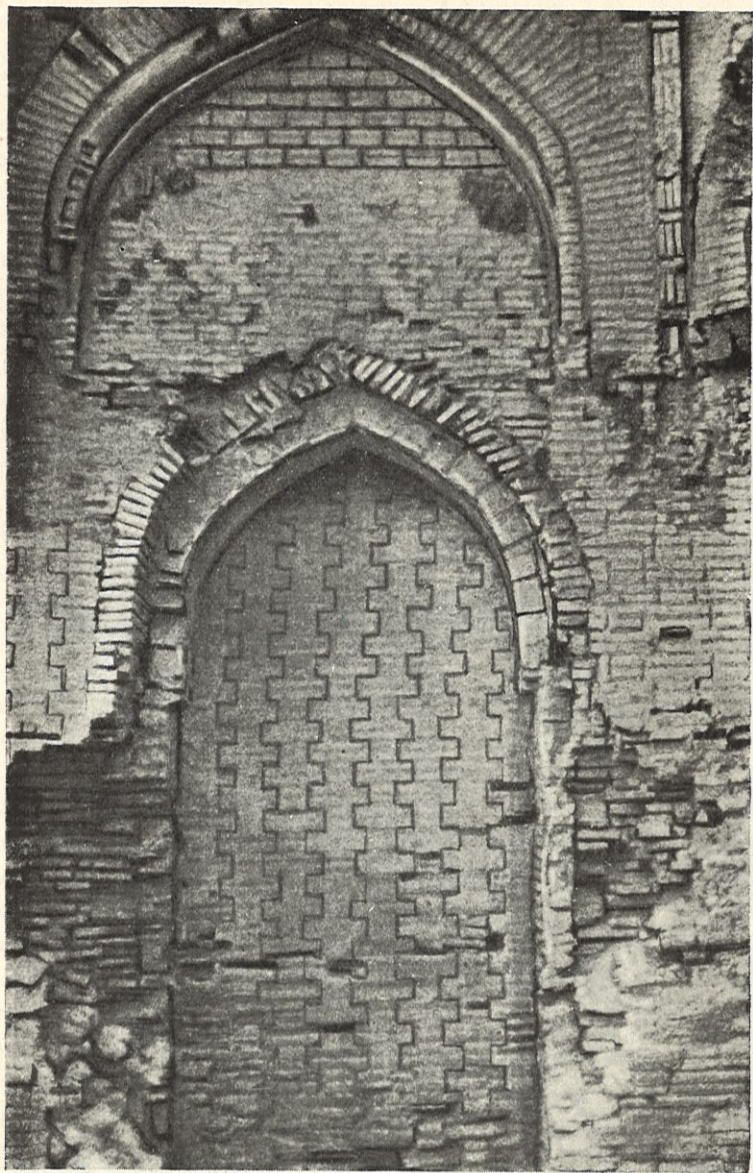

Рис. 9. Восточная стена внутри среднего мавзолея

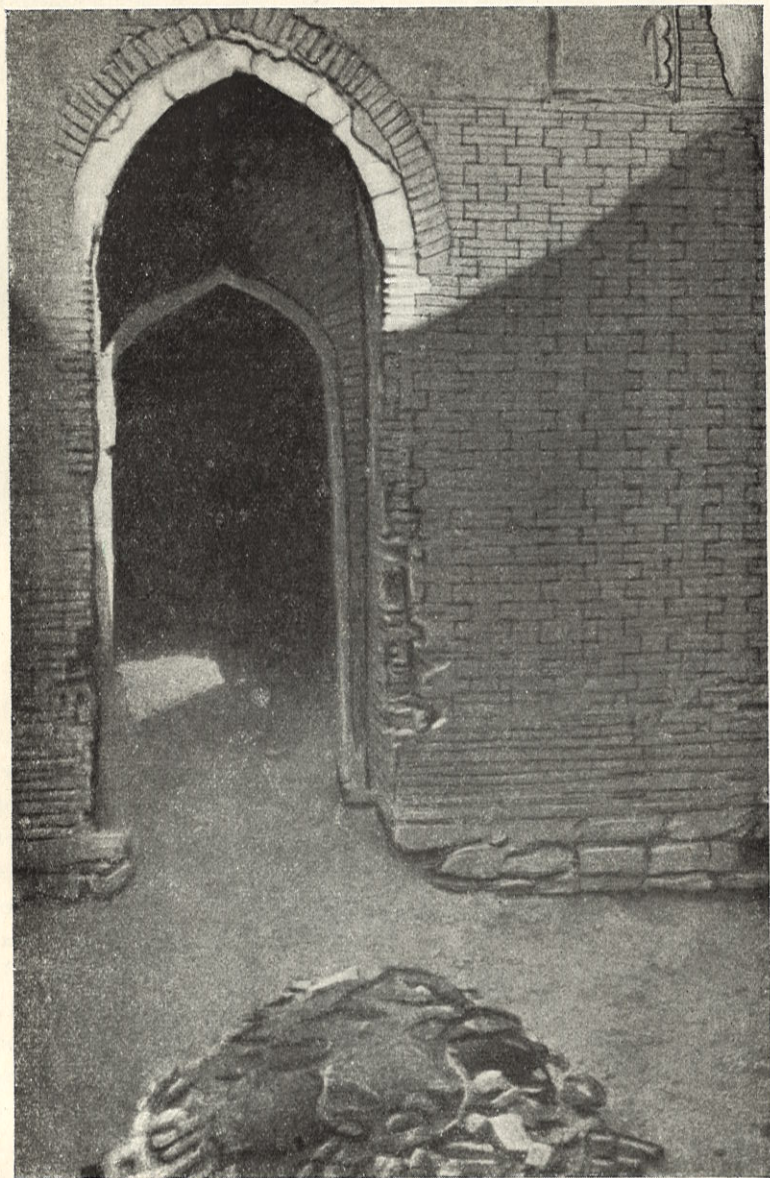

Рис. 10. Проем, соединяющий средний мавзолей с северным

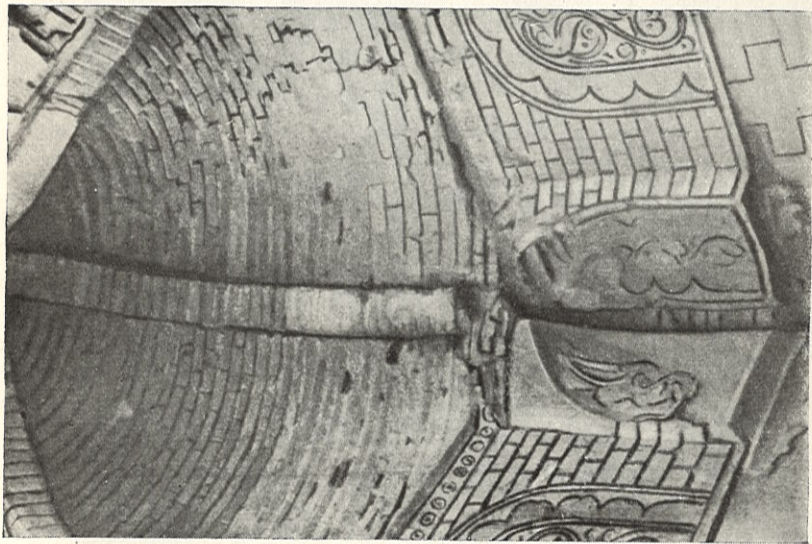

Рис. 11. Деталь тромповой ниши в северо-западном углу

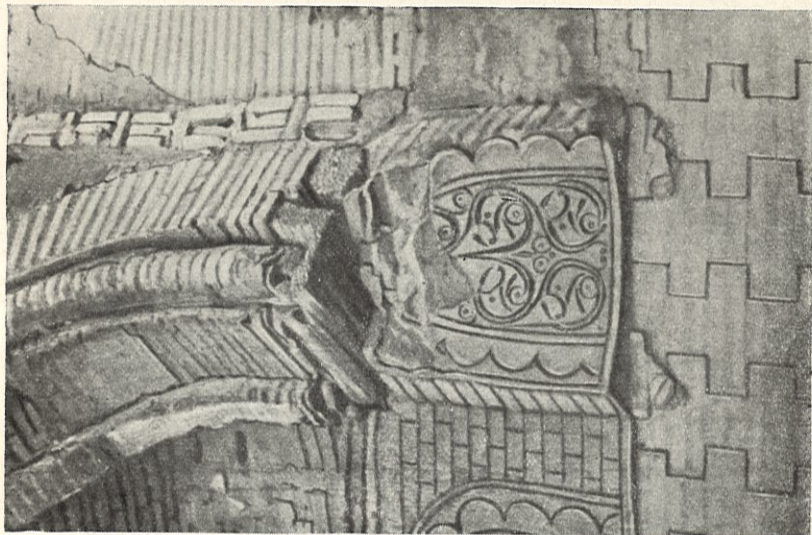

Рис. 12. Правая пята тромповой арки, опирающаяся на деревянные бруссы

Рис. 13. Резной штукатур на западной стене среднего мавзолея

части, да и то не в полную высоту. На пилоне среднего мавзолея имеются следы ряда мелких декоративных полуколонок.

Будучи типичным примером сооружения, иллюстрирующего переход от центрических мавзолеев к порталным, средний мавзолей является ценнейшим звеном в истории архитектуры Востока.

Следующий по времени мавзолей в Узгене, так называемый северный, датируется точно 1152 г. Как и южный мавзолей, местное население считает его погребением одного из братьев — Султан-Санджар-Мази или Султан-Ильчи-Мази. В среднем мавзолее была якобы похоронена их мать. Как думал Н. Г. Маллицкий, первый был потомком Джагатая (первая половина XIV века), второй происходил из числа беков, способствовавших восшествию Бабура на престол (1494 г.).¹

Согласно другим данным в мазарах похоронен легендарный Клыч-Бурхан-хан с отцом и матерью. По преданию Клыч-Бурхан-хан, «узгенский

¹ Н. Г. Маллицкий. Несколько слов о древностях Узгена. Протоколы Туркестанск. кружка любит. археологии, год II.

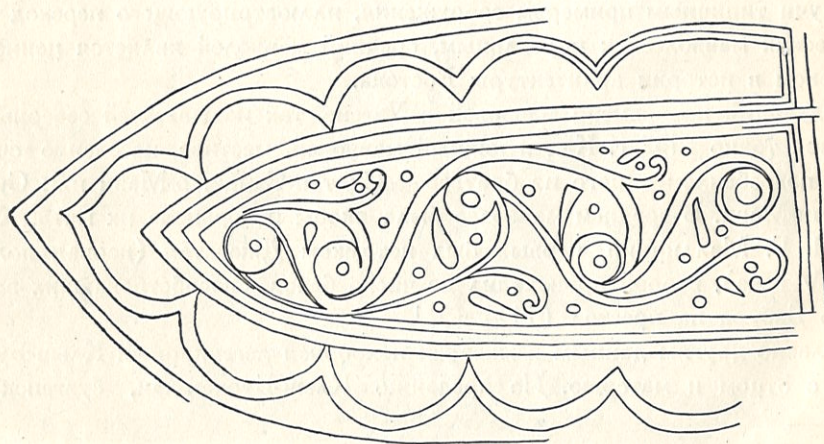

Рис. 14. Орнамент на резном штурке
по фризу внутри среднего мавзолея
(рис. Н. М. Бачинского)

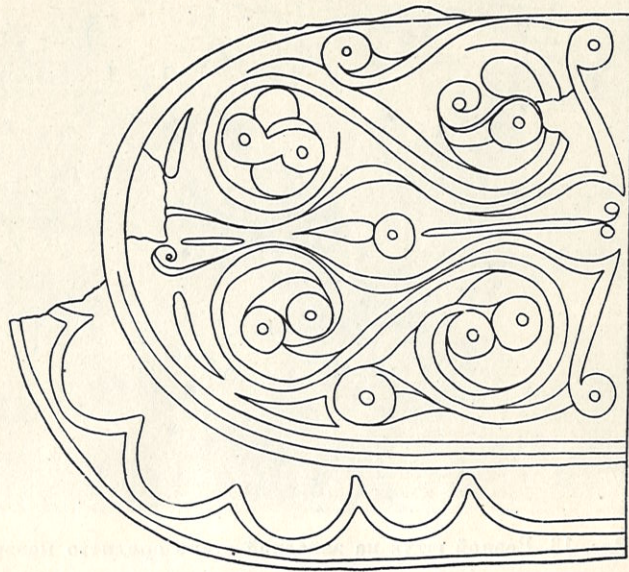

Рис. 15. Орнамент на резном штурке
по фризу внутри среднего мавзолея
(рис. Н. М. Бачинского)

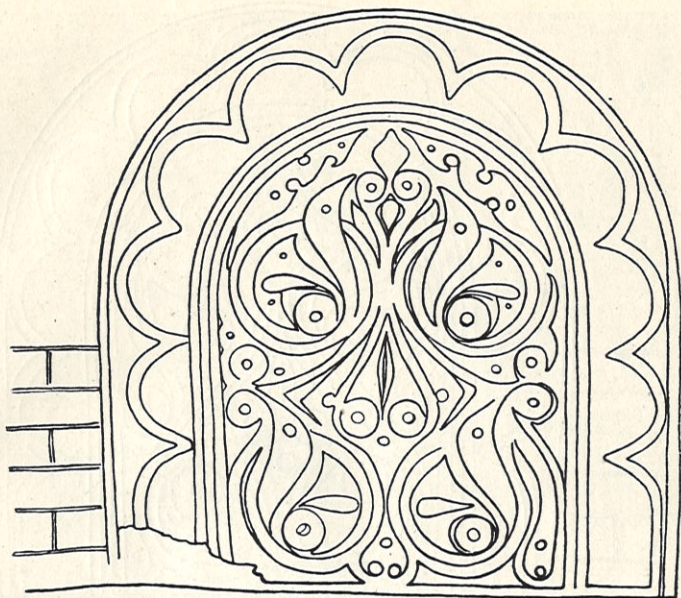

Рис. 16. Орнамент на резном штуке по фризу внутри среднего мавзолея (рис. Н. М. Бачинского)

Геракл», избавил жителей от дракона, пожиравшего юное население местности.¹

Однако ни легенды, ни исторические аналогии местного населения не соответствуют действительности. Прочитанные надписи на обоих мавзолеях (часть надписей религиозного, часть — светского содержания) гласят, что постройка северного мавзолея относится к 1152—1153 гг. и в нем похоронен один из караханидов, а южный мавзолей возведен в 1186—1187 гг. Таким образом, между постройкой этих двух мавзолеев лежит промежуток в 35 лет, наглядно показывающий путь развития вновь возникшего в Средней Азии архитектурного типа, а именно — порталного типа мавзолеев.

В северном мавзолее, также имеющем форму куба (со сторонами 7.40—7.50 м по основанию), с купольным же перекрытием (общая высота 8.50 м), на фасадной части уже выдвигаются мощные пилоны,

¹ См. Крафт-Корбут. Узгенская легенда. Там же, 1897.

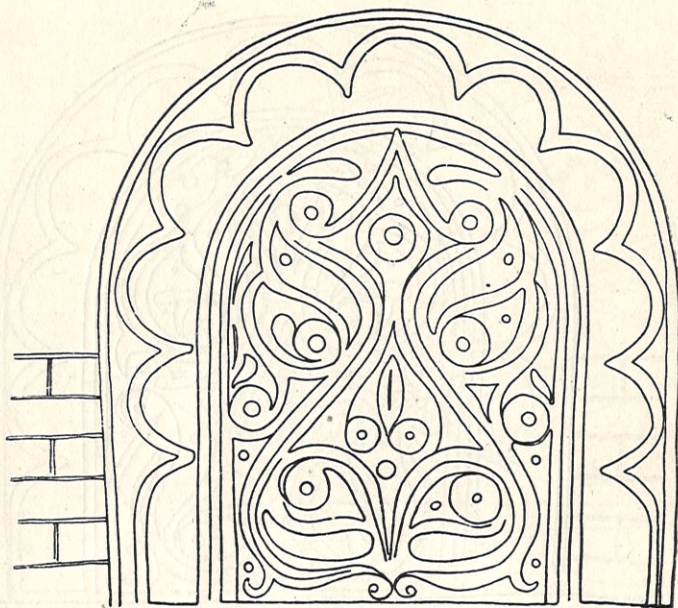

Рис. 17. Орнамент на резном штуче по фризу внутри среднего мавзолея (рис. Н. М. Бачинского)

поддерживающие выступающий вперед портал размером 11.80 м. Здесь портал еще конструктивно связан со всем телом здания.

Новые явления наблюдаются в северном мавзолее и в области декора. Здесь наряду с известными приемами декора — фигурной кладкой кирпича и резьбой по алебастровой штукатурке — выступает неполивная терракота. Относительно новым в сюжете орнамента можно считать появление монументальных арабских надписей. Однако неполивная терракота, так же как и надписи, еще не занимает главенствующего положения.

Надписи северного мавзолея были читаны значительным числом специалистов; первым из них был Рахими, установивший дату постройки мавзолея; затем его дополнил М. Е. Массон, прочитавший, что мавзолей поставлен в честь «члена династии илеков Тугрул Карахакан Хусейн, сын Хасана, сын Али, умершего в день среды, четвертого месяца реб II, в 547 г. хиджры».

Рис. 18. Фрагмент надписи, резанной по шкуре внутри среднего мавзолея

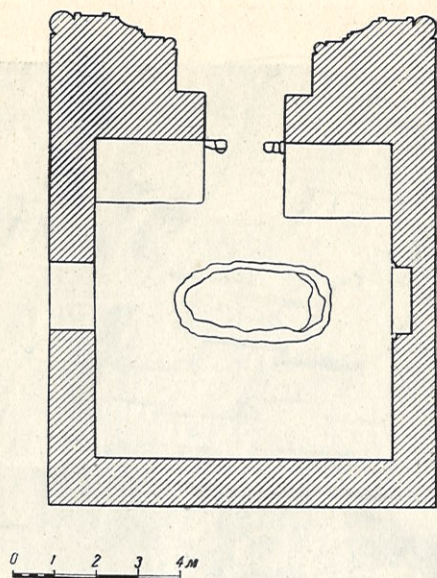

Рис. 19. План северного мавзолея
(обмер Н. М. Бачинского)

В последнее время надписи северного мавзолея полностью прочитаны и переведены А. Ю. Якубовским. Надписи эти в чтении А. Ю. Якубовского имеют следующее содержание. Надпись на архивольте арки декоративным почерком «наسخ»: «Эта давлет-хана начата постройкой в среду четвертого, месяца раба второго в год пятьсот сорок седьмой хиджры Мустафи Мухаммеда пророка, да благословит Аллах его, семью его, всех сподвижников, царство принадлежит Аллаху».

Другая надпись, расположенная над входом в мавзолей, по щипцовой стене, и частью — по щекам арки портала, исполнена почерком «куфи» и гласит: «Хакан справедливый, могущественный, слава мира и веры Алп Кылыч Тунга Бильга Тюрк Тугрул Кара Хакан Хусейн ибн Хасан ибн Али, избранник Аллаха, помощник эмира правоверных царя».¹

Богато представлена в северном мавзолее резьба по штукатурке. Если в среднем мавзолее она размещена была главным образом во внутренней части здания, то здесь, наоборот, она целиком вынесена на поверхность

¹ А. Ю. Якубовский. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде, «Эпиграфика Востока», в. 1, Л., 1947.

Рис. 20. Деталь щипцовой стены порталной ниши северного мавзолея

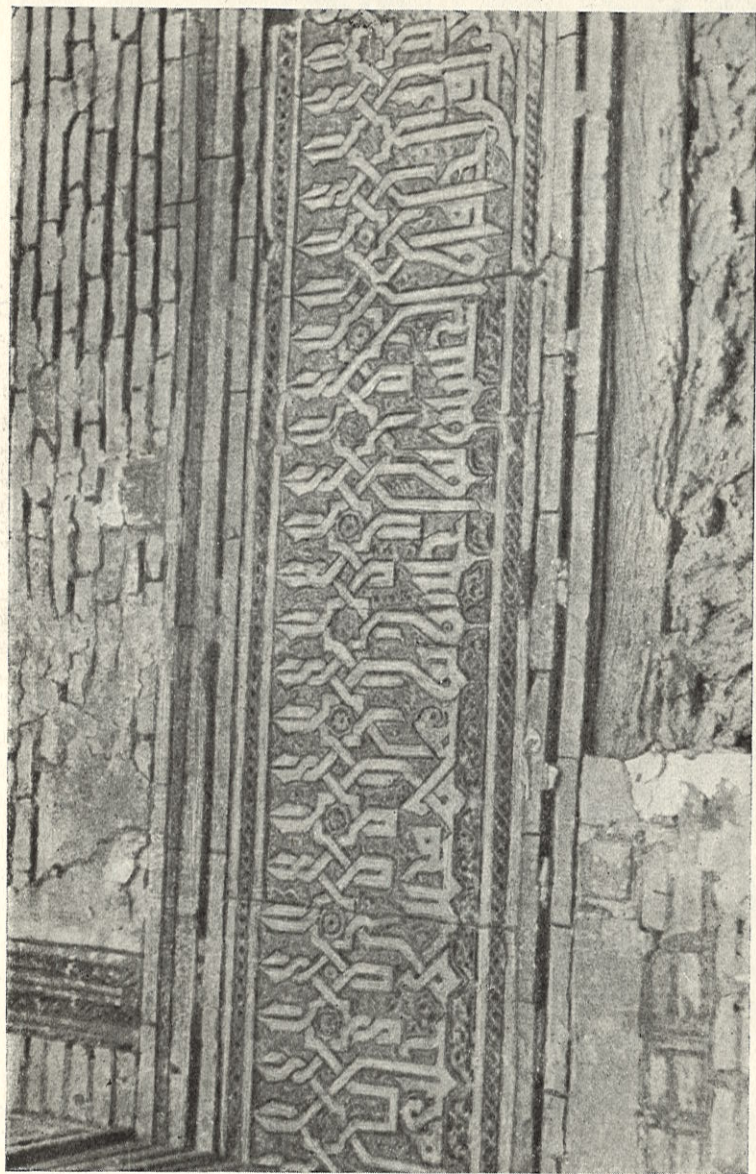

Рис. 21. Часть надписи на щипцовой стене порталной ниши

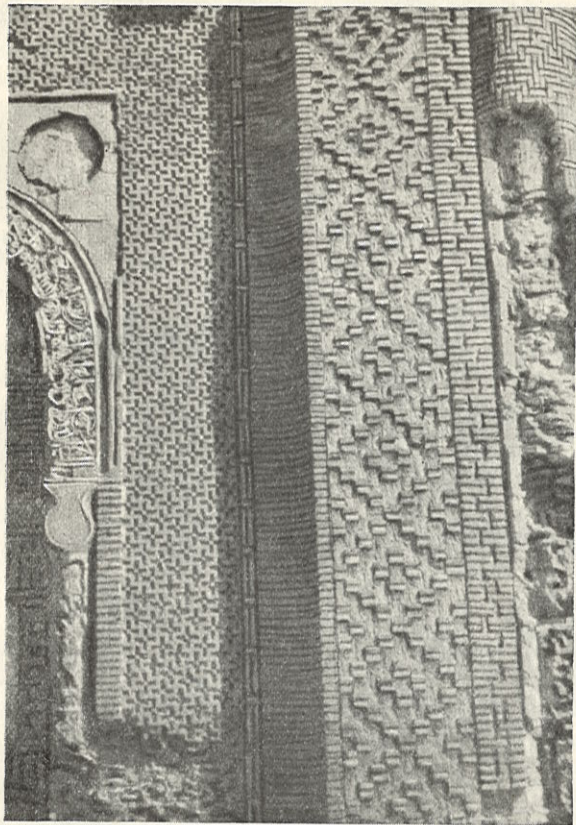

Рис. 22. Фрагмент портала северного мавзолея
(правая сторона)

и внутри отсутствует. Девять мотивов орнамента в основном исполнены в резьбе по алебастру.

«Здесь рельефной стуковой резьбой,— пишет Б. П. Денике,— облицована верхняя часть щековой стены в порталной нише и щековые части порталной арки. От некогда сплошь покрывавшей поверхности ниши рельефной стуковой композиции сохранилась лишь часть. Орнамент состоит из симметрично расположенных сочетаний крупных растительных элементов с дробно разделенной поверхностью, в угловых треугольниках размещены по две пышные полупальметты. Прекрасно сохранилась исключительная по

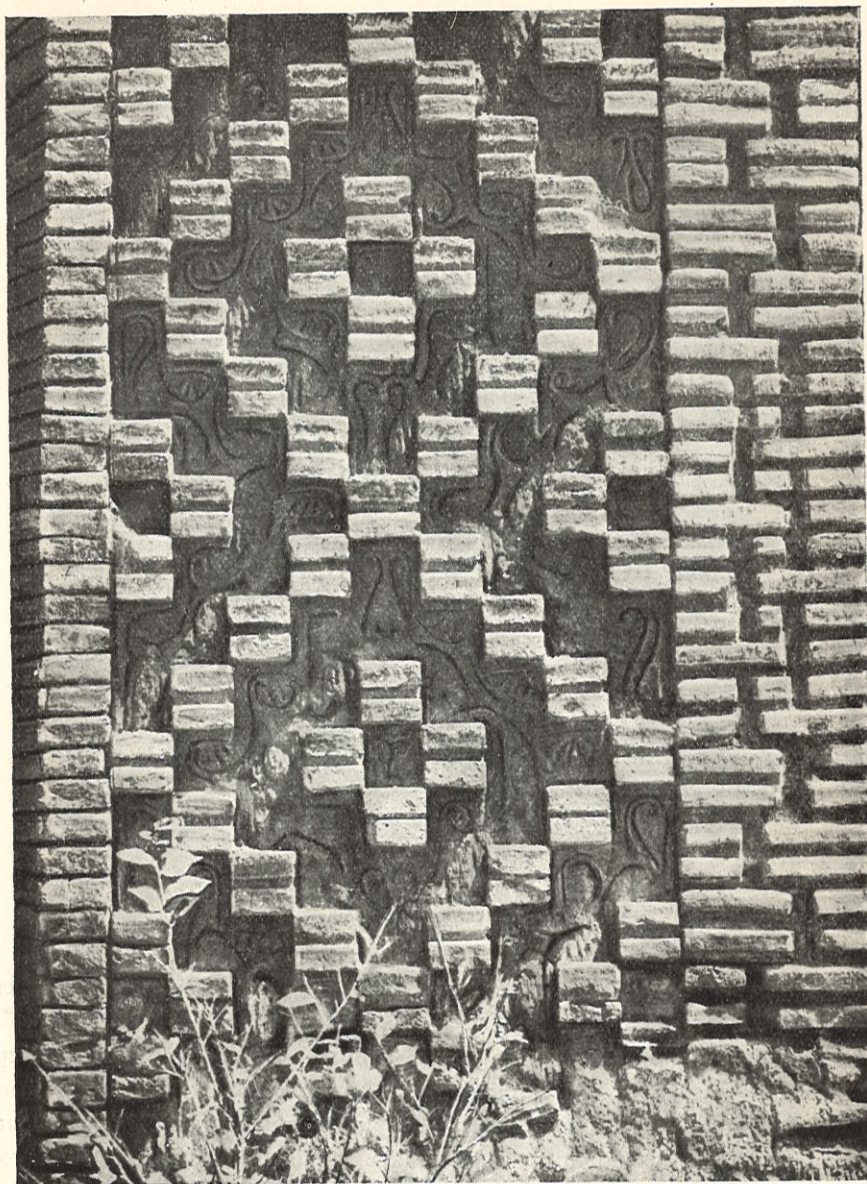

Рис. 23. Фигурная кирпичная кладка с резным шtuком на правой стороне портала северного мавзолея (фото А. Ю. Якубовского)

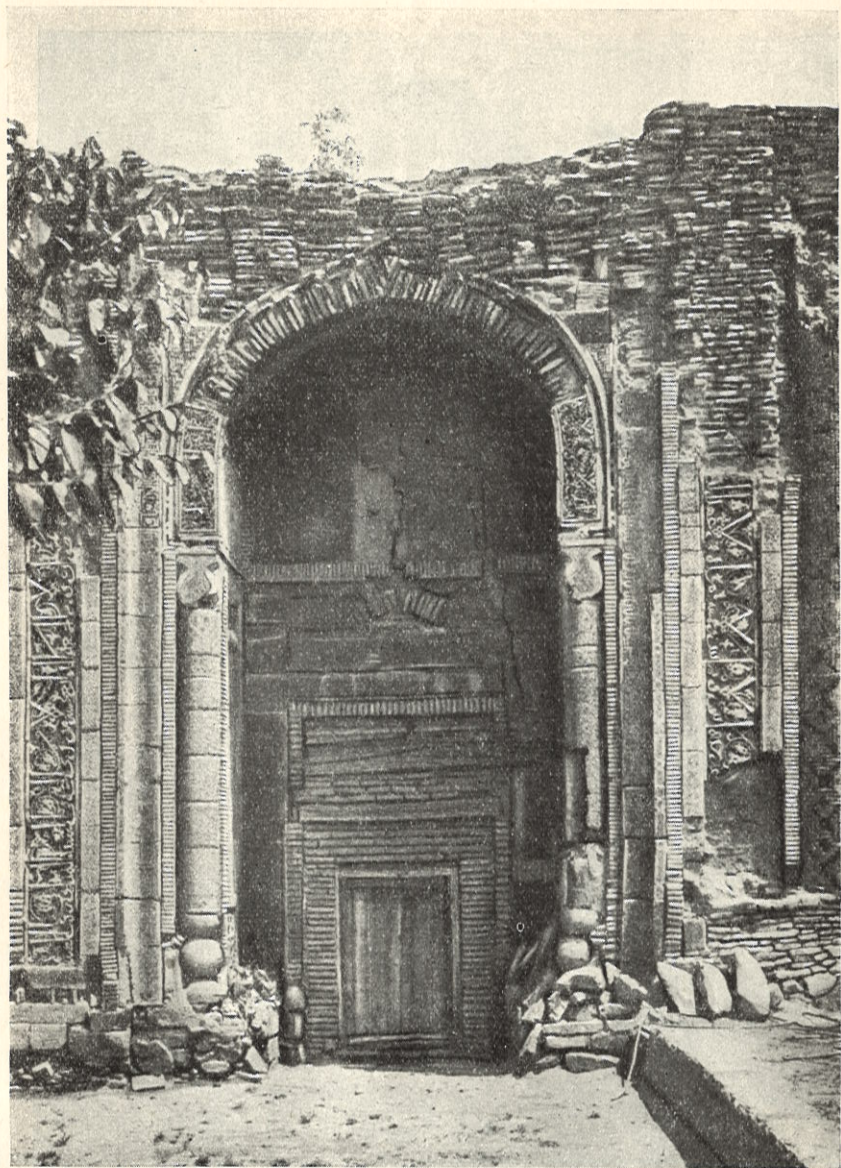

Рис. 24. Общий вид южного мавзолея с западной стороны до реставрации
(фото А. Ю. Якубовского)

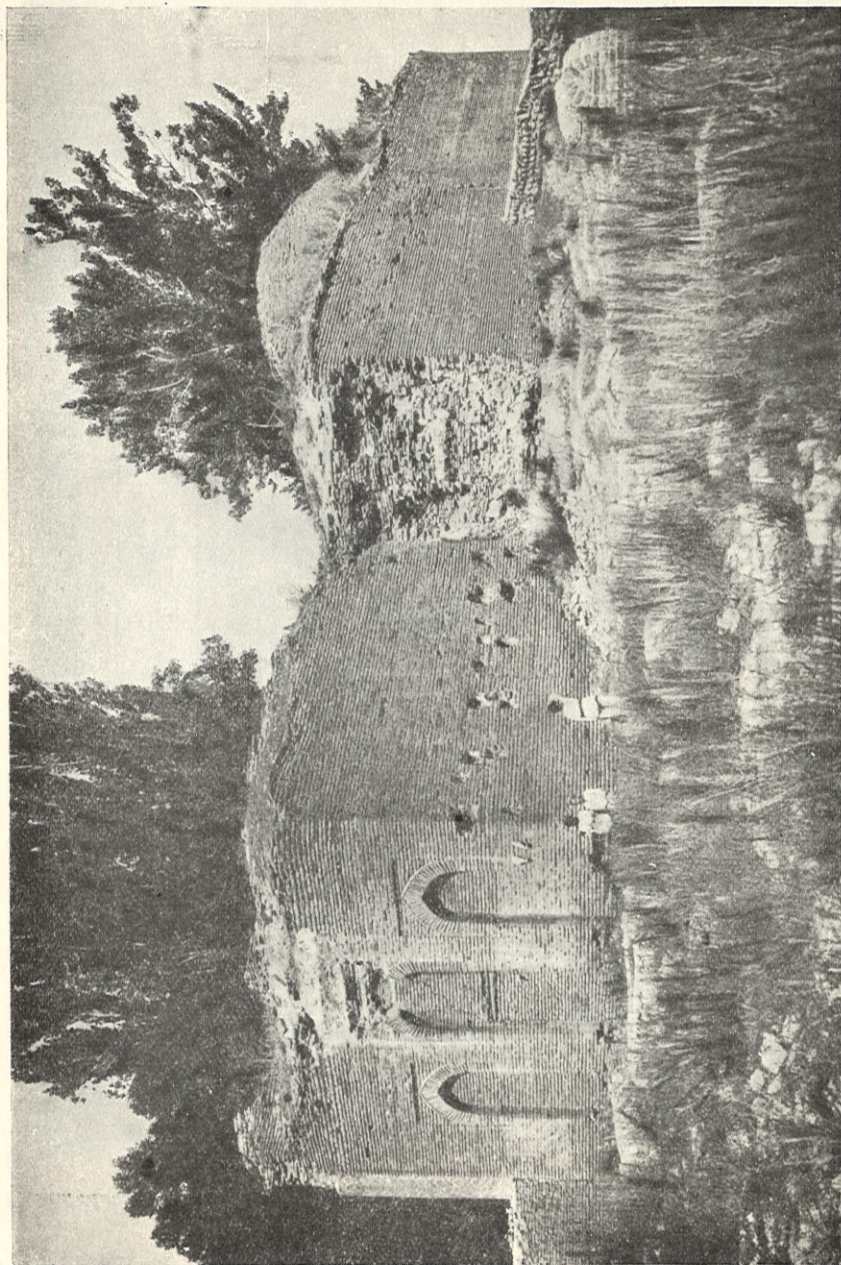

Рис. 25. Общий вид трех узгенских мавзолеев с юго-востока; ближайший мавзолей — южный

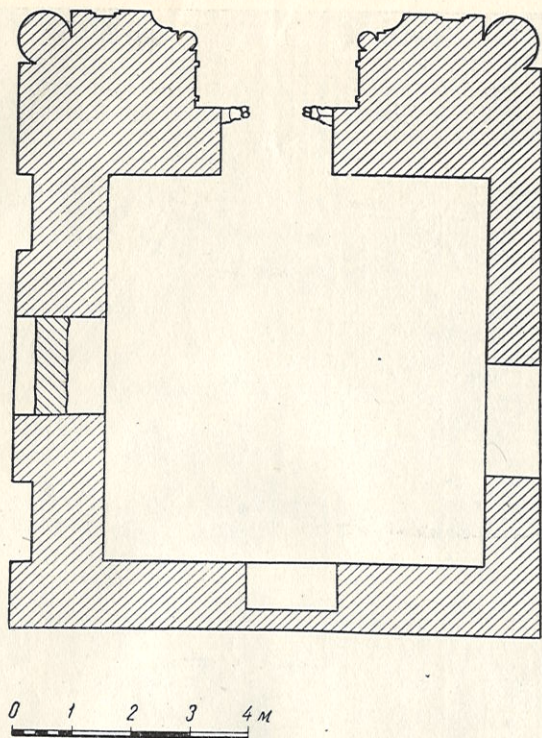

Рис. 26. План южного мавзолея
(обмер Н. М. Бачинского)

качеству резьба и гармоничной симметричности композиция стукowej резьбы на щековых частях порталной арки. Часто встречающийся в архитектурной декорации Ближнего Востока мотив чередующихся звезд и крестовидных фигур трактован здесь весьма своеобразно. Звезды образованы широкими, четко выступающими рамами и переплетены узкими лентами, и в центрах звезд помещаются восьмилепестковые розетки, а промежутки между рамами и лентами сплошь заполнены стилизованным растительным орнаментом, чаще всего — спиралевидными побегам¹.

Представленная здесь еще в скромном объеме резная терракота ярче всего выражена в надписях. Во-первых, надпись идет по контуру порталной арки в виде архивольты, где буквы переплетаются со стилизованными

¹ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 46.

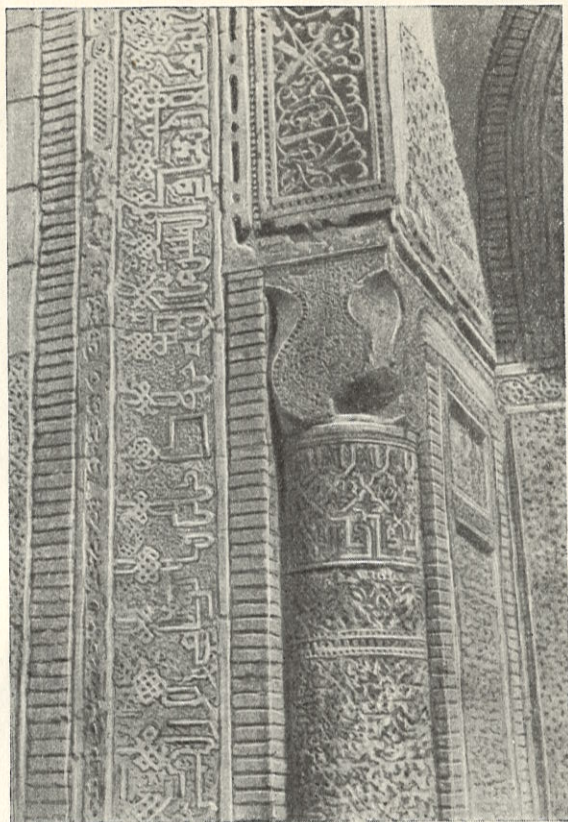

Рис. 27. Деталь портала. Трехчетвертная колонна на левой стороне

растительными побегами. Надпись выполнена почерком «насх» и довольно глубоко врезана. Вторая надпись расположена над дверным проемом и вырезана невысоким рельефом, почерком «куфи».

Как пишет Б. П. Денике, «некоторые элементы надписи переходят в орнаментальные плетения узлов, восьмиконечных звезд и заканчиваются растительными мотивами; фон, по которому идет надпись, сплошь заполнен вставками из розеток в кружках из стилизованных полупальметт и других растительных мотивов. И самый принцип орнаментации, с его сплошным заполнением всего украшенного пространства, и весьма многие мотивы имеют значительное родство с термесской резьбой по стуку, которую по

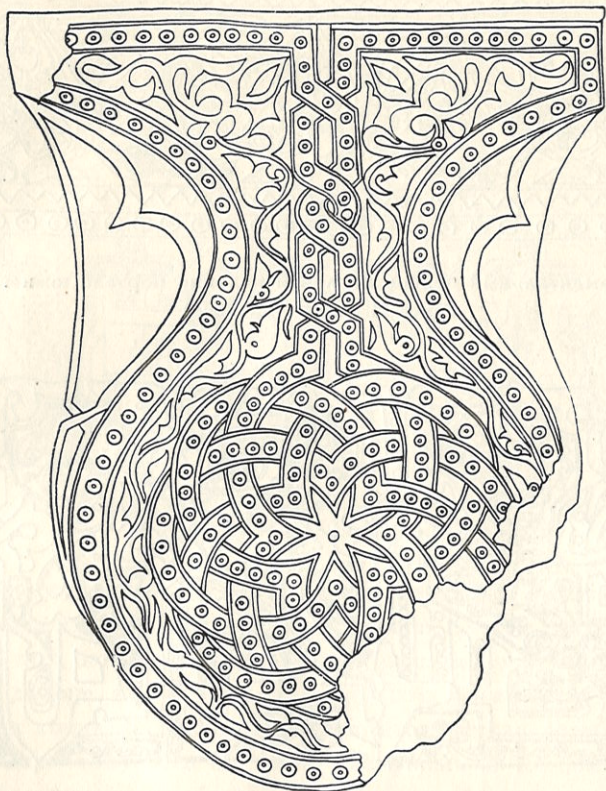

Рис. 28. Орнамент на фесе капители колонны на портале
(рис. Н. М. Бачинского)

времени мы считаем несколько более ранней: общие художественные вкусы выражались в сходных орнаментальных мотивах независимо от материала, в котором приходилось мастерам работать».¹

Третий мавзолей принято называть южным. Как указывалось выше, он является погребением одного из караханидов.

Принято считать, что в южном мавзолее наиболее ярко отражены сложившиеся черты порталной архитектуры. Объем тела здания максимально сокращен. Куб сложен вчерне из тех же кирпичей на алебастровом растворе. Размеры его стен внутри — 6.30 м, снаружи — 10.20 м; высота 9.50 м.

¹ Б. Денике, Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 92.

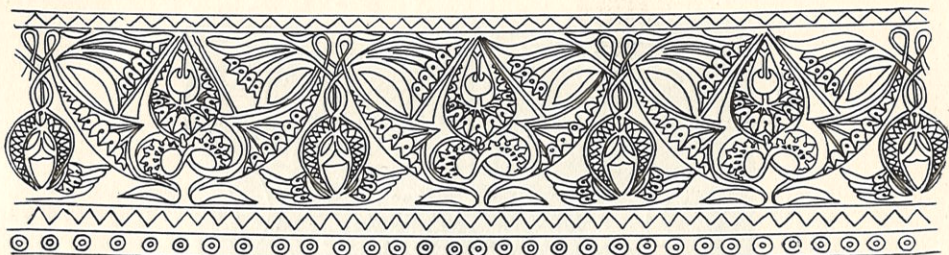

Рис. 29. Орнаментальный поясок на левой колонне портала южного мавзолея
(рис. Н. М. Бачинского)

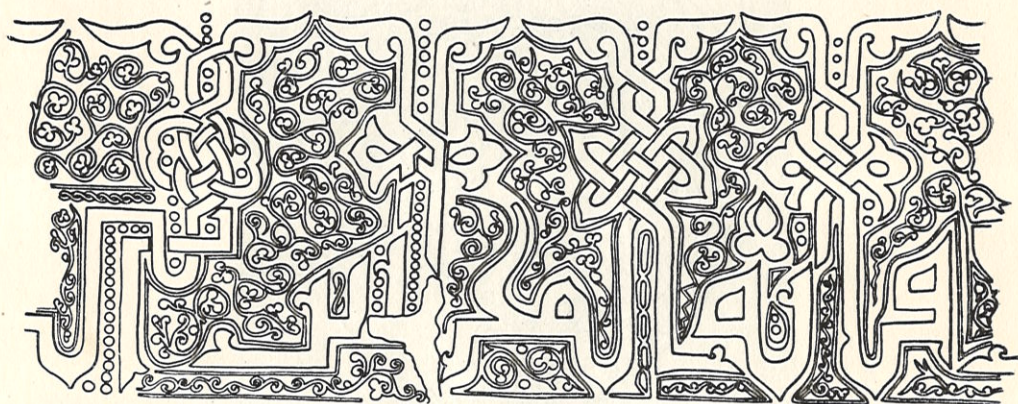

Рис. 30. Фрагмент надписи на левой стороне выкружки порталного устоя
(рис. Н. М. Бачинского)

Портал в этом мавзолее — самодовлеющая величина, которой подчинены все архитектурные формы. Портал резко выдвинут вперед и детально разработан с явной тенденцией подчеркнуть стремление вверх; это же стараются утвердить трехчетвертные колонки по углам пилонов, полуколонки порталной стрельчатой арки и вертикальное расположение декорации, которая вся выполнена в резной терракоте, ажурной и глубоко врезанной, создающей богатую игру света и тени.

Подробное описание декора этого чрезвычайно интересного памятника мы имеем в уже цитированной выше работе Б. П. Денике: «Резьба, украшающая фасад южного узгенского мавзолея, представляет собой наиболее

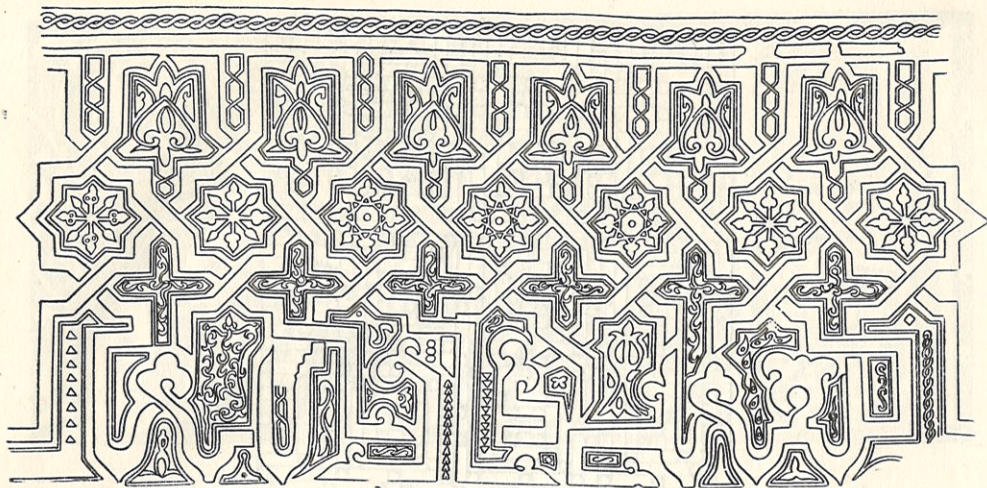

Рис. 31. Часть кувической надписи на лицевой стороне портала
(рис. Н. М. Бачинского)

богатый орнаментальный цикл резьбы по терракоте; по богатству и разнообразию орнаментальных мотивов он играет в этом виде техники роль, аналогичную той, которую среди циклов резьбы по стуку играет резьба в Термезском дворце и в Сафид-Буленде. Это богатейшая орнаментальная сокровищница конца XII века. Значение этого цикла резьбы еще увеличивается благодаря тому, что он точно датирован. В южном мавзолее находим очень большое разнообразие мотивов резьбы по терракоте; встречаются и надписи, и растительный, и геометрический орнаменты. Здесь много различных типов резьбы: и весьма углубленный, и довольно плоский, почти доходящий до гравировки и крупного монументального шрифта, и стремящийся к мельчайшей проработке деталей; встречается и двупланная резьба. В резьбе насчитывается до полутора десятков мотивов. Растительные мотивы спорят в богатстве и разнообразии с геометрическими».¹

Разбирая двупланную резьбу надписи по вертикальным отрезкам на портале, Б. П. Денике отмечает следующее: «Надпись сделана почерком «насах» — очень высоким рельефом; в такой же манере — идущий вдоль всего фриза волнообразный изгибающийся растительный стебель со стилизованными листьями и цветами, среди которых можно узнать лотос (рельеф до

¹ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 92.

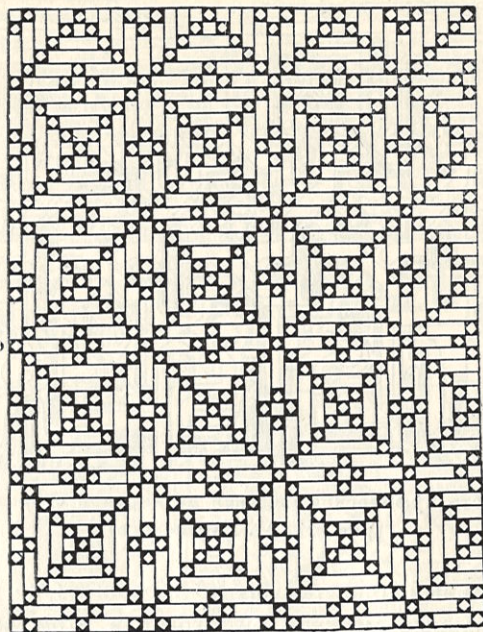

Рис. 32. Рисунок фигурной кирпичной кладки на внешних трехчетвертных колоннах портала южного мавзолея (рис. Н. М. Бачинского)

3 см высоты). Это первый план резьбы. Цветы местами покрыты тонконацарапанной гравировкой. Фон представляет собой резьбу второго плана, он весь покрыт стилизованными лепестками очень неглубокого рельефа. Высокий рельеф создает при ярком солнечном освещении удивительно тонкую и живописную игру светотени. Этот фриз зажат между двумя узкими полосами геометрического орнамента из тесно сближенных, ломающихся под тупыми и острыми углами лент со вставленными через равномерные промежутки восьмиконечными розетками. Ближе к порталной арке идет вертикальный резной фриз с выкружкой (высота рельефа на этих плитах 0.5 см). Куфическая надпись увязана здесь с ленточным плетением, образующим мотив бесконечного узла и вычурные и прихотливые узоры у соединения геометрических элементов с растительными (повторяющиеся пары полупальметт) на фоне густо разросшегося растительного орнамента. По характеру исполнения резьба здесь напоминает резной фриз над дверным

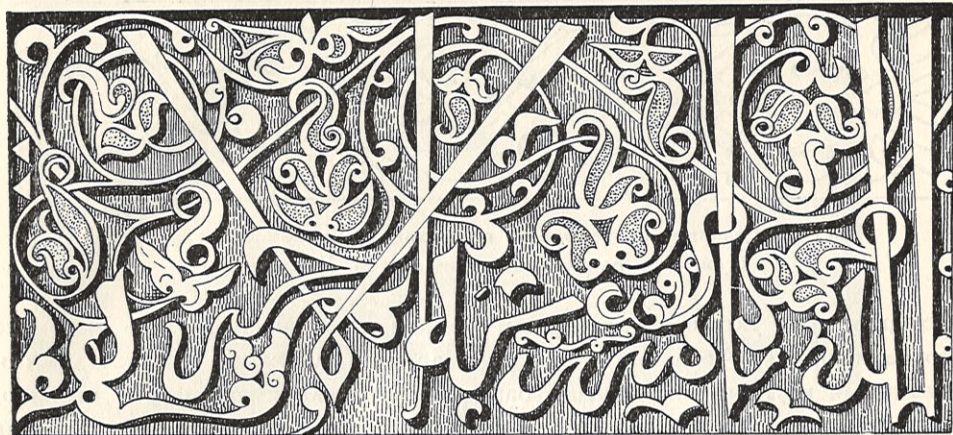

Рис. 33 и 34. Терракотовые плиты с резной надписью на правой и левой щеках порталной арки (рис. Н. М. Бачинского)

проемом северного мавзолея, но там общее впечатление более спокойно, заполнение растительными мотивами более умеренное и просторное. За 35 лет, протекших от времени сооружения северного мавзолея, орнаментальное искусство в Узгене, если судить по рассмотренным примерам, заметно изменилось, шагнуло от относительно скромной и монументальной простоты к формам более динамичным, декоративно насыщенным, даже вычурным.

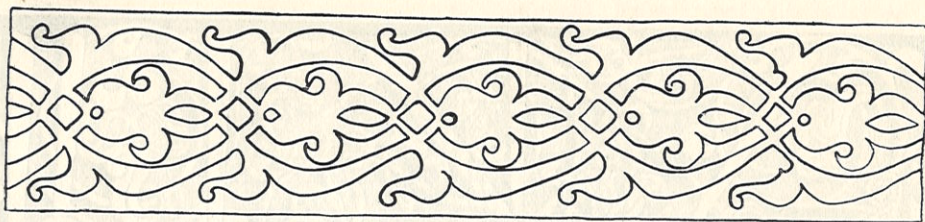

Рис. 35. Резанное на терракоте обрамление верхней части щипцовой стены порталной ниши (рис. Н. М. Бачинского)

Входная арка украшена рельефным фризом с надписью, лишь частично сохранившимся. Арка поддерживается двумя колонками с капителями и двойными круглыми каменными базами». Капители имеют форму стилизованного вазона: стволы колонок выполнены в терракотовых блоках, сплошь покрытых резьбой. «Чрезвычайно интересен орнамент, украшающий колонки; под капителями — широкий пояс с надписью и излюбленным мотивом орнаментики мусульманского мира: сочетанием восьмиконечных звезд и крестовидных фигур; ниже фриз с узором из пальметт, чередующихся с трилистниками; такой же фриз внизу над базой колонны. Средняя часть колонны представляет собой плетения лентообразных мотивов; в эти плетения помещены листья, розетки, завитки и четыре крупных мотива плетения в виде геометризированных восьмичастных розеток. Трактовка растительных мотивов и их размещение между плетениями находят довольно близкие аналогии в термезской стуковой резьбе.

Весьма велико разнообразие типов геометрического орнамента декорации южного мавзолея. Отметим еще из этих мотивов мелкий решетчатый орнамент в длинном вертикальном панно, размещенном над панно с двухпланной резьбой».¹

Это довольно подробное описание из работы выдающегося знатока архитектурного декора Средней Азии наглядно рисует богатство и историко-культурную ценность одного из узгенских памятников.

Три узгенских мавзолея дают отчетливое представление о том, как развивалась принципиально новая основная линия архитектуры и ее декорация в средневековой Средней Азии. Впрочем, к этим вопросам мы еще специально возвратимся ниже, а сейчас, чтобы закончить описание архитектурного комплекса Узгена, остановимся на его минарете.

¹ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 100.

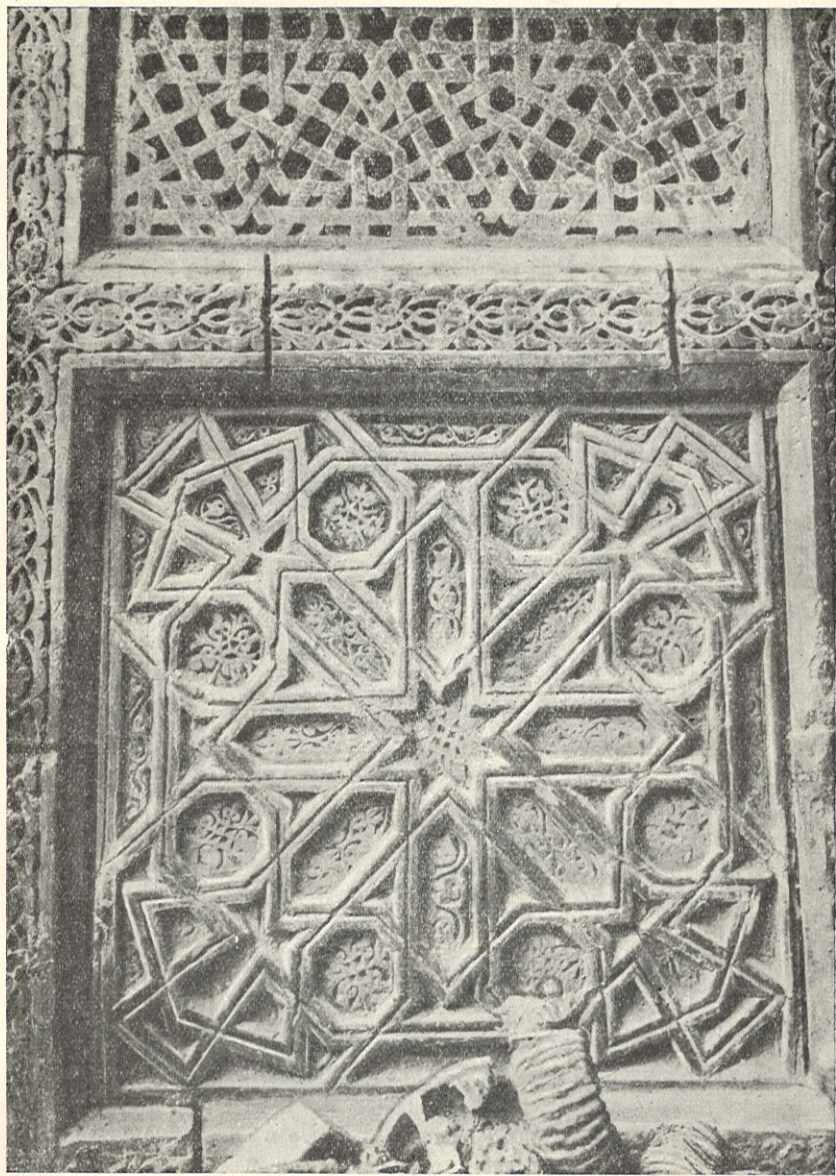

Рис. 36. Терракотовая плита в нижней части порталной ниши
(фото А. Ю. Якубовского)

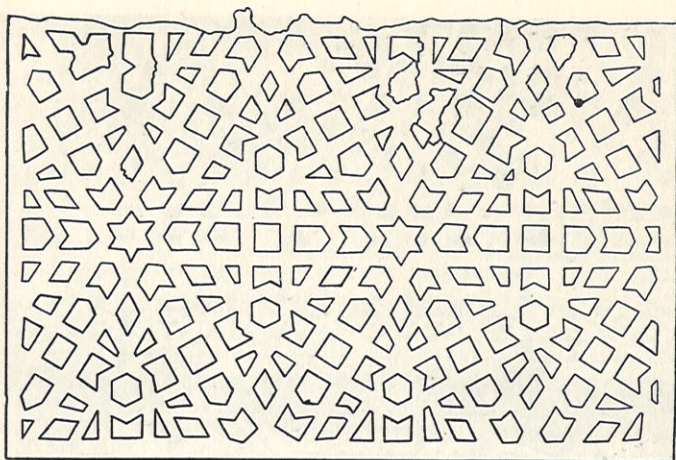

Рис. 37. Орнамент на терракотовой облицовочной плите
в портальной нише (рис. Н. М. Бачинского)

Рис. 38. Орнамент на терракотовой плите в облицовке
внутренней части портальной ниши
(рис. Н. М. Бачинского)

Рис. 39. Общий вид узгенского минарета до надстройки 1923 г.
(фототека Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра)

Рис. 40. Общий вид узгенского минарета после надстройки 1923 г.
(фото А. Ю. Якубовского)

Рис. 41. Фигурная кирпичная кладка на одиннадцати «поясах» минарета

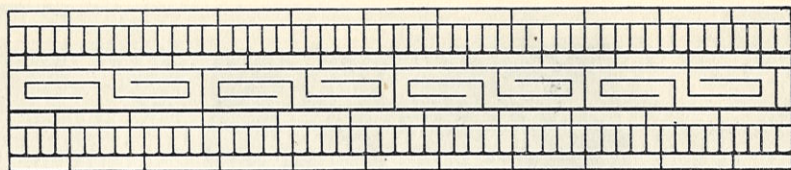

Рис. 42. Рисунок первого (снизу) «пояса» фигурной кладки
(зарисовки Н. М. Бачинского)

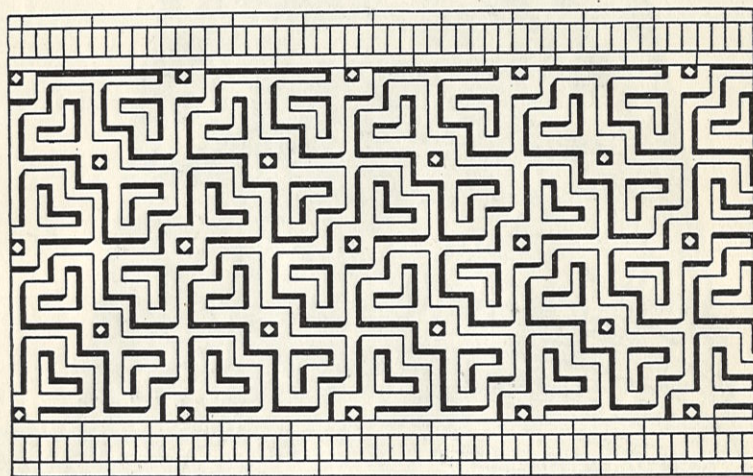

Рис. 43. Рисунок второго «пояса» фигурной кладки

Метрах в пятидесяти к северу от мавзолеев стоит минарет. Узгенский минарет принадлежит к группе кругло-октогональных. Он весь сложен из обожженного кирпича на ганчевом растворе. Основание восьмигранно на высоту 4 м. Остальной ствол минарета (если не считать достроенного в 1923 г. фонаря-ротонды) круглый, в сечении 9.4 м; диаметр внутри — 3.5—3.6 м. Общая высота минарета около 17 м. Окружность его по основанию — 28.25 м, по верху — 20.15 м. Внутри минарета на полтора оборота идет винтовая лестница. Вся поверхность минарета украшена кирпичной декорацией, где широкие пояса орнамента чередуются с узкими. Чем выше, тем сечение широкого пояса больше; этим создается впечатление равномерного деления ствола минарета на орнаментальные пояса.

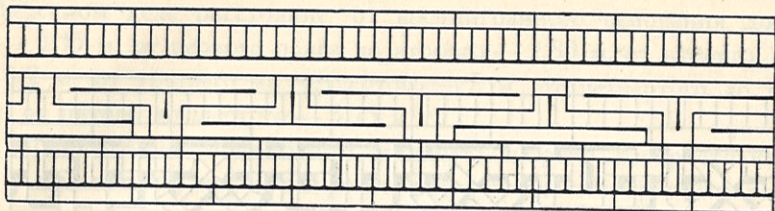

Рис. 44. Рисунок третьего «пояса» фигурной кладки

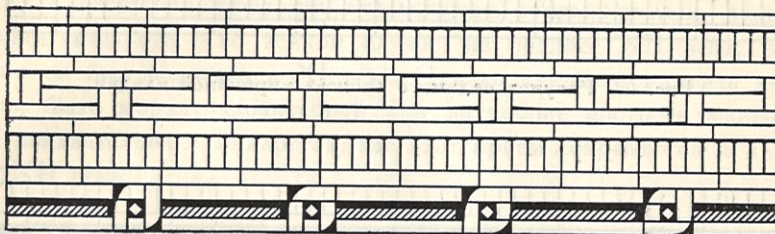

Рис. 45. Рисунок пятого «пояса» фигурной кирпичной кладки

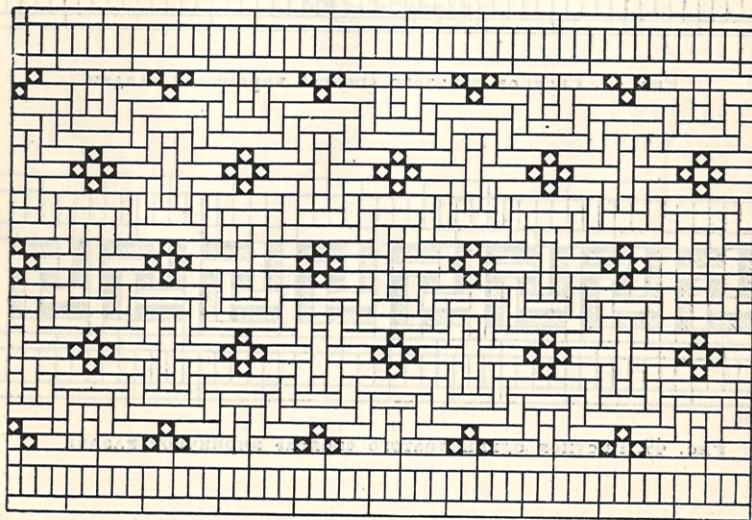

Рис. 46. Рисунок шестого и восьмого «поясов» кирпичной кладки

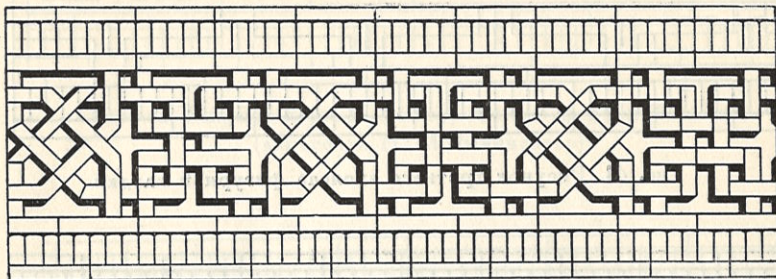

Рис. 47. Рисунок седьмого «пояса» кирпичной кладки

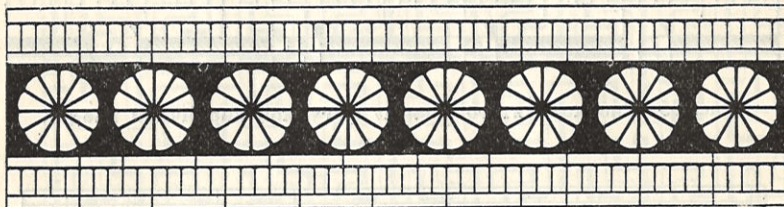

Рис. 48. Рисунок девятого «пояса» кирпичной кладки

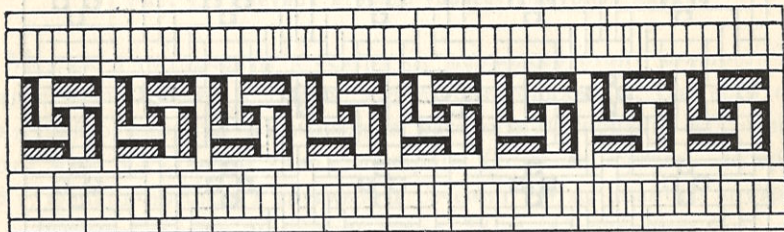

Рис. 49. Рисунок одиннадцатого «пояса» кирпичной кладки

На самом деле расстояние от восьмигранного основания до первого пояса — 1.15 м, от первого пояса до второго — 1.80 м, от второго до третьего — 1.2 м, от третьего до четвертого — 2 м, от четвертого до пятого — 8.40 м, от пятого до шестого — 3.75 м.

В орнаментации поверхности минарета широко распространен мотив ромба с крестиками, кружочки-розетки и решетчатый орнамент из ломающихся под прямым углом линий.

Техника кладки декора тем же кирпичом, из которого сложено и все тело сооружения, характер преобладающего элемента орнамента (меандр и розетки) с несомненностью свидетельствуют о сравнительно ранней дате постройки минарета, — во всяком случае, не позднее XII века; вероятнее же всего он был возведен в XI веке. Однако кладка орнамента кирпичом, являясь, быть может, характерной при датировке построек мавзолеев, не совсем показательна в минаретах, где этот прием сохраняется и для сооружений XII века.

Глава V

МАВЗОЛЕЙ ШАХ-ФАЗИЛЬ

Одним из интереснейших архитектурных памятников Средней Азии, находящихся на территории Киргизстана, является мавзолей, известный под именем Шах-Фазиль, в кишлаке Сафид-Буленд Алабукинского района Джалал-Абадской области (по старому наименованию — в Намаганском уезде Ферганской области), в 50 км к северу от Касан, в долине р. Патша-Ата.

Мавзолей Шах-Фазиль представляет собой квадратное в плане сооружение, с длиной стен внутри 7.80×7.80 м, при толщине их 1.63 м, достигающее до 11 м по наружному обмеру. На кубе основного тела здания покоится устремленный вверх конусообразный купол оригинальной ступенчатой конструкции, как бы расчлененный на четыре части горизонтальными уступами. Один уступ имеется в верхней части и самого куба. Два уступа показаны по углам на внешней стороне, где эти уступы отражают внутренние конструкции, в частности тромпы; третий, шестигранный по конфигурации уступ охватывает весь периметр купола. Круглый барабан также выделен уступом, и уже на нем покоится основание сферо-конического купола.

Мавзолей ориентирован углами по странам света. В юго-западной его стене прорезана одна дверь шириной 0.82 м; в середине северо-западной стены имеется окно и две двери по бокам. Все двери филенчатые; свет поступает только через одно окно, расположенное в северо-западной стене у самого пола, высотой до 3 м. Скромный внешний вид здания весьма оригинален благодаря уступам, создающим впечатление устремленности вверх

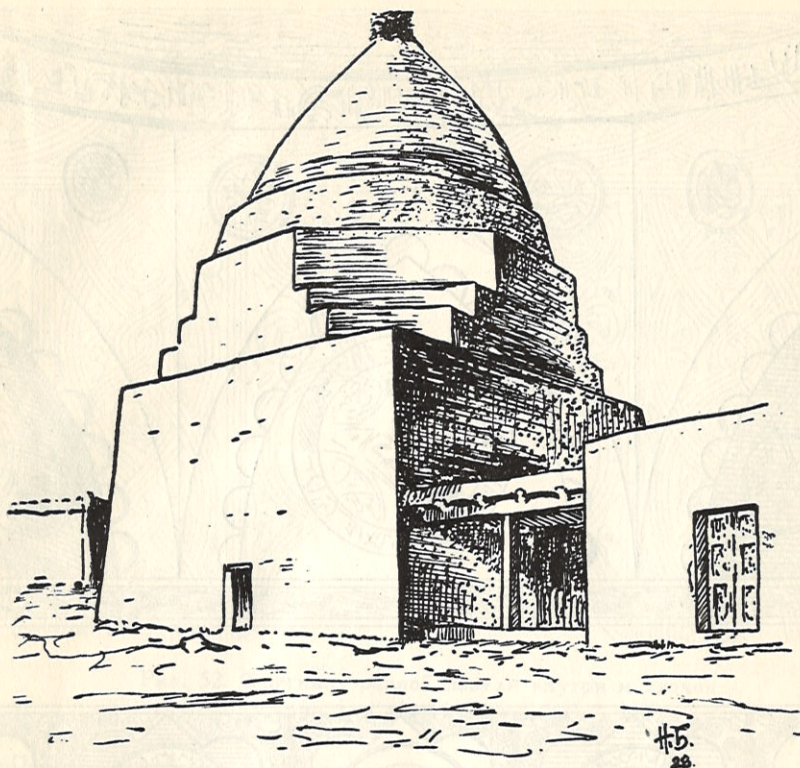

Рис. 50. Общий вид мавзолея Шах-Фазиль (рис. Н. М. Бачинского)

всего здания; эти же уступы зрительно облегчают конструкции купольного перекрытия, по высоте бóльшего, чем куб основного тела мавзолея.

Для мавзолея характерно полное отсутствие внешнего декора, если не считать деревянной решетки окна, которая явно является более поздней по происхождению. На внешней стороне декор представлен только геометрическими горизонтальными линиями конструктивного происхождения, которые придают зданию пирамидальную монументальность, что наводит на мысль о массивной каменной, а не о кирпичной кладке.

Скромному внешнему облику здания как бы противостоит богатое внутреннее убранство мавзолея. Конструктивная часть его — ярус тропов — прикрыта декоративными фестонами, так же как все стены мавзолея — штукатуркой с резьбой и росписью.

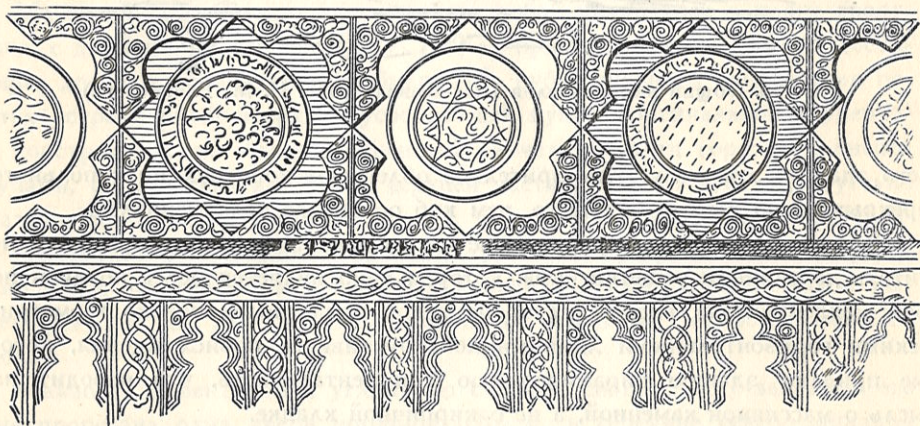
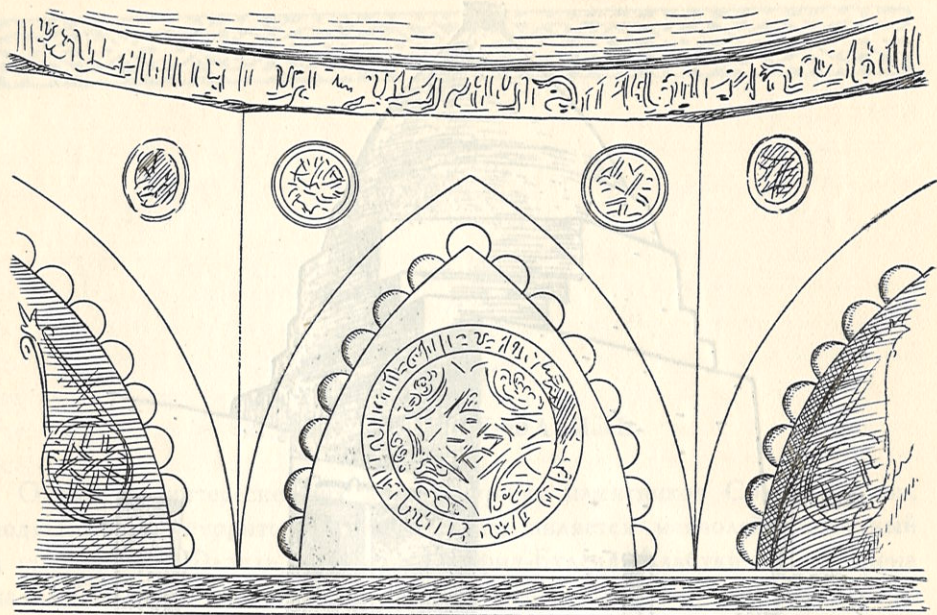

Рис. 51. Схема резного по штукатурке декора стены и пояса тромпов внутри мавзолея
(рис. худ. А. Н. Михалева)

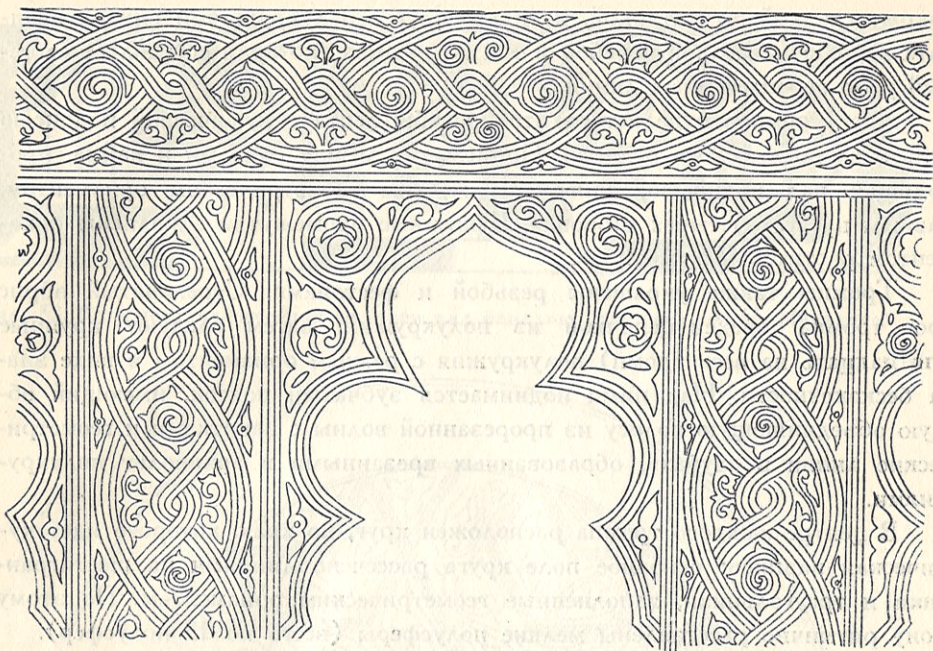

Рис. 52. Фрагмент резной панели внутри мавзолея
(рис. худ. А. Н. Михалева)

Резная штукатурка интерьера — стен и яруса трюмпов, так же как и наружный объем, членится в горизонтальном направлении.

Первый пояс орнамента — панель, идущая от пола на высоту до 1.70 м, — покрыт легкой графической резьбой. Над панелью идет поясok шириной 0.29 м, с кufической надписью и резьбой в виде растительных побегов и завитков с листками. В отличие от графической резьбы панели здесь мы наблюдаем рельеф глубиной 1—1.5 см.

Следующий ярус составляет пояс до 1.90 м шириной, с геометрическими розетками, представляющими собой квадрат, поставленный на угол, с вписанным в центре кругом, для которого стороны квадрата являются касательными, а из внешних сторон квадрата выступают полукружия, диаметр которых равен половине стороны квадрата. На каждой стене мавзолея три полные розетки и по две половинки розеток, которые перегибаются по углам, т. е. всего 16 розеток. Розетки включены в фон квадрата, мелко прорезанного спиральными завитками. Вписанный квадрат с полукружиями

покрыт гладкой штукатуркой, и только круг с полукружиями внутри квадрата заполнены мелкой резьбой в той же технике, которая составляет сложный узор переплетенных линий.

Ярус тромпов отделяет от этой резьбы лента с куфической надписью относительно высокого рельефа. Промежутки между буквами и кайма, проходящая над надписью, заполнены мелким геометрическим орнаментом, разным на всех четырех сторонах. Буквенные промежутки заполнены орнаментом растительных мотивов.

Тромпы также украшены резьбой и фестонами. Стрельчатый абрис арок тромпа обведен цепочкой из полукружий, затем следуют крупные (пятнадцать на весь тромп) полукружия с резным орнаментом в виде знака бесконечности. Над ними поднимается зубчатый пояс, имеющий общую объединяющую полосу из прорезанной волны с завитками и геометрические линии в «зубах», образованных врезанными в архивольт полукружиями.

В центре каждого тромпа расположен круг, по краю которого идет куфическая надпись; основное поле круга рассечено линиями на шестигранники и треугольники, заполненные геометрическим орнаментом. По этому фону ритмично расставлены мелкие полусферы (всего по 13 полусфер).

Над вершиной арки тромпа поставлена имитация украшенного резьбой замкового камня в виде прямоугольника. В тимпанах арки расположены по две круглые розетки с резьбой такого же типа, в виде переплетающихся линий. Заполнения геометрического типа оконтуривают тимпаны, а весь тромп оконтуривают два канта с резьбой геометрического характера.

Выше яруса тромпов, ломаясь по восьми граням барабана, идет надпись «куфи» с элементами «цветущего куфи», где гладкие линии букв подчеркиваются мелко проработанным рисунком фона, заполненного растительным орнаментом.

В отличие от горизонтальных членений декора стен, тромпов и барабана, на куполе размещены резьба и живопись, членившие его в вертикальном направлении. Вся резьба как на куполе, так и на стенах подцветена бледножелтыми и голубыми тонами.

Рассмотренная только что декорация интерьера мавзолея в Сафид-Буленде в памятниках архитектуры почти не известна; ее своеобразие, а равно и историко-культурное значение хорошо формулирует Б. П. Денике: «Поражает огромное разнообразие мотивов растительного и геометрического орнамента в сафидбулендской резьбе. Если в термезской резьбе мы

Рис. 53. Фрагмент кufической надписи над панелью (рис. худ. А. Н. Михалева)

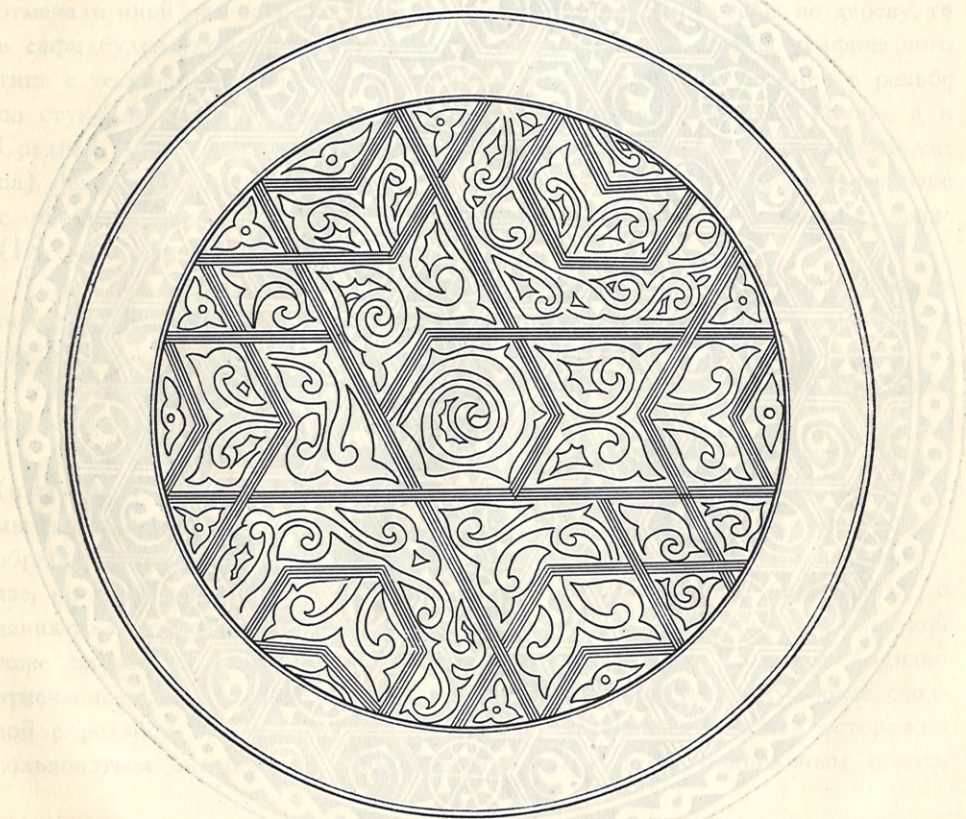

Рис. 54. Орнамент на одном из медальонов над панелью
(рис. худ. А. Н. Михалева)

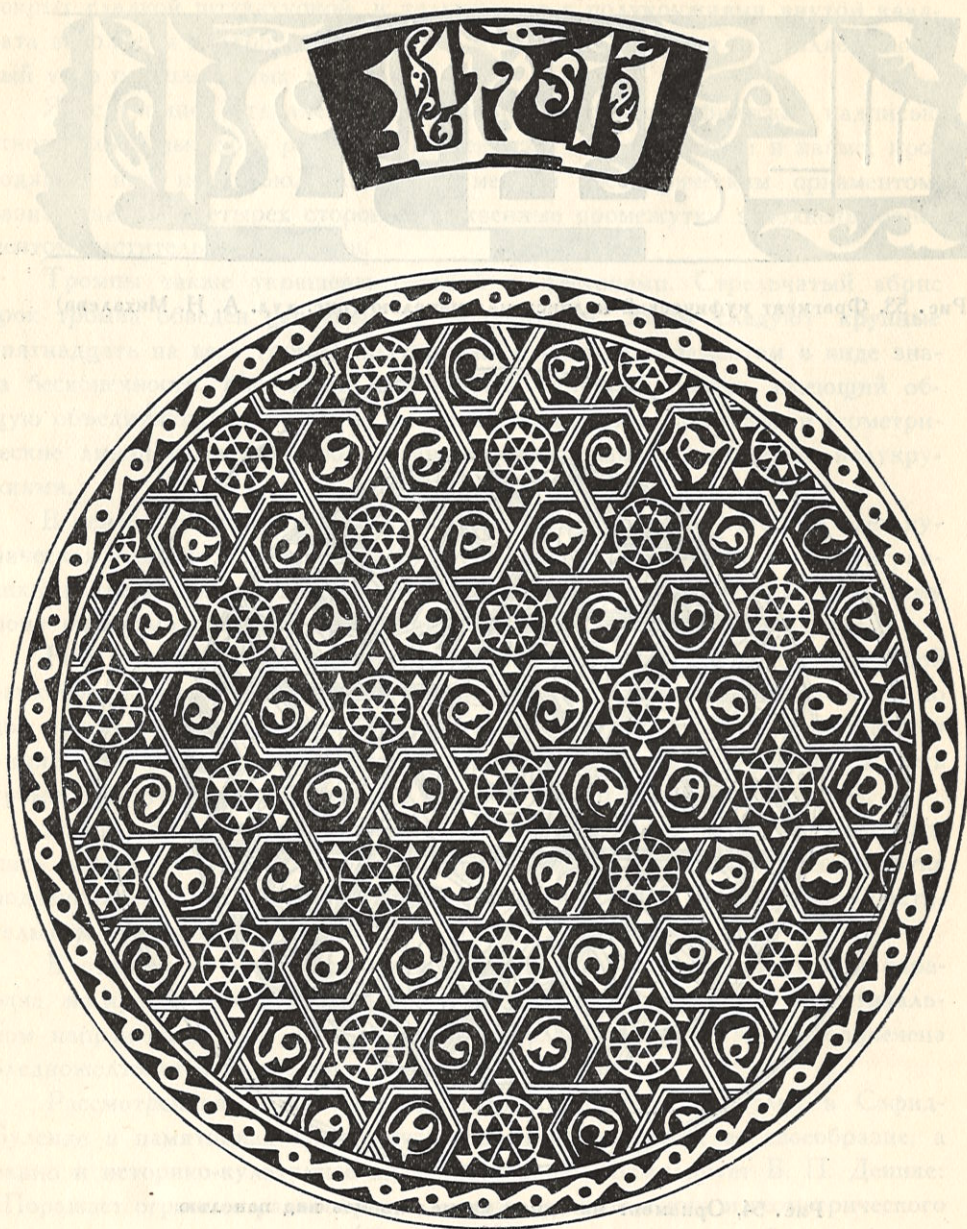

Рис. 55. Орнамент на резном по штукатурке медальоне на северо-восточной стене
(рис. худ. А. Н. Михалева)

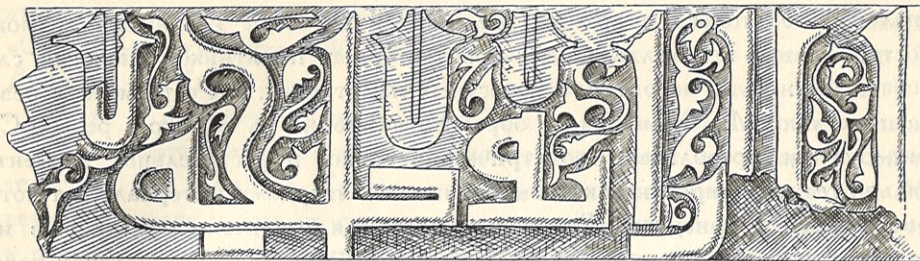

Рис. 56. Фрагмент куфической надписи на северо-восточной стене
(рис. худ. А. Н. Михалева)

отмечали иной раз встречающееся сходство с приемами резьбы по дереву, то в сафидбулендской бросается в глаза связь техники резьбы графического типа с техникой резьбы или гравировки по металлу. Эта техника в резьбе по стуку не находит себе параллелей в памятниках резьбы в Иране, а в Средней Азии графическая резьба (но другого, более монументального типа) была наблюдаема лишь в открытом в 1925 г. на Афрасиабе михрабе с изображением стилизованного дерева, о котором мы говорили выше (IX—X века н. э.— А. Б.).

Во всей Средней Азии нет другого памятника из числа уцелевших на поверхности земли, где так широко была бы применена резьба по стуку и где сохранность была бы в общем удовлетворительна».¹

Мавзолей Сафид-Буленд — весьма любопытное явление, имеющее мало аналогий, и то только в отдельных элементах.

Б. Н. Засыпкин отметил, что «само наличие формы замковых камней (в тромпе.— А. Б.) говорит о каменном прототипе».² Возможно, эти приемы ведут нас к поискам аналогий за пределы Средней Азии, где техника обработки камня представлена единичными памятниками и, во всяком случае, не является типичной чертой в зодчестве. Это говорит, быть может, о каких-то передневносточных корнях этой постройки. Идея резьбы с окраской тоже влечет к аналогиям построек прежде всего из Самарры. Однако отмеченное Б. П. Денике своеобразие мелкой резьбы по стуку, более сходной с резьбой по металлу, чем по дереву, заставляет и здесь осторожно пользоваться аналогиями. Нам представляется более правильным искать

¹ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 72.

² Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Ферганы, стр. 70.

аналогий не столько в архитектуре, хотя и здесь не исключена возможность, сколько в металле. Среди архитектурных памятников аналогий следовало бы искать, вероятно, в известных памятниках, где есть мелкая резьба по камню. Мы не можем не обратить внимания на то, что в резьбе Сафид-Буленда преобладает геометрический сюжет и растительные элементы сильно геометризированы, как бы подчиняясь твердому материалу, на который наносился рисунок. Такая геометризация растительных мотивов неизвестна для орнаментации металлических блюд раннемонгольской поры.

Этот перечень возможных стилевых аналогий, территориально — среднеазиатских, а хронологически — как будто не раньше монгольского времени, заставляет согласиться, как с более вероятным, с предположением Б. Н. Засыпкина и Б. П. Денике о строительстве мавзолея в XIII веке.

Монгольский период как время возникновения этого памятника косвенно документируется группой разнообразных источников. Например, академик В. В. Бартольд пишет о том, что автор XIII века, Джемаль Карши, «рассказывает о могиле 2700 спутников пророка и их последователей в месте Испид Булан; они были посланы халифом Османом, под начальством Мухаммеда бен Джерира, и все пали в бою с неверными. Место существует и теперь, под названием Сафид-Буленд, в долине Касан-сая; Н. Н. Щербина-Крамаренко слышал здесь от туземцев предание, очень похожее на рассказанное у Джемаль Карши».¹ Предание, связывающее этот рассказ с постройкой мавзолея, гласит следующее: «710 лет тому назад пришел из Мекки потомок Магомета, Шах Джирар, сын Османа Зун Нурайна, имевшего двух жен, дочерей Магомета. Распространяя ислам, Шах Джирар вскоре приобрел много последователей. Некто Караван-ас-Акшит был против распространения ислама, напал со своим войском на уверовавших в Магомета и 2700 человек обезглавил. Шах Джирар успел бежать обратно в Мекку. Всех убитых зарыли в одну могилу, их никто не оплакивал из боязни быть тоже казненным. Одна черная женщина не устрашилась, однако, врагов и стала оплакивать погибших за веру Магомета и молилась ему. Враги хотели ее схватить, но, приблизившись к ней, увидели, что черная женщина вдруг сделалась белой, и изумились такому явлению. Народ причислил женщину к святым (аулие) и назвал ее «Софит Булент», что значит по-персидски «белая женщина», как мне сказали муллы. На

¹ В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1898—1900, стр. 160.

этом месте основалось селение, которое названо в честь святой женщины «Софит Булент». Спустя 40 лет после рассказанного сюда пришел сын Шах Джирара — Шах Фазиль, который ввел ислам и жил здесь 15 лет. В память его и построен вышеописанный мазар около 600 лет тому назад».¹

Из сопоставления этих легенд весьма любопытно выступает то обстоятельство, что Джемаль Карши, который писал во второй половине XIII века в Кашгаре и был не плохо знаком с этими местностями, знает легенду в первой ее части, когда происшедшее событие (смерть 2700 человек) еще не оставило о себе такого монументального памятника, как мавзолей Сафид-Булент, и не сообщает легенды о Шахе Фазиле, с именем которого связан этот памятник. Это дает основание полагать, что во время Джемали Карши мавзолея еще не существовало. Эти косвенные данные заставляют отнести памятник ко времени не раньше конца XIII, возможно — начала XIV века (Джемаль Карши писал в 1282 г. н. э.).

Следует отметить, что в орнаментации мавзолея мы наблюдаем больше аналогий с памятниками материальной культуры монгольского периода. Характерно, что эта традиция отсутствия декора на внешней стороне здания и особый акцент на украшении росписями интерьеров продолжается в мавзолеях послемонгольского периода в районах, занятых собственно кочевниками, прежде всего — в Казахстане. Самый характер такого соотношения показателен для той части чагатайского улуса, которая сохранила кочевой образ жизни. Это дает нам основание полагать, что мавзолей Шах-Фазиль именно этого происхождения, в отличие от мавзолея Манаса, где унаследована была караханидская традиция.

Мавзолей Манаса и Шах-Фазиль — постройки примерно одного и того же времени, но характеризуют две различные линии архитектурного развития культовых сооружений Киргизии и Казахстана, где по-разному использовано культурное наследие.

¹ Журн. «Зодчий», май 1896, стр. 37.

Глава VI

ГУМБЕЗ МАНАСА — МАВЗОЛЕЙ КЕНИЗЕК ХАТУН

Вдали от древних оживленных торговых путей, по трассе которых ныне прошла Туркестано-Сибирская железная дорога, за ущельем Большая Капка, к югу от г. Джамбула, в глубине Таласской долины, среди гор, на р. Кенкол (правый приток Таласа), на землях сельсовета Долоно, стоит небольшое купольное здание, широко известное среди киргизского народа под именем «гумбез Манаса», «мазар Манаса». Это мавзолей, где, по преданию, хранятся останки народного героя Манаса, воспетого в эпосе того же названия.

Народная молва связала с именем своего народного героя эту небольшую постройку, как и многие другие памятники прошлого Тянь-Шаня. Нет в Тянь-Шане, тем более в Таласской долине, мест примечательных, созданных рукой человека или силой природы, которые народ не связал бы с действиями своего излюбленного героя или его славных сподвижников — «кырк чоро» — сорока богатырей. Таласская долина богата такими воспоминаниями, тем более, что некогда здесь был стан легендарного Манаса, здесь накапливались силы для мести врагам киргизского народа, сюда ушла верная жена Манаса — Каныкей, здесь родился продолжатель дела Манаса — его сын Семетей. Каждая скала и горная речка, каждый курган и каждая постройка овеяны славой предков киргизов. И это не случайно, ибо Талас является одним из древнейших мест обитания киргизов, одной из твердынь их борьбы за независимость, первой областью Тянь-Шаня, куда они проникли еще 2100 лет тому назад — в I веке до н. э.

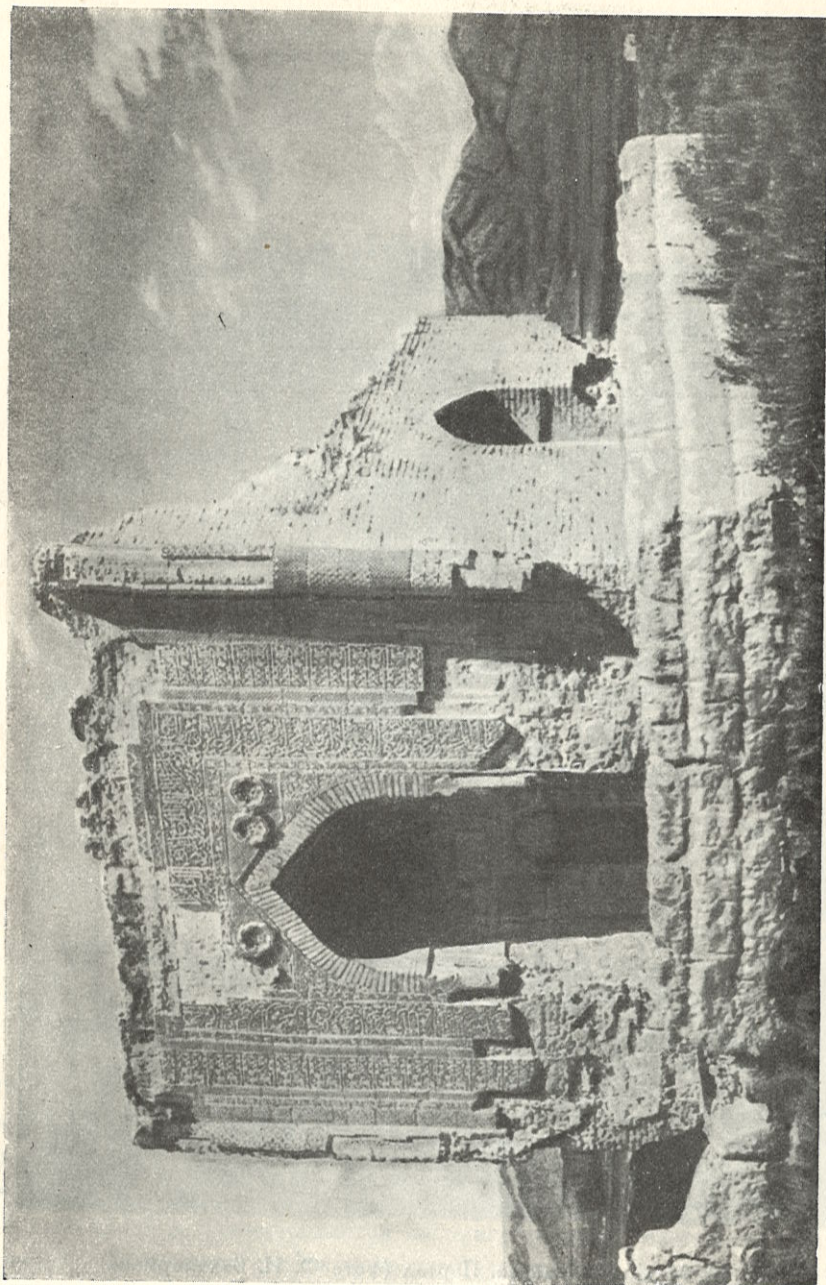

Рис. 57. Мавзолей Манаса. Общий вид (фото Ф. И. Бальдермана)

Рис. 58. Мавзолей Манаса. Португал (фото Ф. И. Бальдермана)

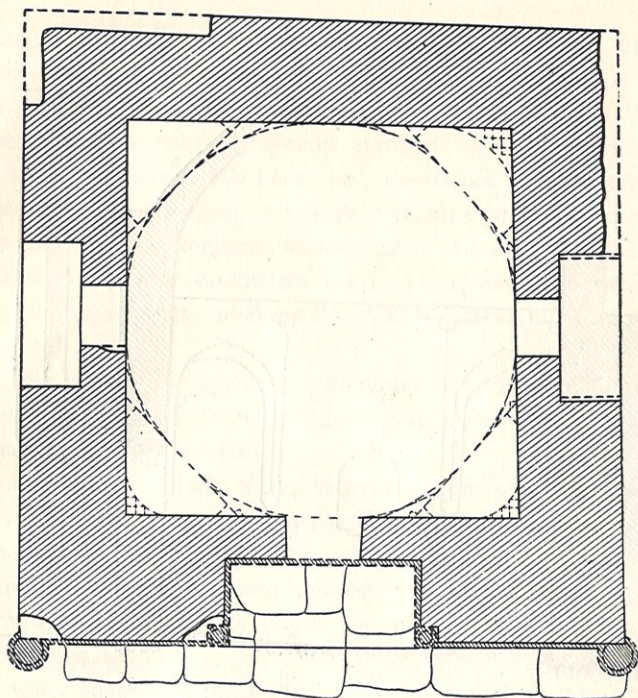

Рис. 59. План мавзолея Манаса

Гумбез Манаса представляет собой центрический мавзолей с кубическим основанием и купольным перекрытием, с порталом, одетым резной терракотой, и стрельчатой аркой входной ниши. Высокий портал закрывает с фасада ныне разрушенный купол. Мавзолей сложен из обожженного кирпича размером $23 \times 23 \times 5.5$ см. Длина сторон основания мазара 6.80×7.16 м; общая высота 7 м. На наружных углах портала помещены трехчетвертные колонны. Переход от кубического основания к несохранившемуся наружному куполу-рубашке осуществлялся с помощью многоугольного барабана. Внутренний купол стрельчатого профиля выложен кольцевой выкладкой и поддерживается восьмигранником, покоящимся на четырех тропях, украшенных декоративными сталактитами. В западной и восточной

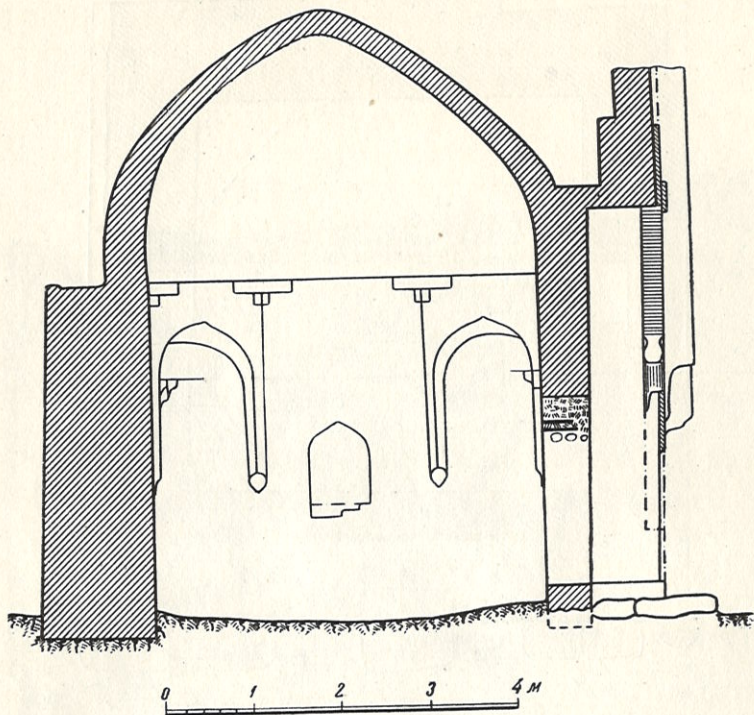

Рис. 60. Вертикальный разрез мавзолея Манаса по линии север — юг

стенах имеются глубокие наружные ниши со стрельчатыми арками. В щипцовых стенах ниш прорезаны окна. Перемычки оконных проемов также имеют стрельчатую форму.

В центре портала помещается высокая стрельчатая ниша, внешний об-рез которой опирается на небольшие угловые трехчетвертные колонны.

Весь портал одет неполновыми терракотовыми плитками, скомпонованными в три основных орнаментальных пояса. Последние образуют параллельные прямоугольные рамки, окаймляющие входную нишу в виде буквы П.

Треугольники тимпанов¹ в верхней своей части покрыты облицовочными плитами, основная плоскость которых заполнена резьбой простого

¹ Согласно установившейся в литературе терминологии по среднеазиатской архитектуре тимпанами здесь названы треугольники над аркой, выравнивающие контур ее обрамления до прямоугольника.

рисунка, в виде шахматного поля, из которого рельефно выступают (по два с каждой стороны арки) двойные ободки медальонов в виде восьми-дольной розетки. Внутреннее поле медальонов с резьбой, расположенной в одной плоскости с шахматным фоном плиток, представляет крестовидную виньетку с сильно стилизованным растительным орнаментом. Основным рисунком нижних углов тимпана образуют резные плитки, каждая с рисунком круга, в который помещены виноградная лоза с гроздьями и листьями. В оставшиеся не заполненными места вставлены фрагменты плиток с шахматной резьбой и узкие полосы со стилизованным растительным орнаментом.

По внешнему обводу арки, сложенному из одного ряда кирпича, и вниз, вдоль колонок ниши (теперь здесь уже ничего не сохранилось), шел орнамент узкой плетеной полоски.

Первый орнаментальный пояс, окружающий входную нишу с тимпаном, состоит из широкой ленты плиток с арабской надписью, выполненной почерком «наسخ» на фоне крупного растительного орнамента; обрамление состоит из полосок растительного орнамента. Так же как и фон надписи, растительный орнамент обрамляющих ее полос выполнен в довольно реалистической трактовке.

Второй пояс, такой же ширины, как и первый, состоит из расположенной в центре ленты с повторяющимся шрифтовым мотивом — одним и тем же словом, выполненным «цветущим куфи» на растительном фоне. Эта лента обрамлена узкими полосками шахматного рисунка.

Третий — и последний — пояс, примыкающий к угловой колонне, состоит из двух лент: одной узкой, со стилизованным растительным орнаментом (сердцевидный лист), и другой пошире, с геометрическим плетением. В этой полосе сверху вместо плиток с плетением помещена терракота с таким же орнаментом, как в медальонах тимпана. Горизонтальная полоса, являвшаяся продолжением этого пояса по верху портала, к сожалению не сохранилась теперь; вероятно, она состояла из плиток такого же орнамента.

Сохранившаяся облицовка угловых колонн состоит из чередующихся поясков облицовки уже знакомого мелкого шахматного рисунка: восьми-конечных звезд с розеткой в центре; второй вариант — шахматное поле более крупного рисунка.

Щипцовая стена порталной ниши облицована плитками с виноградными гроздьями — такими же, как плитки в нижних углах тимпана. Щеки

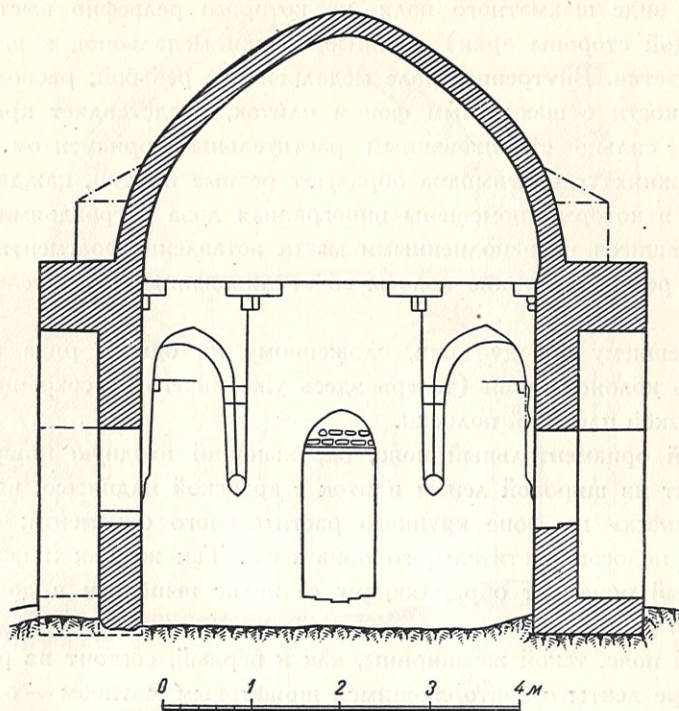

Рис. 61. Вертикальный разрез мавзолея Манаса по линии запад — восток

ниши окаймлены узкими лентами растительного орнамента (сердцевидный лист), покрыты плитками с восьмиконечными звездами и растительными виньетками в центре. Трехчетвертные колонки с орнаментом геометрического плетения — такого же рисунка, как на вертикальных полосах крайнего орнаментального пояса портала. Только вверху, под вазообразными капителями, и внизу, над двойной квадратной базой, помещены орнаментальные пояски с растительным орнаментом. Вазообразные капители, несколько вытянутые снизу вверх, покрыты мелкой резьбой сильно стилизованного растительного орнамента.

От базы колонн уцелела только верхняя часть, да и то только под левой колонкой. Она представляет собой сдвоенные квадратные плитки, вертикальные грани которых покрыты волнообразной полоской резьбы.

Ныне пол мавзолея засыпан землей; по имеющимся сведениям, мавзолей уже неоднократно раскапывался. Нами была предпринята зачистка мавзолея с целью выяснения характера захоронения; раскопки показали, что все внутри мавзолея перерыто и разрушено. В начале работ нами был вскрыт пол, состоящий из хворостяной плетенки на балках, обмазанных глиной. Под полом оказалось четыре деревянных пустых гроба, ориентированных по длинной оси с севера на юг.¹ Под этими гробами расположены были основные погребения мавзолея; правое (восточное) было сплошь разграблено и разрушено. Оно представляло собой прямоугольную яму, вытянутую с севера на юг. Могильная яма перекрыта была стрельчатым сводиком из обожженного кирпича такого же размера, как и кирпич в стенах мавзолея. Яма оказалась без погребения, была засыпана землей и мусором. Эту могилу отделяла от соседней лёссовая перемычка, образовавшаяся при изготовлении могильной ямы под другое погребение, также ориентированное с севера на юг, но под небольшим углом по отношению к первому.

Вторая могила была перекрыта сырцовыми кирпичами, поставленными наклонно друг к другу под углом почти 90°, с промазанными глиной швами. Погребение не было ограблено и содержало костяк мужчины средних лет. Вещей около костяка не оказалось.

Судя по надписи на портале, мавзолей выстроен в память некоей Кенизек Хатун, дочери эмира Абука. Надпись, в чтении А. М. Беленицкого, следующая: «(Эта величественная гробница) добродетельной, целомудренной (буквально — закрытой), скромной (буквально — покрытой покрывалом), идеала счастливых (женщин), зачинательницы богоугодных дел, четвертой (опоры) эпохи, славнейшей из жен, Кенизек Хатун, дочери Эмира превосходного, почитаемого, уважаемого, источника щедрости и милости, победителя пером и мечом, эмира Абука, и да сделает Аллах рай их местопребыванием; и было это в начале месяца Рамазана, а он является месяцем Аллаха благословенного в году четвертом».²

¹ О деревянных гробах в мусульманском погребении см. у М. Массона: Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея «Ходжа Ахмада» в группе «Шах Зинда» в Самарканде в 1922 (отд. отт.). М. Массон датирует эти гробы XIV веком, что вполне согласуется с возможной датировкой гробов в гумбазе Манаса.

² А. М. Беленицкий. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине. Эпиграфика Востока, в. 2, Л., 1948.

Из надписи явствует, что отец умер позже своей дочери и ей принадлежит могила с полуциркульным сводом из обожженного кирпича. Ее могила была сознательно сдвинута в восточную сторону мавзолея, для того чтобы оставить место будущего захоронения ее отца. Вторую могилу можно считать принадлежащей ее отцу, «эмиру Абуке». Небольшая разни́ца в ориентировке вызвана, по нашему мнению, разным временем захоронения.

В первом случае определение север — юг больше соответствует истинному направлению, вероятно потому, что похороны происходили в один из летних месяцев, когда восход солнца дает большую точность при определении стран света; во втором же случае похороны произошли зимой, когда более юго-восточный восход солнца заставил несколько сдвинуть ориентировку могильной ямы.

Как подтвердили раскопки, мавзолей не имеет никакого отношения к киргизскому эпическому герою Манасу, с именем которого связывает этот мавзолей народная молва. Этот мазар является надгробным сооружением, где похоронены останки отца и дочери, точные даты жизни которых остались нам неизвестными. В надписи эти даты были указаны, но плитка облицовки с этими данными выпала и утеряна. Определение памятника по стилистическим данным мы попытаемся дать ниже.

Характерными особенностями гумбеза Манаса являются: 1) центрический, в основе, план с куполом и порталной аркой стрельчатого профиля, 2) неполивная терракота, 3) преобладание растительного мотива в орнаменте, 4) арабская вязь «наسخ» в растительном окружении и «цветущее куфи», 5) следы внешнего конического граненого купола.

Казалось бы, так называемый гумбез Манаса весьма схож с мавзолеем Айша-Биби. Правда, в общем ансамбле есть много схожего, и все же не следует считать, что гумбез Манаса более позднего происхождения, чем мавзолей Айша-Биби.¹ Прежде всего характерен один из строительных

¹ Здесь мы расходимся с М. Е. Массоном в датировке гумбеза Манаса. По поводу гумбеза мы читаем следующее интересное замечание в рецензии автора на работу Б. Засыпкина «Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация» («Вопросы реставрации», вып. 1, М., 1926), помещенной в «Известиях по изучению Таджикистана», т. I: «Между прочим, при обследовании мною в 1925 г. памятника домонгольской эпохи (разрядка наша.— А. Б.), известного в народе под названием мазара Манаса и находящегося на левом берегу р. Кенкол, правого притока Таласа, установлено, что

приемов — постепенный отрыв декоративной облицовки от конструктивного тела здания, что уже отмечал в свое время Б. Н. Засыпкин.¹

В памятниках среднеазиатской архитектуры X века отделка — фигурная кладка обычно сдвоенного кирпича (Бабаджи Хатун), в XI веке орнаментальная кладка из кирпича (Бурана, Рабат-и-Млик) образует торцовой стороной законченный орнамент, в XII веке плоскость украшается неполивной резной терракотой, имеющей иногда перевязи с телом здания при помощи специальных клиньев на тыльной стороне облицовочных плит (Айша-Биби), а в более поздних памятниках облицовка — просто плитки, примороженные к телу здания только при помощи алебастрового раствора; последний прием облицовки и отмечается в гумбезе Манаса.

Второе характерное явление — сюжет орнамента. Здесь господствует растительный сюжет: цветок, стебли, листья, арабская вязь в растительном обрамлении, «цветущее куфи». Все это элементы архитектурного декора более поздней эпохи, чем караханидская.

Когда же мог появиться этот памятник? Исключая XIII век, век разгрома культуры на Таласе, только в конце XIV века можно наблюдать условия, которые могли способствовать появлению этого памятника. Укрепляя идеологически тыл и осваивая предполагаемую дорогу для похода на Китай, Тимур культивировал и всемерно поощрял развитие архитектуры мусульманского типа. Этими причинами была, в частности, вызвана к жизни постройка ханако-мавзолея Ходжа Ахмеда Яссавийского; быть может, этим же вызвано и строительство таких мусульманских форпостов, как разбираемый мавзолей.

резные терракотовые плитки в облицовке его переднего фасада покрыты под цвет натурального кирпича слоем желтовато-серой краски, придающей его поверхности некоторую гляцевитость. Как видно из резной надписи, мавзолей этот предназначен был для некоей женщины Кенизек Хатун, дочери какого-то местного эмира. От даты смерти сохранилось лишь указание месяца Рамазана и цифры 4, означающей единицы трехзначного числа года по мусульманскому летоисчислению.

П. Иванов, который, по-моему, дает более правильную дату постройки гумбеа — XIV и не позже XV века, — не разобрал надписи (см. его работу «К вопросу о древностях в верховьях Таласа», Сб. «С. Ф. Ольденбургу», Л., 1934).

М. Массон дал правильное чтение имени. В. Бартольд здесь допустил ошибку из-за плохого списка В. Каллаура («Записки Восточн. отд. Русск. арх. о-ва», т. XII).

¹ «Вопросы реставрации», стр. 149; поправки к работе в упомянутой рецензии М. Массона.

В Таласе, где еще были живы вкусы кочевников, неполированная терракота и подобная шатру конструкция были более доходчивыми; поэтому и был создан памятник, отчасти воскресивший стиль XII века. Однако в орнаменте гумбеа отмечается преобладание растительного сюжета над геометрическим и неумелое использование облицовочных плиток. Это достаточно ясно видно как в трудных для заполнения нижних углов тимпана, так и в других местах, например в щеках арочной ниши портала. Как бы внешне памятник ни был похож на произведения архитектуры караханидской эпохи, все же, как нам кажется, он является лишь ее реминисценцией, и не более чем копией, далеко не совершенной как по технике изготовления и применения материала, так и по орнаментальным сюжетам. Это ни в коей мере не умаляет значения памятника и, наоборот, заставляет рассматривать его с особой точки зрения. Такого типа реликты в средневековье не столь частое явление, и возникновение подобного памятника в стране кочевников наглядно свидетельствует, как долго сохраняются в Семиречье архаичные черты кочевого социального строя и культуры по сравнению с прогрессирующим Мавераннахром. Высказанные соображения и заставляют нас в датировке этого памятника остановиться на второй половине XIV, возможно — начале XV века.

Почему возникла здесь эта постройка?

Талас был издавна обитаем человеком, и в середине I тысячелетия н. э. это была густо заселенная долина, где, наряду со скотоводством, было широко развито земледелие. Вверх по Таласу протянулась цепь оседлых поселений, политическим центром которых был г. Тараз (ныне г. Джамбул). За горами Ичкелетау, к югу от Большой Кочки, находился г. Шельджи (ныне развалины Садыр-Курган у пос. Кировск), в районе с. Водного расположен был г. Сусы (развалины Чалдывар), у с. Орловки находился г. Куль (развалины Джаман-Курган), а около областного центра — Таласа, на правом берегу р. Талас, стоял г. Текабкет (развалины Ак-Тюбе).

Города эти были, как правило, обнесены стенами; около них располагались караван-сарай и крепости, развалины которых частью сохранились не только по р. Талас, но и по его притокам — рр. Ур-Марал, Кюмиштаг и др. Рядом с земледельцами жили и кочевники, также обносившие свои ставки стенами, как это видно, например, у Текабкета, к северу от которого сохранились развалины Кулансай — одной из таких ставок кочевников.

О большой заселенности долины говорят и древние могилы, прежде всего — курганы, восходящие еще ко II тысячелетию до н. э. Много курганов I тысячелетия до н. э. и начала н. э. оставили нам саки, усунь, гунны и другие народы, особенно в ущелье Ова, Терскул и по Кенколу.

Кочевники заселяли главным образом верхнюю часть Таласской долины, ныне — районы Таласский, Буденновский и дальше к Сусамыру. Рисунки и надписи в ущелье Чиймташ, надгробные надписи на больших камнях около ущелья Беш-Агач, в местечке Айритах, очевидно, являются следами пребывания кочевников в этих местах. Как бы отгораживаясь от кочевников, занимавших восточную часть долины, от Кулансая по направлению к ущелью Беш-Агач протянулся вал. Среди этого мира кочевников приютился воздвигнутый в XIV веке мавзоль одного из местных владетелей, опиравшегося в своей власти не только на денежные сокровища (они в большом количестве обнаруживаются в виде кладов монет по Таласской долине, например у с. Ивановки Таласского района), но и на поддержку ислама, памятником которого является мавзоль. Он был построен тогда, когда здесь уже господствовали кочевники Могулистана (так называлось государство на Тянь-Шане в XIV—XVI веках, — государство потомков Чингиса и его сыновей, в частности Джагатай).

Мавзоль был построен накануне походов Тимура, создававшего и на Таласе (в частности в г. Шельджи) опорные базы для нападения на Китай. Мазар Манаса является свидетельством культуры кочевников того времени, когда в недрах Могулистана поднимались на борьбу за независимость киргизские племена, лишь в начале XVI века, т. е. почти через 150 лет, заявившие о своей власти на Тянь-Шане, в том числе и на Таласе. Забыв истинные причины, вызвавшие к жизни эту постройку, киргизы связали ее (да и все остатки прошлого на Таласе, как и во всей Киргизии) с легендарным Манасом, олицетворявшим символ героической борьбы за независимость.

Разве Кулансай не воспринимается киргизами как место, где держал Манас жеребят от своего сказочного скакуна Тулпара? Разве о колонне в Шакерском городище, за с. Грозным, не рассказывают, что это коновязь Манаса? Разве небольшая гора, у которой стоит мавзоль, это не его сторожевая вышка — «Манас Супа»?

Поэтому гумбес Манаса — памятник, а не усыпальница, так как, чтобы останки богатыря не были осквернены, он был захоронен среди никому не

ведомых скал, где были положены и его сокровища. Его верная подруга Каныкей, чтобы изготовить памятник Манасу, призвала мастеров из Бухары и Самарканда; и здесь эпос прав, ибо в мастерстве этого сооружения чувствуется опыт зодчих Мавераннахра.

Замечательное произведение архитектуры, ярко свидетельствующее о талантности его строителей,—гумбез Кенизек Хатун, являясь культурным сокровищем киргизского народа, свидетельствующим о его далеком прошлом, сочетается в памяти народа с легендарным героем народного эпоса — Манасом, с подвигами и жизнью которого связываются и другие исторические сооружения. Поэтизируя любимого народом Манаса, воплотившего в своем образе лучшие народные черты, легенда связала смерть героя с одним из интереснейших памятников зодчества.

Глава VII

ТАШ-РАБАТ—КАРАВАН-САРАЙ XV ВЕКА

Одним из редких каменных сооружений в Средней Азии является постройка Таш-Рабат в Атбашинском районе Тянь-Шаньской области Киргизской ССР. Таш-Рабат расположен километрах в 80 от селения Атбаш и в 18 километрах к югу от Великого Киргизского тракта, в ущелье горного хребта Атбаш, недалеко от перевала к оз. Чатыр-куль. Сооружение Таш-Рабата приписывается ревностному поклоннику ислама Мухаммеду Султану. С его именем связано предание, по которому он якобы приказал прибывать гвоздем чалму к голове каждого, кто не желает ее носить.¹

О здании Таш-Рабат сообщил в 1894 г. А. Войцехович;² позднее фотографии Таш-Рабата издал В. В. Бартольд в приложении к своему «Отчету» об экспедиции 1893—1894 гг.³

Более подробное описание Таш-Рабата сделано Н. Пантусовым, издавшим свой отчет об обследовании в 1902 г.⁴

Пантусов ошибочно принимал эту постройку за храм. Однако его описание является достаточно полным и наглядно характеризует это сооружение. Ниже мы приводим это описание в том виде, как оно представлено у Пантусова; все измерения переведены нами в метрическую систему.

¹ В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1913; его же. Киргизы, Исторический очерк. Фрунзе, 1943.

² Степная газета, Омск, 1894.

³ «Отчет», табл. XVII.

⁴ Н. Пантусов. Таш-Рабат. Изв. Археол. комиссии, 1902, стр. 15—23.

«Громадное здание Таш-Рабат основано на контуре на горизонтально вынутой в квадрате 32 м плоскости, которая, по мере возвышения, отлагается от переднего фасада здания к заднему углубленно на 3 м, т. е. во всю высоту заднего фасада, вследствие чего боковые фасады наполовину, в диагональ нижнего угла переднего фасада до верхнего угла заднего, видны на поверхности, а вся западная половина здания также диагонально находится в земле.

Все здание основано на естественном грунте, на довольно широком фундаменте. Материал постройки состоит из неотделанных плит горных синих и красных сланцев, с кладкой в уяз на грубом цементе.¹

Весь материал для кладки здания был взят в окрестностях (не далее 200 м от здания) из скал отлогого западного склона; известь же, повидимому, выжигалась в 2—3 км ниже по речке Таш-Рабат, из открытых скал известняка.²

Здание состоит, как видно на плане (рис. 62), из прямоугольных в основании покоев; все эти покои завершены таковым же материалом, как и стены; с половины их высоты — сводчатыми потолками, оканчивающимися квадратными в 61 см отверстиями, которые, повидимому, служили окнами; в больших комнатах и коридорах по три, а в кельях по одному такому окну.

Просветы между потолочными сводами с наружной стороны кровли запланированы землей до горизонтальной плоскости кровли всего здания; эта кровельная площадь со множеством оконных отверстий была окружена со всех сторон возвышением капитальных внешних стен, выше кровли здания на 0.90 м, каковые продолжения стен и служили как бы преградой (бруствером) кровельной площади здания.

Полы в храме и в некоторых комнатах глинистые; они устланы гладкими плитами того же горного сланца с заливкой цементом. Чтобы видеть полы храма, нужно сделать шурф глубиной в 1.5—2 м, так как полы храма и всех комнат закрыты частью слоем мусора от обрушившихся сводов потолков, а частью накопившимся от времени навозом; по этой же причине все входные в комнаты и кельи двери снизу загромождены на две трети их высоты. Прежде двери и входы, как говорят киргизы, были так

¹ Цемент следует здесь понимать как раствор, так как связующим в постройке Таш-Рабат является ганч — местный алебастр с лёссом.

² Алебастр — бор — ганч находится в урочище Уйнак-Джаре, в расстоянии 25 км на север от Таш-Рабата.

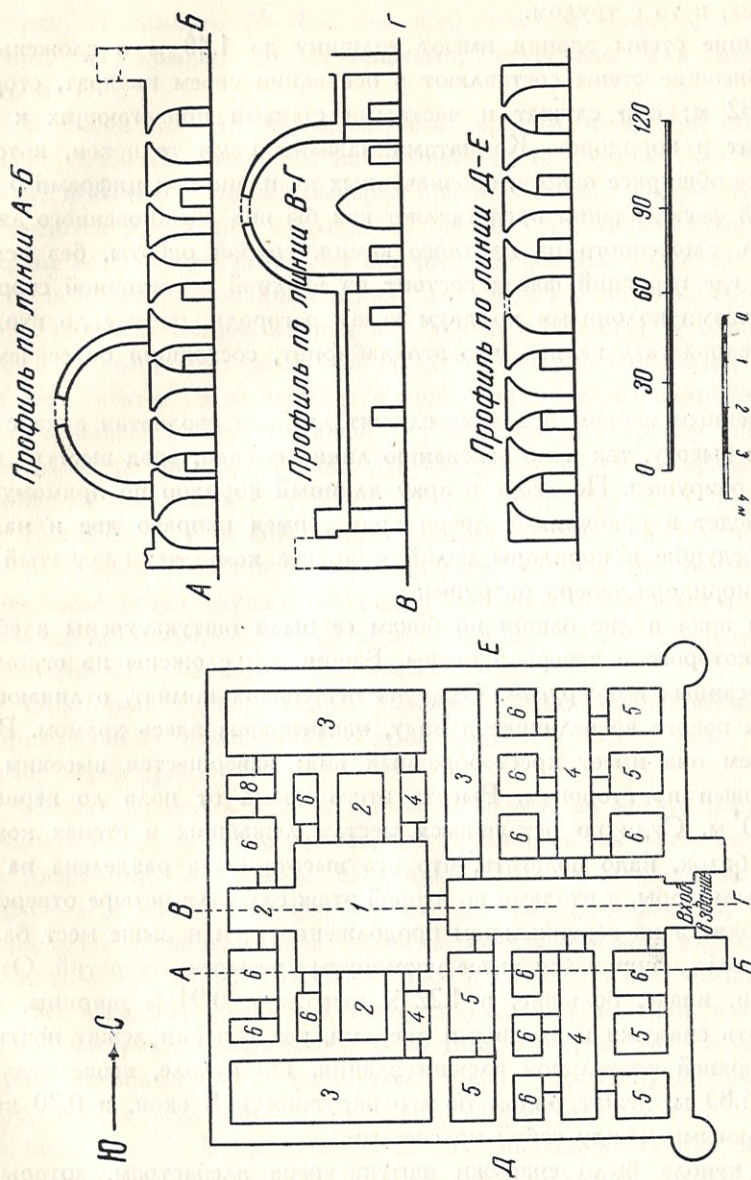

Рис. 62. План и разрезы караван-сарая Таш-Рабат

высоки, что можно было проезжать верхом; теперь же можно лишь проползая в них, и то с трудом.

Внутренние стены здания имеют толщину до 1.40 м и сложены на алебастре. Внешние стены составляют в основании своем квадрат, сторона которого = 32 м; они служат и частными стенами прилегающих к ним келий, комнат и коридоров. Комнатами названы нами те покои, которые вдвое и более обширнее покоев, обозначенных на плане под цифрами 5 и 6.

Внешний фасад здания представляет как бы вид обыкновенного азиатского мазара, сложенного из плитного камня, грубой работы, без всякой штукатурки, где передний фасад состоит из входной с восточной стороны арки, с круглыми колоннами по двум углам загороди, почему до входа в здание и предполагать нельзя, что это лабиринт, состоящий более чем из 40 покоев.

Единственным входом в здание служит двойная сводчатая арка с выступом как в высоту, так и по основанию линии фасада; свод выступа этой арки теперь разрушен. По входе в арку длинный коридор по прямому направлению ведет в арковидные двери храма, имея направо две и налево три двери, ведущие в коридоры келий и другие комнаты; сводчатый потолок этого коридора теперь разрушен.

Входная арка и две башни по бокам ее были оштукатурены алебастром, следы которого и теперь заметны. Башни эти сложены из огромных камней, обтесанных полукругом. Одна из небольших комнат, отличающаяся от других покоев во величине и виду, наименована здесь храмом. В основании своем она имеет крестообразный вид; завершается высоким куполом с окнами по сторонам. Высота этого храма от пола до вершины купола 12.80 м. Судя по оставшимся местам лежавших в стенах концов потолочных балок, надо полагать, что эта высота была разделена на два этажа или были хоры, а входами во второй этаж служили четыре отверстия, которые находятся на вертикальном продолжении стен и выше мест балок; своды же купола начинаются выше упомянутых четырех отверстий. Отверстия эти или, иначе, большие, в 1.22 м высоты и 0.91 м ширины, окна могли служить снаружи и входными дверями, так как они лежат почти на горизонте верхней кровельной насыпи здания. На куполе, выше этих отверстий на 1.83 м, лежат рядом по его окружности 8 окон, в 0.30 кв. м каждое, с равными между собой просветами.

Здание купола было снаружи оштукатурено алебастром, который и теперь хорошо виден и так крепко сидит, что нельзя оторвать куски шту-

штукатурки. В комнате № 4 с северной стороны заметен и теперь выход наверх, на крышу, со ступеньками; ступеньки для выхода направлены на В.

Большая комната, названная нами храмом, имеет три довольно углубленные сводчатые ниши (2 на половине), из которых две боковые выходов не имеют, а у ниши, лежащей против входных дверей, по обе стороны ее имеются две двери, ведущие в боковые три кельи. Направо и налево в храме есть четыре двери, из которых первые две при входе в храм ведут через небольшие проходные кельи (коридоры) в довольно большие комнаты (в виде зал обеденных или для других собраний); в одной из них, лежащей к северной стороне здания, есть единственный выход в небольшую, без окна, келью (8 на плане); в другой же, теперь полуразрушенной комнате, лежащей к югу, выходов нет; потолок в ней (обрушившийся) был плоский и из громадных плит. Другие двери ведут из храма в небольшие одиночные две кельи.

Келья № 7 есть совершенно темная высокая комната, в длину 5 шагов, в ширину 3; ход в нее из коридора был завален камнем, и попасть в нее было очень трудно. На стенах ее признаков штукатурки нет. Стены сложены не особенно ровно. Потолок покрыт двумя громадными плитами: он совершенно ровный, не куполообразный.

Описанная группа покоев половины здания, повидимому, составляла разряд лучших помещений; общим входом в них служил единственный проход через храм.

Первая половина здания, от входа в него до храма, разделена на две группы покоев большим проходным коридором, из которого направо первая дверь ведет в коридор, служащий проходом в шесть келий, а другая дверь — в длинную и узкую комнату, не имеющую выхода; налево первая дверь ведет в две отдельные комнаты, другая — в коридор, служащий проходом в четыре кельи, третья — также в две отдельные комнаты.

Все выходные двери как в коридоры, так и в кельи, имеющие высоты 1.83 м, засорены теперь мусором до того, что для входа в них приходится сильно нагибаться, а в некоторые можно проникнуть только ползком. Внутренность всех комнат совершенно голая, нет никакого следа ложементов, ниш и т. п. В храме местами сохранилась на стенах штукатурка, но каких-либо изображений нет, кроме обыкновенных оставшихся видными барельефов, изображающих ряд закругленных сверху ниш, соединенных колоннами, как бы поддерживающими основание купола.

В некоторых комнатах (кельях) местами сохранилась на стенах штукатурка. Отделка (узор) штукатурки стен в кельях, повидимому, изображала ряд неглубоких, сверху закругленных ниш, какие делаются в китайских кумирнях и домах».

Как ясно из приведенного плана, здание имеет внутри четкое ритмическое построение, рассчитанное на сумму отдельных комнат, предшествующих более обширным помещениям второй части здания. Ритм внутреннего плана сооружения согласуется с простыми линиями силуэта здания в целом. Портального типа вход, расположенный в центре передней стены, повторяет идею среднеазиатского портала — пиштака. Здесь арка пиштака открывает взору в щипцовой стене стрельчатую арку входа, перекрытого сводом. Коридор связывает вход с большим помещением (которое Н. Пантусов называет храмом), перекрытым конусовидным, срезанным также через арку по верху куполом, но меньшего размера. Таким образом, арка портала, вход в щипцовой стене и вход в «храм» — это ритмично уменьшающиеся по высоте входы. Коридор, соединяющий входы, перекрыт сводом, образованным сначала выдвинутыми внутрь плитами, начинающимися примерно на метр от современного уровня пола, а затем, на высоте около 3 м, переходящими в самый свод. Купол над «храмом» покоится на ярусе тропов, поддерживающем купол кольцевидной кладки.

Ритм сохранен и в интерьере, каждая последующая комната по площади в два раза больше, чем предшествующая. Этот ритм, как и ритм входных арок, повторен трижды, т. е. площадь храма в шесть раз больше площади келий. Ритму площади соответствует и ритм объема келий и храма. Все кельи имеют в центре куполов световые отверстия, так же как и в куполе «храма». В этом нельзя не видеть некоторого подражания юрте с ее освещением через тундук.¹

Центральный купол Таш-Рабата повторяет конструкцию перекрытий малых комнат. Глядя на кровлю Таш-Рабата, нельзя освободиться от впечатления, что это какой-то окаменелый стан кочевников с большой богатой юртой в центре.

Все эти данные говорят о сильном воздействии вкусов кочевников на архитектуру здания, что довольно убедительно объясняется местом, где расположена эта постройка, и временем, когда она была воздвигнута. Таш-

¹ Тундук — световое и дымовое отверстие в центральной верхней части юрты; отверстие это может закрываться кошмой.

Рабат построен в XV веке, веке абсолютного господства на Тянь-Шане, в царстве Могулистан, киргизов — «диких львов Могулистана» (выражение Сухаммеда Хайдера, автора начала XVI века).

В это время Тянь-Шань и его торговые пути, связывающие Кашгар с Ферганой и Семиречьем, полностью находились в руках кочевников. Власть Тимура, укрепившего старый город — ставку Атбаш (развалины стоят на р. Каракоюне, притоке р. Атбаша), не была долговременной в этом районе.

Древний город Атбаш известен уже у авторов X века (например, Ибн-Хордадбех). Как видно по сохранившимся развалинам, Атбаш был построен руками согдийских мастеров. Из пахсы сложены высокие стены (до 12 м) с выступающими вперед башнями, до 12 в каждой стене, протяженностью до 28 м каждая. Древние ворота были в южной стене; позднее, видимо при Тимуре, были прорезаны новые ворота — в западной и восточной стенах. При Тимуре это основное сооружение было обведено дополнительными стенами, в основном с востока и севера, так как с запада и северо-запада крепость была окаймлена полосой садов. Вал Тимура вокруг г. Атбаша также сложен из пахсы, но с большой примесью гальки и песка. Атбаш был «столицей» Тянь-Шаня. Здесь была ставка царицы-правительницы — Эргэнэ Хатун, вдовы Хара Хулагу, и Таш-Рабат стоит как раз на путях, непосредственно связывавших эти районы с районами долин Арпы и Алабуки, являвшихся издавна излюбленными местами кочевников.

С первого же взгляда бросается в глаза, что Таш-Рабат стоит не на перевале Ак-Бейт, казалось бы более удобном для связи долин Атбаша и Арпы. Однако если присмотреться к топографии поселений, то выясняется следующее. На пути из Ферганы долина Алабуки, более теплая по климату, привлекала оседлое население, да и кочевников, о чем свидетельствуют, в частности, развалины крепости Ширдакбека. Арпа, с ее более суровым климатом и воинственными кочевниками, была менее привлекательна для караванов, чем Алабука. Проходя из Алабуки через горы Калкабар, караваны выходили на западную оконечность долины Атбаша и должны были пересечь горы Атбаш на пути в Кашгар. Через какой же перевал следовало им идти? Выбор пал на перевал Таш-Рабат, более трудно проходимый, чем низкие перевалы Ак-бейт и Тузбель, где пролегает современный тракт. Объяснение этому мы получили во время наших наблюдений в этом районе осенью 1944 г. Двигаясь из долины Аксая мимо оз. Чатыр-куль к перевалу Тузбель, мы попали в сильный снегопад. Весь

Атбашинский хребет был занесен снегом. Буря свирепствовала и на относительно низком перевале Тузбель. На фоне всего заснеженного хребта Атбаш только перевал Таш-Рабат оставался черным пятном, не покрытым снегом. Очевидно, в силу каких-то местных микроклиматических особенностей этот перевал дольше всего свободен от снежного покрова, тормозящего движение караванов. Этим и была вызвана постройка каменного Рабата именно здесь, а не на более низком, но зато и более заносимом снегом Тузбеле. Таким образом, путь из Ферганы, в частности из Узгена, шел не на Арпу, а на Алабуку, долину Атбаша и через ущелье Таш-Рабат к оз. Чатыр-куль, Тургарт и далее в Кашгар. На этом-то пути и воздвигнут был караван-сарай Таш-Рабат.

Народные предания связывают караван-сарай Таш-Рабат то с именем узбекского хана Абдуллы, то с именами эмира бухарского или даже Тимура. По народным легендам, Таш-Рабат построили выходцы из Рима (несториане). В других легендах имеются лирические мотивы постройки замка богатырем и т. п. Характерно, что во всех этих легендах постройка здания не связывается с деятельностью местного населения, в то время как развалины г. Атбаша называются Кошой-Курган и связываются с именем богатыря Кошой, сподвижника киргизского легендарного героя Манаса. Очевидно, эти сведения о Таш-Рабате связаны с тем, что мастера, его строившие, были западного, среднеазиатского происхождения.

Функционально Таш-Рабат — караван-сарай, чем мог быть и Акыр-Таш, хотя ряд деталей в нем подсказывал исследователям возможность рассматривать его и как буддийский храм.¹

Оставляя в силе, до последующих изысканий, мнение, что Таш-Рабат — караван-сарай, мы не можем не обратить особенное внимание на это сооружение, созданное в гуще кочевого мира в период абсолютного господства кочевников на Тянь-Шане, уникальное для Средней Азии как постройка из камня, уникальное и по своей композиции.

¹ Г. И. Пацевич. Акыр-Таш, Вестник Академии Наук Казахской ССР, № 4(40). 1949, стр 83—85.

Глава VIII

МАВЗОЛЕИ XVIII—XIX ВЕКОВ

Совершенно незаслуженно забыты исследователями в Киргизстане мазары XVIII—XIX веков, чаще называемые гумбезами (буквально — куполами). В Казахстане эти памятники получили некоторое освещение в работах И. А. Кастанье.¹ Многочисленны воспроизведения казахских мазаров и в ряде работ не-архитекторов — путешественников, историков, географов. Менее повезло в этом отношении памятникам Киргизстана, и встречающиеся о них упоминания редко сопровождаются иллюстративным материалом и еще реже — более специальными данными: описаниями и обмерами.

Несомненно, в период XV—XVII веков на территории Киргизстана подобного типа сооружений возводилось меньше в восточной и северной частях, равно как и на Тянь-Шане, а больше в приферганских областях. Объясняется это, в частности, тем, что восточные и северные области находились под большим влиянием кочевников-киргизов, о которых авторы XVI—XVII веков писали, что они «ни мусульмане, ни кяфиры», а также и тем, что эти области подвергались завоеванию не-мусульманами. В Фергане же ислам распространялся более последовательно, а с XVI века она стала значительным центром суфизма, что объясняет распространение построек, тип которых был выработан мусульманской культовой архитектурой. Когда киргизы снова овладели родными местами, они широко

¹ И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды Оренбургск. уч. архивн. комиссии, вып. XXII, Оренбург, 1910; его же, Надгробные сооружения Киргизских степей. Оренбург, 1911.

распространили на всей территории Киргизстана подобного типа мавзолеев, сооружаемые на могилах знатных баев и манапов, т. е. лиц светского происхождения. Так как падение господства завоевателей произошло только в 1758—1760 гг., можно считать, что основная масса мавзолеев позднего периода должна относиться ко времени не раньше второй половины и последней четверти XVIII века.

К ранним мавзолеям Ферганы, о которых имеются только скудные упоминания, относится мавзоль в районе Узгена (быть может, перестроенный из более раннего, караханидского), бывший известным местному населению под именем мазара Бухарнетдина (ныне уже не существует). Мазар Бухарнетдина относился к памятникам XVI века. Быть может, к этому времени или ему близкому относится сооружение мавзолея Хазарет Аюба Пайгамбара (Иова), находящегося в 2 км от Джалал-Абада. Кстати отметим, что в легенде с этим мавзолеем связано происхождение местных серных источников.¹

В Оше пользовался большой известностью считавшийся местной святыней мазар Сулеймана, стоящий на горе, называемой «престолом Соломона» — «Тахт-и-Сулейман».

К этому же типу памятников относится почитавшийся местным населением мавзоль в урочище Арслан-боб. Между Сукулуком и с. Александровским мы находили типичные для XVI века поливные изразцы (белая лента и голубые кресты и звезды).

Мавзолеи Тянь-Шаня свидетельствуют о преемственности самых разнообразных типов сооружений в конструктивном отношении. Как правило, все эти мавзолеи сложены из продолговатого сырцового кирпича, в редких случаях — из жженого квадратного кирпича.

По своим конструктивным особенностям мазары могут быть распределены на следующие типы.

1. Центрический тип — куб стен со сферическим или параболическим куполом (например, мазары Кырк Чоро в Кочкарской долине).
2. Портальный тип — с куполами сферическими или конусовидными (распространен повсюду, например Нарын, Атбаш и т. д.).
3. Портальный тип — с трехчетвертными колонками по сторонам, в основном — со сферическими куполами (Таласская долина).

¹ Н. Щербина-Крамаренко. По развалинам Средней Азии. Журн. «Зодчий», май 1896, вып. V, стр. 37.

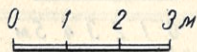
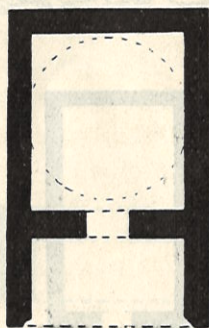
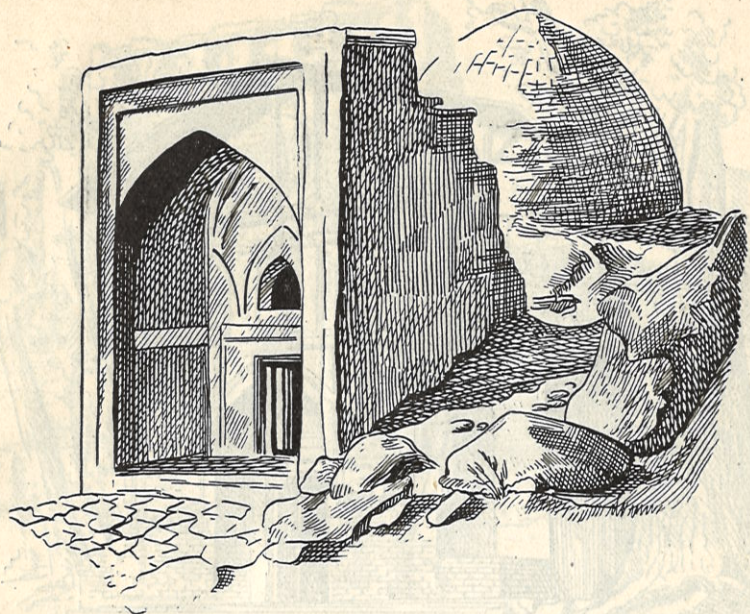

Рис. 63. Тахт-и-Сулейман. Общий вид и план мавзолея

0 1 2 3 4 5 м

Рис. 64. Арслан-боб. Общий вид и план мавзолея

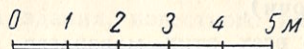
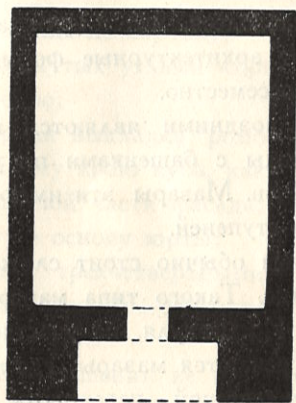
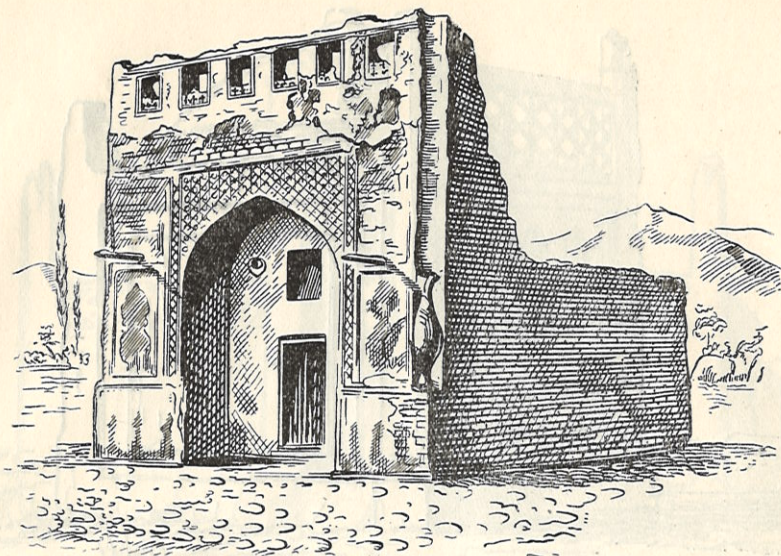

Рис. 65. Мавзолей около Молотовабада. Общий вид и план
(рис. худ. А. Н. Михалева)

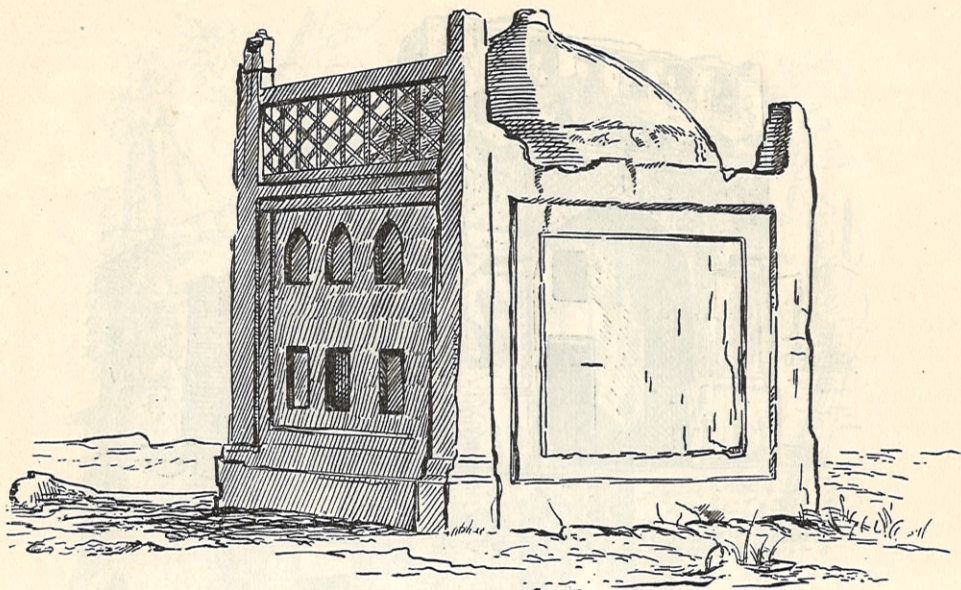

Рис. 66. Мавзолей около Уйкуна. Общий вид (рис. худ. А. Н. Михалева)

Эти основные типы мавзолеев, как видно даже из этой лапидарной характеристики, повторяют архитектурные формы средневековой архитектуры и распространены повсеместно.

4. Несомненно, более поздними являются надгробные сооружения в виде четырехугольной ограды с башенками по углам; иногда эти башни имитируют фонари минаретов. Мазары эти имеют вход в центре фасада, приподнятый на несколько ступеней.

Внутри такого мавзолея обычно стоит сложенная из кирпичей «сагана», надгробие — погребение. Такого типа мавзолеи наиболее распространены по северному берегу Иссык-куля, на участке Сазановка — Тюп.

5. На Тянь-Шане встречаются мазары, где к portalу примыкает продолговатое помещение над саганой, перекрытое полуциркульным сводом (районы Оттука и Он-Арчи).

Общей особенностью всех этих мавзолеев является либо отсутствие внешнего декора, либо его крайняя незначительность. Декор этих мавзолеев на внешних поверхностях здания состоит из следующих элементов:

- 1) ложные окна и двери в стенах мавзолея;

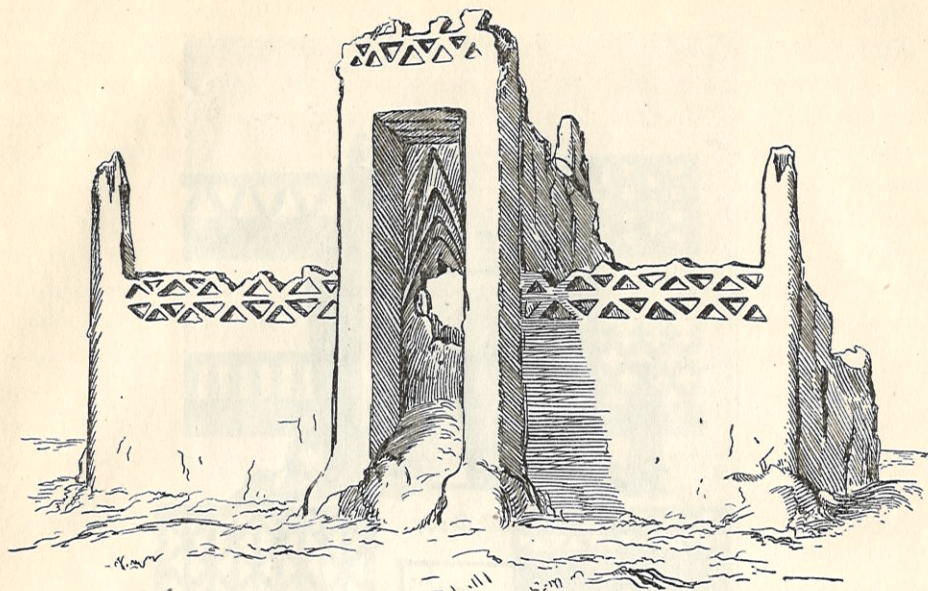

Рис. 67. Мавзолей около Куланак (рис. худ. А. Н. Михалева)

- 2) прямоугольные впадины по portalу;
- 3) фриз в виде повернутых углами кирпичиков, одиночных и спаренных, ложком или на ребро;
- 4) «решетчатая» ажурная выкладка ромбического узора на просвет, то в виде оградки по верхнему краю куба, как бы маскирующая основание купола, то в виде подвышенной части фасада; орнамент выкладки воспроизводит кереге — решетчатую основу юрты;
- 5) украшение портала трехчетвертными колонками, быть может башенками, по углам мавзолея, с фонарями и коническими завершениями.

Все эти декоративные украшения не создают большого разнообразия внешности гумбеа, хотя в основном и повторяют все старые приемы наружного членения силуэта здания, известного нам по средневековым постройкам.

В конструктивном отношении следует отметить, что переход к перекрытию совершался либо выдвижением кирпичей, образующим по углам сооружения паруса, ярусом тропов, на котором покоятся барабан

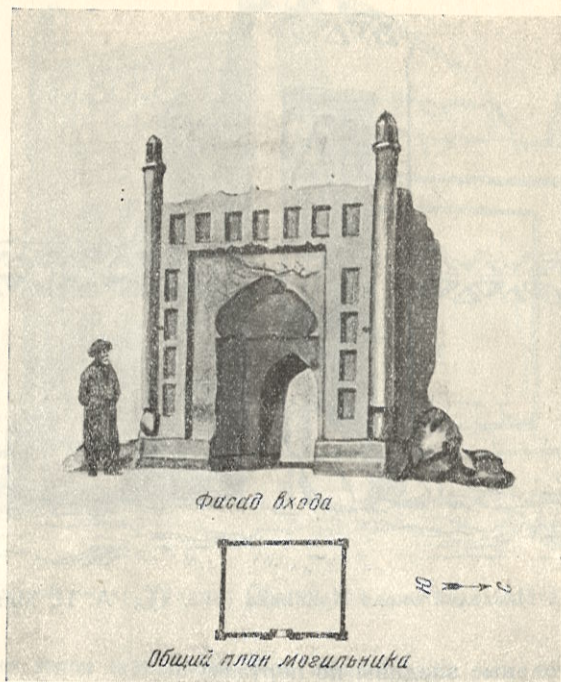

Рис. 68. Мавзолей в районе Нарына
(рис. худ. А. Н. Михалева)

Рис. 69. Фрагмент резного ганчевого фриза в одном
из мавзолеев на Нарынском кладбище
(рис. худ. А. Н. Михалева)

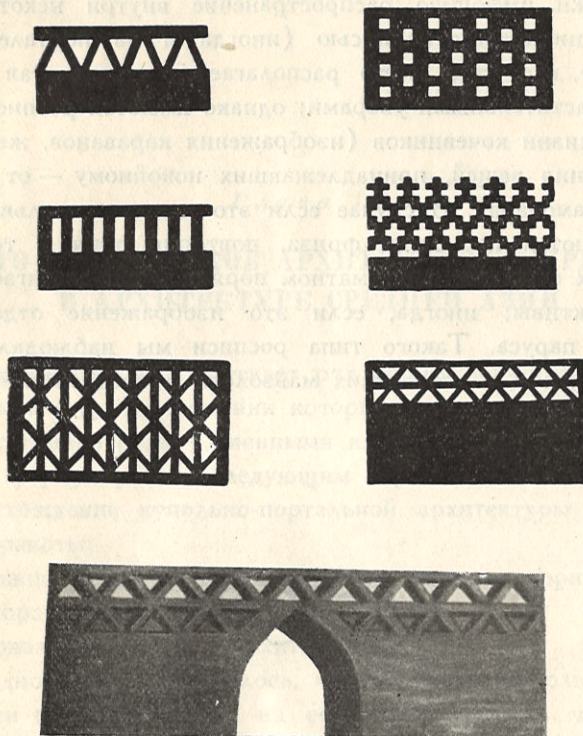

Рис. 70. Образцы кладок кирпичных оград
в Куланакском районе

и купол. Последняя конструкция в гумбезах XVIII — XX веков встречается редко.

Скромному внешнему виду гумбезов соответствует такой же скромный внутренний вид. В виде исключения все же следует указать на роспись в технике фрески, имеющую распространение внутри некоторых зданий; порой она ограничивается надписью (иногда и на портале, особенно на щипцовой стене, где чаще всего располагается стрельчатая арка входа), порой дана с растительными узорами; однако имеются росписи с бытовыми сюжетами из жизни кочевников (изображения караванов, жеребят на приколе, изображения вещей, принадлежавших покойному — от сабли вплоть до тульского самовара). В случае если это повествовательный узор, росписи располагаются по линии фриза, повторяя один и тот же сюжет. Иногда рисунок строится в шахматном порядке, чем достигается некоторое подобие перспективы; иногда, если это изображение отдельных вещей, расписывались паруса. Такого типа росписи мы наблюдали в гумбезах Таласской долины и в кавказских мавзолеях в средней и нижней частях Таласской долины.¹

¹ Об этом подробно см. в нашем введении к книге «Киргизский национальный узор», Ленинград — Фрунзе, 1948.

Глава IX

МЕСТО ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ КИРГИЗИИ В АРХИТЕКТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Из изложенного выше вытекает ряд общих вопросов истории среднеазиатской архитектуры, в решении которых памятники Киргизстана могут играть не последнюю роль. Основными являются вопросы, которые можно схематически формулировать следующим образом:

- 1) происхождение купольно-портальной архитектуры и резной декоративной терракоты;
- 2) возможность датировок памятников разных территорий по техническим и декоративным приемам;
- 3) национальные черты в архитектуре.

Уже неоднократно указывалось, что портално-купольная архитектура Средней Азии составляет одну из ее характернейших черт. Портально-купольная архитектура Средней Азии, генезис и развитие которой показаны, в частности памятники Узгена, представляет своеобразные черты среднеазиатского зодчества, принятые впоследствии за критерий и в других странах Востока. Необходимо, однако, отметить, что только в Средней Азии этот тип архитектурных сооружений достиг своего наивысшего развития.

Заимствование всеми странами мусульманского Востока архитектурных форм, созданных в Средней Азии, можно иллюстрировать указанием на распространенное в западноевропейской литературе мнение о том, что некоторые формы погребальных сооружений, так называемые погребальные башни — «Grabturm» (с цилиндрическим или призматическим основанием

и коническим или шатровым куполом), обязаны своим происхождением, например в Иране, влиянию тюркских народов с севера.¹ В свое время Саладэн не находил возможным связывать эту форму с заимствованием идеи шатра у тюрков (сельджуков) или монголов.² Однако последующие работы при выяснении генезиса определенных видов архитектуры все более настойчиво апеллируют к зодчеству Средней Азии.

Среди этих памятников в Семиречье представлены и мавзолеи с шатровым перекрытием и ранние формы портално-купольной архитектуры. Первые элементы имеются в памятнике Бабаджи Хатун, как наиболее старом (на р. Таласе у г. Джамбула, Казахстан), и на одном из самых молодых — гумбазе Манаса, точнее — Кенизек Хатун. Портально-купольные формы представлены комплексом узгенских мавзолеев.

Генезис этих форм, несомненно, объясняется историей культуры народов Средней Азии. Оставляя пока вопрос о мавзолеех с шатровым перекрытием, необходимо вначале отметить некоторые данные, связанные с происхождением портално-купольной архитектуры.

В портално-купольных мавзолеех выявляются три основных элемента:

- 1) куб основного тела здания с куполом,
- 2) портал,
- 3) декор портала из неполивных резных плиток.

Эти три элемента составляют характерные черты среднеазиатской архитектуры, созданной на территориях, издавна населенных тюркскими народами.

В первой главе мы указали, что идея сферического перекрытия была присуща именно кочевникам, к которым принадлежали тюрки. Очевидно, форма кургана воспроизводила форму сферического покрытия юрты — универсального жилища кочевников. Юрта, насколько можно судить по данным письменных источников, несомненно бытовала уже у скифов и к рубежу нашей эры широко была распространена в степях Европы и Азии и к северу от них, сосуществуя с многогранным срубным жилищем и чумом, а на юге, в горах, — с тем же чумом, покрытым шкурами.

Во всех этих случаях перекрытие оставалось доминирующим и уже тогда было двояким — сферическим и коническим; по плану, возможно, существовали обе формы — круглая и оgranенная. Широкое распростране-

¹ H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islams. Berlin, 1925, S. 57.

² H. Saladin. Die Kunst der Islamischen Völker. Berlin, 1915, SS. 71 u. ff.

ние купола не могло не повлиять на его восприятие в странах оседлого населения, где эта форма могла найти для своего выполнения руку опытного мастера.

Идея купола и осуществление ее в монолите принадлежали кочевникам. Надо было эту форму оставить внешней, освободив внутренность, превратив ее в помещение. В кургане это достигалось включением в курган постройки кубического или призматического типа. Впоследствии произошла попытка увеличения внутреннего пространства по вертикали; этого пытались достигнуть устройством ложного свода (например, «Царский курган» скифов у древней Пантикапеи, г. Керчь), что составляет последний шаг на пути к созданию купола.

Каковы бы ни были дальнейшие пути в создании купола, необходимо отметить, что в строительной практике оседлых районов происходило конструктивное осуществление идеи сферического покрытия — идеи, разрешенной у кочевников в дереве и войлоке юрты или в земляной насыпи кургана.

Взаимосвязь кочевников Европы и Азии, и среди них — особенно Средней Азии, с южными областями: Ираном, Индией и Передним Востоком, вплоть до Малой Азии и Египта, известна как давняя и относительно постоянная, что документируется памятниками материальной культуры довольно широкого круга. Напомним распространение скифских стрел, минусинские гипсовые «маски смерти», воспроизводящие черты лица покойного, и маски римлян и этрусков, снятых с лица умершего.

Захват новых областей кочевниками Средней Азии не мог не повлечь за собой более сильного воздействия идей кочевников на строительную культуру завоеванных ими народов. Примером этого являются кушанские завоевания Ирана и Индии, повлекшие широкое распространение буддизма, особенно при царе Канишке (78—123 гг. н. э.), деятельность которого охватывала и территорию Синьцзяна.

В этой связи следует вспомнить сферической формы ступы, например знаменитую ступу Санчи в Индии.¹ Полностью подражает форме юрты (цилиндрическое основание и сферический купол) буддийская ступа в Миране.²

¹ Описание издано неоднократно. Ср., например, С. Т ю л я е в. Архитектура Индии. М., 1939, У него же — литература вопроса.

² A. Stein. Innermost Asia. Oxford, 1928, vol. I, p. 108.

На базе взаимоотношений с кочевниками в Иране и Индии, где известны воспроизведения скифов (иногда под этим именем имелись в виду просто кочевники северных областей¹), и возникали подобного типа сооружения, появившиеся впервые в Иране к концу сасанидской эпохи.² Учитывая, что Ктезифонский дворец имеет уже сводчатое перекрытие, памятники Сервистана (например, дворец в Фирузабаде с купольным перекрытием) можно отнести к концу сасанидской эпохи, т. е. к тому времени, когда сасанидский Иран снова оживил свои связи с кочевниками-эфталитами.

Высоко развитое строительство Переднего Востока и Ирана оформило идею сферического купола, вынесенную из среды кочевников. Эта идея вернулась к ним, получив в руках среднеазиатских мастеров свое усовершенствование; здесь же мавзолей со сферическим куполом (или шатровым перекрытием) испытывает дальнейшее развитие — получает портал.

Если по идее купол возник у кочевников, а практически был реализован в среде оседлого земледельческого населения, где впервые получил свое широкое распространение в монументальной архитектуре, то можно установить, что портал в монументальной архитектуре появился впервые в среде кочевников, в Киргизстане и Южном Казахстане, впоследствии распространяясь на области с оседлым населением — Бабаджи Хатун на р. Таласе и Узген. Мы уже видим зачатки портала в подвышенном фасаде мавзолея Бабаджи Хатун, в выделении фасада в среднем узгенском мавзолее и дальнейшее развитие фасада в северном, а затем и в южном мавзолее Узгена.

Выдвижение одной стены, как бы вырастающей из одинаково обработанных стен центрического мавзолея, обильно украшенной резной терракотой, выступает как одна часть стены, не претендующей закрыть весь объем здания. Эта идея представляется нам результатом выдвижения и увеличе-

¹ См., например, древнеперсидские барельефы ахеменидского времени в издании Sasse u. Herzfeld, *Die Iranische Felsreliefs*, Berlin, 1910. Ср. также изображение скифа (кушана?) в буддийском памятнике II—III веков — в Мадрасском дворце в Нагаржунконда (H. Longhorst. *The Buddhist. Antiquities of Nagarjunakonda*. Madras Presidency. MASJ, № 54, 1938).

² Как отмечает Diez (*Die Kunst d. Islamischen Völker*. S. 78), купол известен был в Вавилонии и отмечен еще на ассирийских рельефах. По его мнению, наиболее старым является иранский мавзолей с купольным перекрытием в Сенгбесте, южнее Мешхеда, на Гератской караванной дороге Арслан Ясиб Вала у Туса, построенный султаном Махмудом из Газны (997—1028); затем мавзолей Султана Санджара в древнем Мерве (см. там же, стр. 8).

ния в объеме резной двери юрты кочевника. Резная дверь составляет, пожалуй, одну из основных ценных частей жилища кочевника; ей уделяется большое внимание во всякой мало-мальски имущей семье. Искусство резьбы по дереву, безусловно, более древнее, чем украшение металла; многосюжетный и многостилевой орнамент кочевника находил в резьбе по дереву широкое поле для применения. Резная, иногда подкрашенная дверь является ярким пятном на поле одноцветного, в основном, фона коричневых или белых кошм, обтягивавших остов юрты. Богато украшенный резной терракотой портал напоминает собой эту дверь юрты, удачно принявшую в монументальной архитектуре столь гипертрофированные размеры. Таков, по нашему мнению, путь возникновения портала, перенесшего основное эстетическое воздействие внутренней декорации помещения на его фасад, отделка которого заменила богатую резьбу по алебастру (ганчевому штуку), фигурную кладку кирпича и роспись прежних интерьеров. Это перенесение на фасад богатых орнаментальных украшений объясняется стремлением правящей верхушки нового класса — феодалов — утвердить с помощью эстетических моментов свою власть, показать свое растущее богатство в величественных порталах сооружений. С порталом связано и широкое распространение облицовочных плиток неполивной терракоты. Выше уже указывалось, что и этот технический прием декора связан со Средней Азией, а древнейшие образцы — с архитектурными памятниками Киргизстана.

Мысль о том, что резная терракота ведет свое происхождение от резьбы по дереву, а не по камню, убедительно доказана Б. Н. Засыпкиным, заявившим, что в «тюркских землях терракота появляется раньше», чем в других странах Востока.¹ Аналогичной точки зрения придерживался и Б. П. Денике, писавший: «Вообще обработка резьбой обожженных глиняных плит должна считаться свойственной преимущественно Средней Азии».²

Но техника резьбы могла возникать в разных областях независимо друг от друга. Она, несомненно, полигенична, и одним из центров ее происхождения явилось и Семиречье.

¹ Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства Советского Востока. Сб. «Художественная культура Советского Востока», Academia, М.—Л., 1931, стр. 34. Ср. его «Архитектурные памятники Средней Азии», сб. «Вопросы реставрации», т. I, стр. 242; Новый Восток, № 16—17, 1927, стр. 132.

² Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927, стр. 21; Новый Восток, № 16—17, 1927, стр. 131.

В огромном керамическом материале, добытом нашими раскопками в Семиречье, обращает на себя внимание обилие керамических изделий, покрытых крупным, глубоко врезанным орнаментом. Естественно, что чем больше масса изделия, чем плотнее черепок сосуда или толще глиняные стенки утвари, тем сильнее врезался этот орнамент. Большую группу орнаментов, разных по сюжету, несут на себе плоскости «дастарханов» — круглых глиняных столиков для угощения, на которых этот орнамент представлен особенно богато. Этот орнамент получил наиболее широкое распространение только со времени появления на территории Киргизстана согдийцев. Раньше этого времени орнамент на глиняных изделиях кочевников почти не встречается; глубоко врезанный орнамент вообще неизвестен. Отсюда можно сделать вывод, что резьба, которая была известна кочевникам в дереве и металле, руками согдийских мастеров была перенесена на глину, на домашнюю утварь. Об этом говорит и сюжет орнамента дастарханов с геометризированным растительным и схематизированным животным или просто геометрическим узором, таким же, кстати, как и узор орнамента на ранней резной терракоте, где геометрические и геометризированные формы преобладают над растительными.

Очевидно, орнамент кочевников был перенесен согдийскими мастерами на глину, и они изготовили чудесные предметы «монументальной» домашней утвари, украшавшей жилые интерьеры. Эти предметы прекрасно сочетались с отделкой внутренних стен комнат, создавая определенную нарядность, а благодаря глубокой резьбе и игре света и тени — впечатление некоторой ажурности стен, характерной и для юрты. Насыщенность узором приближала восприятие стен монументального жилища к впечатлению от декоративных тканей, столь характерных для жилища кочевника. Этим объясняется и тематика узора на домашней утвари, нашедшая позднее свое отражение в архитектурной облицовочной терракоте.

Но этого было достаточно в ту пору, когда господствующей была идеология патриархального родового строя, пережившая и время среднеазиатской античности. Когда же на смену ей пришла идеология ислама, венчавшая власть феодальных владык Востока, декоративные накопления интерьера были вынесены на здания, как бы призванные своим богатством и разнообразием воздействовать на умы и мысли «правоверных», подвластных феодальному владыке.

Элементы интимного и личного внутреннего убранства жилища были перенесены на декор религиозных и светских зданий. Этот декоративный

переворот в Семиречье складывается в то же время, когда создавалась новая династия, выросшая из недр кочевников, имевших уже за своими плечами не менее трех столетий симбиоза с согдийцами-земледельцами и ремесленниками. Эта эпоха сумела подготовить монументализацию искусства кочевников, перенеся его с дерева, металла, ткани на строительный материал, в архитектуру. Караханиды становятся не только новаторами в области государственного строительства, введя, например, «икту»,¹ но и идеологами принципиально нового в зодчестве, обогатив архитектуру рядом вновь возникших форм.

Это была портално-купольная архитектура с неполивной терракотой на портале, классическими памятниками которой являются, прежде всего, северный и южный мавзолеи узгенского комплекса.

Сравнивая их с предшествующими памятниками, типа центрического мавзолея Саманидов в Бухаре, или с памятниками синхронными — с мавзолеем Султана Санджара в Мерве, или с азербайджанскими, как мавзолеем Мумине Хатун около Нахичевани, нельзя не сделать вывод, что до караханидов в зодчестве Средней Азии господствующим был тип центрического мавзолея, который, впрочем, также и во время караханидов оставался господствующим на территории, лежащей за пределами их влияния. Характерно, что в пределах караханидского государства постройки, связанные с деятельностью караханидов, сразу выдвигают на фасад здания портал (ср. Рабат-и-Малик).²

Характерно, что распространение этого вида зданий связано с теми областями, которые либо находились под воздействием кочевников, либо входили в государства, своими корнями связанные с кочевой средой.

Если, таким образом, зодчество эпохи караханидов породило портално-купольную архитектуру с неполивной терракотой, то дошедшие до нас памятники архитектуры Киргизстана являются в этой серии, пожалуй, наиболее достопримечательными.

Выше, говоря о памятниках архитектуры, мы неоднократно указывали, как одни и те же конструктивные формы относились к разным эпохам. Отсюда следует, что, за редким исключением, выяснение одних конструктивных особенностей не решает вопроса о датировке. Правда, мы теперь знаем, что портално-купольные здания появились не раньше XI века, но,

¹ Феодальная форма землевладения типа западноевропейского лена.

² О нем см. И. И. Умняков. Рабат-и-Малик. Ташкент, 1927.

с другой стороны, центрические мавзолеи продолжают существовать наряду с порталными и много позже. Известно также, что резная облицовочная терракота характерна для караханидской эпохи, а в XII веке появляется поливной изразец. Вначале эта глазурь применяется относительно скупой и на резной терракоте покрывает только внешний, выпуклый контур резного орнамента, позже заполняя и фон. Затем, уже в так называемый монгольский период, глазурь применяется все больше и больше и позже начинает применяться как полихромная отделка на гладком кирпиче и на специальном черепке для фигурно-контурной мозаики. Еще позже появляется майолика. Пример гумбеза Манаса показывает, что в особых условиях неполивная терракота также продолжает свое существование вплоть до XIV века. Надежность датировки зданий по размеру кирпича доказана,¹ хотя часто принималась исследователями как известный хронологический критерий. В хронологическом отношении важным конструктивным моментом осталось положение об отношении декора к основному телу здания. Вначале отделка (фигурная кладка кирпича) составляла неразрывное целое с телом здания, как, например, в минаретах Бурана, Узгена и др. (впрочем, дольше всего такая отделка существовала в минаретах); затем известен уже пример облицовки отдельными плитками, укрепленными при помощи специальных шипов, утопленных в толстом слое ганчевого раствора, нанесенного на черное сделанное здание (мазар Айша-Биби); далее следует декорация из гладких плиток терракоты (мазары Узгена, мазар Манаса и др.). Следует учитывать, что после X века фигурная кладка кирпича применялась еще относительно долго как на минаретах, так и на мавзолеях (Талхатан-Баба, Мухамад Хананья²), и потому веских оснований для датировки эта кладка не дает.

Что же остается решающим для датировки архитектурного памятника, если он не может осчастливить исследователя надписью с точным указанием даты или если памятник вообще не может быть объяснен на основе письменных источников? Отнюдь не исчерпывая здесь всего сложного вопроса о датировке, укажем только на одно, с нашей точки зрения решающее, обстоятельство.

Надежной опорой для датировки в памятниках архитектуры (в Семиречье в особенности) является характер орнаментации. Для ранних памят-

¹ М. Е. Массон. Изв. О-ва по изуч. Таджикистана, вып. 1, стр. 233—234.

² Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении. Вып. 1, Москва — Ашхабад, 1939, стр. 32—42.

ников характерна геометричность орнамента, зооморфные мотивы в орнаментальной форме, далекие уже от реалистических образов. Растительные сюжеты немногочисленны и геометризваны, отсутствуют густая плетенка и часто пересекающиеся линии, свойственные памятникам после караханидского времени. Видимость пересечения линий составляет витой жгут, и изломанная под прямым углом прямая линия создает меандровую полосу. Плетенка и пересекающиеся линии наблюдаются только в построении орнамента из комбинаций фигур креста с шестиконечной звездой, и притом в крупномасштабном орнаменте (средний Узгенский мавзолей, Рабат-и-Малик). Декор в сочетании с конструктивными особенностями дает более надежные данные для датировки, чем только конструктивная специфика или техника декора, так как использование тех или иных технических приемов видно иногда на памятниках более поздних, не относящихся ко времени широкого распространения данного технического приема (например, мавзолей Манаса).

Для Семиречья особо большое значение имеет историко-культурная обстановка. Здесь часто наблюдается, как более ранние генетические формы продолжают свое существование в то время, когда на других территориях уже не только наметился, но и наступил перелом и переход к новым стадиям. Исключением в эпоху средневековья является, пожалуй, только караханидский период — XI — XII век. В остальное время в области культуры, особенно в области монументального зодчества, Семиречье выступает с более архаичным лицом, свойственным замкнутой, изолированной области, долго поддерживающей традиции, уже сменяющиеся в метрополии, какой был Мавераннахр.

В свете вышеизложенного можно наметить основные положения о национальных формах древней архитектуры.

Искусство, идущее от кочевников (в Средней Азии — тюрков) и от земледельцев (в Средней Азии — согдийцев, хорезмийцев и т. д.), различно так же, как оно различно у западных (Туркмения) и восточных (Семиречье) тюрков, так же, как оно разнообразно, в разные эпохи, отражает национальное своеобразие каждого народа и находится в значительной зависимости от взаимосвязей одного народа с другим. В этих сложных условиях можно, например, установить, что портално-купольная архитектура, возникшая в Семиречье, является результатом взаимодействия искусства тюркских племен и согдийцев Семиречья. Учитывая тюркское и семиреченское происхождение династии караханидов Семиречья, а затем и

Мавераннахра, давшей этой архитектуре государственную поддержку и широкое распространение, можно утверждать семиреченское, тяньшанское происхождение portalной архитектуры в Средней Азии. Эта архитектура складывалась в среде кочевых тюркских племен Тянь-Шаня, не без активного участия, как мы пытались выше показать, оседлого земледельческого, прежде всего, согдийского населения того же Тянь-Шаня. Под тюрками мы понимаем массу разнообразных племен Тянь-Шаня — карлуков, уйгуров, тюркешей и других тюркоязычных народов, политически господствовавших на этой территории в период зарождения и развития тех архитектурных форм, о которых шла речь выше.

Каждый из элементов — купол, портал, резная терракота, создавших в сумме эту архитектуру, — более сложного происхождения, своими корнями уходящего к культуре кочевников, взаимодействовавших с оседлыми племенами Средней Азии. Синтез этих явлений, давших новую страницу в истории архитектуры Востока, принадлежит народам древнего Киргизстана, сохранившим доныне замечательную повесть о древнем зодчестве в памятниках, расположенных у подножий Тянь-Шаня и Алая.

Глава X

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

Основные памятники древней архитектуры в Киргизии неоднократно посещались исследователями, давшими целый ряд порой весьма ценных замечаний и описаний.

Больше всего повезло в этом отношении памятникам Узгена. Впервые в 1871 г. архитектурные памятники Ферганы, в том числе Узгена, осмотрел Федченко, крупнейший русский ученый, открывший систему Алайского и Заалайского хребтов.

Отметив памятники Ферганы, он, однако, не занимался их изучением, поскольку это было слишком далеко от его прямых научных интересов. Другой исследователь Тянь-Шаня — Северцов — в 1885 г. обратил внимание на памятники Узгена и впервые правильно определил «узгенскую башню», назвав ее минаретом в надписи к ее рисунку.

Следующий исследователь минаретов Узгена и Бураны — В. М. Флоринский — был знаком с памятниками только по фотографиям и рисункам.

Первое научное изучение памятников Узгена и Сафид-Буленда совершилось через 25 лет после посещения Узгена Федченко, когда сотрудник Академии Художеств — архитектор-художник Н. Щербина-Крамаренко — осмотрел эти памятники и дал их описание дважды: первый раз — в журнале «Зодчий», где в статье «По развалинам Средней Азии»¹ были описаны эти мазары и даны рисунки памятников. Основные интересы Н. Щербины-Крамаренко были, однако, связаны с Самаркандом, и памятникам

¹ Журн. «Зодчий», май, 1896, вып. V, стр. 38—39, и вып. VI (июнь), стр. 42—47.

Киргизстана было уделено не столь уже большое внимание. Статья Н. Щербины-Крамаренко (без рисунков) была повторена затем в «Справочной книжке Самаркандской области за 1896 г.», где тот же текст был напечатан под заглавием «По мусульманским святыням Средней Азии». ¹

Если считать 1896 год (год обследования памятников Н. Щербиной-Крамаренко) годом начала изучения памятников Узгена и публикаций о них, то памятники Северной Киргизии имеют несколько более раннюю дату исследования.

В. Бартольд, в 1893—1894 гг. исследовавший эти памятники и издавший в 1897 г. отчет о своей поездке, ² сообщил дополнительные сведения о башне Бурана и Таш-Рабате, вызвав к ним интерес местных работников. Результатом этого интереса явилось описание башни Бурана в 1896—1897 гг. учителем Токмакской школы Ровнягиным, ³ а Таш-Рабат был вслед за А. Войцеховичем (1894 г.) ⁴ специально обследован Н. Пантусовым, чиновником особых поручений в г. Верном, снабдившим свою статью в «Известиях Археологической Комиссии» ⁵ рядом хороших фотографий и чертежей.

Вслед за описанием этих памятников появляется интерес к мавзолею Манаса, отмеченному еще В. Бартольдом, но детально обследованному Н. Каллауром, начальником Аулие-Атинского уезда, прекрасным исследователем Таласской долины и прилегающих областей.

По списку, сделанному Н. Каллауром с надписи на портале мавзолея Манаса, В. В. Бартольдом был сделан первый ее перевод. Впоследствии чтением и переводом надписи занимались М. Е. Массон и А. М. Белецкий.

Таковы имена пионеров, исследовавших основные памятники архитектуры Киргизстана. За ними следует не мало имен, дополнявших их описание, а чаще повторявших одни и те же, известные данные. Памятники Узгена привлекают внимание членов Туркестанского кружка любителей археологии — Н. Домбровского, Н. Г. Малицкого и др. ⁶

¹ «Справочная книжка Самаркандской области за 1896-г.», т. IV, стр. 45—61.

² Зап. Росс. Акад. Наук, т. VIII, сер. ист.-филол.

³ Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии за 1896—1897 гг.

⁴ Степная газета, 1894 (Омск).

⁵ Изв. Археол. Комиссии, вып. IV, СПб., 1902, стр. 15—28.

⁶ См. ниже библиографию.

О башне Бурана пишет, в частности, Поярков в конце XIX века в Археологическую комиссию, и туда поступает едва ли не первый ее архитектурный обмер с чертежами, выполненный в туши и акварели.

Эти эпизодические сведения, поступающие о памятниках, характеризуют их состояние, фиксируют постепенное разрушение, но мало содействуют их изучению с историко-архитектурной точки зрения. Описание их в сводке Кастанье «Памятники Оренбургского края»¹ — в стиле упоминаний о них в работе В. Флоринского «Первобытные славяне»,² т. е. компилятивно, и, по существу, ничего нового в изучение памятника не вносит.

Подлинно научное изучение архитектурных памятников Киргизстана начинается после Великой Октябрьской социалистической революции. В Средней Азии создается специальный орган охраны памятников старины — Туркменский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы, после переименованный в Среднеазиатский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы. По инициативе этого Комитета памятники изучаются, фотографируются, обмеряются, и в результате предпринимаются меры к их консервации, реставрации и охране.

Еще в 1923 г. П. П. Ивановым детально обследуется мазар Манаса, а в 1924 г. — памятники Узгена (комиссия в составе Ш. Рахими, Б. Засыпкина, Б. Денике и инж. Красильникова).

В 1925 г. Денике и Логинов обследуют башню Бурана и мавзолей Манаса. В 1927 г. изучением мавзолеев Узгена занимался М. Е. Массон.

С 1928 г. идут ремонтные работы по узгенскому комплексу мавзолеев; реставрируется нижний мавзолей под руководством Б. Н. Засыпкина. На год раньше, в 1927 г., М. М. Логинов и Н. М. Бачинский реставрируют башню Бурана. В августе 1928 г. Б. Н. Засыпкин совместно с Б. П. Денике обследует мазар Сафид-Буленд. М. Е. Массон занимается не только изучением памятников Узгена, где он прочитал надпись на северном мавзолее и уточнил дату постройки южного, но обследует и переводит снова надпись на мавзолее Манаса и составляет подробное описание минарета Бурана, частично использованное в специальной литературе.

¹ Труды Оренбургск. уч. архивн. комиссии, т. XXII.

² Томск, 1896

Эта волна новых обследований памятников архитектуры Киргизстана и публикаций о них породила литературу вопроса, не только дающую новые документальные данные, но и ставящую ряд историко-архитектурных проблем. «Арийской» лженаучной «теории», содержащейся в литературе дооктябрьского периода, советскими учеными (Засыпкин, Денике, Массон) противопоставлена научно обоснованная точка зрения.

На базе этого первого этапа работ в послеоктябрьский период, в значительной мере на материалах советских ученых (фото, чертежи, обмеры), и была построена сводная работа немецкого ученого Кон-Винера, посетившего Среднюю Азию в 1924—1925 гг. и выпустившего ряд компилятивных работ в связи со своей поездкой.

Обследования 1924—1928 гг. создали большой фонд фотографий и чертежей в архивах Узбекского комитета по делам музеев и охране памятников старины в Ташкенте, Самарканде и Бухаре и в Институте истории материальной культуры в Ленинграде.

Фактически на этом завершается первый этап систематического изучения памятников архитектуры Киргизстана. Интерес к ним возобновляется в связи с археологическим изучением Киргизстана, предпринятым с 1936 г., в котором памятники архитектуры составляют часть научных интересов экспедиций.

В 1937 г. экспедиция Киргизского педагогического института под руководством преподавателя Института Б. М. Зимма, при участии археолога Чеканинского и фотографа Ф. И. Бальдермана, посетила все упомянутые выше памятники Киргизии и произвела их фотофиксацию.

В 1938 г. фиксацию памятников Узгена, Манаса и Бураны проводят, по инициативе Киргизского отделения Союза советских архитекторов, архитекторы Нусов и Прищепа, давшие хорошо исполненные планы, разрезы и прорисовку фасадов. Работы эти хранятся ныне в архиве Управления по делам архитектуры при Совете Министров Киргизской ССР в г. Фрунзе.

В 1940 г. архитектором Зайнчковским был снят план Таш-Рабата. Архитектурные обмеры и богатое собрание фотографий наших экспедиций с 1933 по 1944 г. поступали на хранение в архивы Института истории материальной культуры в Ленинграде и в Институт языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии Наук СССР в г. Фрунзе.

Таков краткий перечень основных работ по изучению памятников архитектуры Киргизстана, за исключением, пожалуй, Узгена, который привлёк солидные научные силы не только к изучению объекта на месте, но и

к интерпретации его данных.¹ Остальные памятники еще не нашли должного отражения в печати. Обстоятельное монографическое изучение памятников будет содействовать не только историко-архитектурному познанию, но и должной постановке охраны, консервации и реставрации.

Наряду с этими работами по известным и признанным объектам с должным размахом и научной точностью должна быть поставлена работа по выявлению и инвентаризации тех объектов, которые еще не получили отражения в литературе.

¹ Кроме отмеченных выше, укажем на работы А. Якубовского по переводу надписей Узгена и на аналогичные работы И. Умнякова, давшего обстоятельный очерк истории изучения, охраны и ремонта памятников архитектуры Средней Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. СПб., 1897.
2. Бартольд В. В. Чтение надписи на гумбезе Манас. Протоколы заседаний Восточн. отд. Русск. археол. о-ва. Зап. ВОРАО, т. XII, вып. 1, стр. V.
3. Беленицкий А. М. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине. Эпиграфика Востока, в. 2, 1948.
4. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
5. Бернштам А. Н. Строительные приемы древних зодчих и использование их опыта в современной практике. Труды Кирг. ФАН СССР, вып. 1, Фрунзе, 1943.
6. Бернштам А. Н. Мазар Манаса, Памятники архитектуры Киргизстана. Научно-популярная серия, Фрунзе, 1946.
7. Бернштам А. Н. Башня Бурана. Памятники архитектуры Киргизстана, Научно-популярная серия, Фрунзе, 1946.
8. Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии. М., 1939. Анализ декора и техника изразца узгенских мавзолеев.
9. Городецкий. Описание башни Бурана. См. работы В. М. Флоринского, № 36—37.
10. Денике Б. П. Искусство Средней Азии. М. 1927. О памятниках Бурана (стр. 15—16), Узгена (16—22). Анализ декора, сравнительный материал. Фото: детали южного и северного мавзолеев и общий вид южного. Упоминание о мазаре Манаса (стр. 24—25).
11. Денике Б. П. Прикладное искусство Средней Азии. Сб. «Художественная культура Советского Востока», М.—Л., 1931. Архитектурный орнамент Средней Азии, М., 1939. Детальный анализ памятников Сафит-Буленда (стр. 70 и сл.), узгенских мавзолеев: среднего (стр. 44), северного (стр. 91 и сл.), южного (стр. 91 и сл.), минарета Бурана (стр. 24) и мазара Манаса (стр. 102). Много фото и сравнительного материала.
12. Домбровский. Древняя башня (минарет) в селении Узген Андиганского уезда, ПТКЛА, год 2-й, прилож. к протоколу от 16 окт. 1897 г. Дано много промеров. Ср. с минаретом Бурана.
13. Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии, М., 1948.
14. Засыпкин Б. Н. Изучение древних сооружений Средней Азии. Новый Восток, № 10—11, 1925, стр. 257—270. Отмечаются конструктивные и декоративные особенности узгенского комплекса. Фото минарета и северного мавзолея.
15. Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. Сб. «Вопросы реставрации», т. I, М., 1926; т. II, М., 1928. О памятниках Киргизстана ст. т. II. Основная и одна из первых работ по истории архитектуры Средней Азии. Много вни-

мания уделено памятникам Узгена (т. II), конструкциям и декору. Частично упоминается минарет Бурана, дана оценка мавзолеев Узгена. Рецензия М. Е. Массон (см. Массон М. Е., № 30).

16. Засыпкин Б. Н. Доклад на Московском совещании по изучению культуры и искусства тюркских народов в изложении В. М. Зуммера в ст. «Проблемы изучения искусства тюркских народов СССР». Новый Восток, № 16—17, 1927, стр. 132. См. также Изв. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана, № 4, Баку, 1927. В докладе подчеркнута роль памятников Узгена в истории среднеазиатской архитектуры.

17. Засыпкин Б. Н. Кирпич в архитектурных сооружениях Средней Азии домонгольского периода IX—XIII веков. Строит. пром-сть, № 4, 1928, стр. 307—312. Приводятся примеры из Узгена.

18. Засыпкин Б. Н. Памятники Касана и Софит-Буленда. Східний Світ, № 3(9), 1929, стр. 188—193. Описание мавзолея Шах-Фазиль. Повторено в сб. «Искусство Средней Азии», Фотографии общего вида, панели и розеток.

19. Засыпкин Б. Н. Заметки по строительной культуре Советского Востока. Строит. пром-сть, № 1, 1930.

20. Засыпкин Б. Н. Памятники монументального искусства Советского Востока. Сб. «Художественная культура Советского Востока». М.—Л., 1931, стр. 21—49. Сравнительный анализ памятников; среди них — Бурана, Узгена. Фотодеталь северного мавзолея в Узгене.

21. Зеланд Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки Н. Зеланда. Омск, 1888, стр. 22 и др. См. также ПТКЛА, 1898, протокол № 3, 116—121, «Таш-Рабатское ущелье». Краткое описание и рисунок Таш-Рабата.

22. Зимин Л. Мусульманское сказание о городе Оше. ПТКЛА, год 18-й, вып. 1, 1912, стр. 3—16. Описание и фотографии горы Тахт-и-Сулейман, а также мечети Джами, мазара Асаф-ибн-Бурхан Хаджа Ахмад-Аркам «Нижний» и «Верхний».

23. Иванов П. Н. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. Сб. статей «Сергею Федоровичу Ольденбург», изд-во АН СССР, Л., 1934.

24. Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды Уч. архивн. комиссии, вып. XXII, Оренбург, 1910. Работа чисто компилятивная. Содержит выборку сведений из предшествующих изданий о башне Бурана, Таш-Рабате (стр. 265 и сл.) и некоторые данные о поздних мазарах.

25. Кон-Винер Э. (Cohn-Wiener E.). Turan. Islamische Baukunst in Mittelasien, Berlin, 1930. О памятниках Узгена см. текст, стр. 16—20. Шах-Фазиль, стр. 21. В тексте планы трех мавзолеев (рис. 1), рисунки тропов мавзолеев южного и северного (рис. 2—3) и рисунок резьбы в мавзолее Шах-Фазиль (рис. 4). Таблицы: VIII — минарет; XI — детали среднего мавзолея; XII — общий вид северного мавзолея; XIII—XIV — детали портала северного мавзолея; XV — общий вид южного мавзолея; XVI — детали южного мавзолея; XVII — общий вид мавзолея Шах-Фазиль; XVIII — деталь резьбы.

26. Корнилов П. Е. Узген и его памятники. Казань, 1931, стр. 8, фото 3. Кратко и неполно даны сведения об истории изучения.

27. Крафт Корбут. Узгенская легенда. ПТКЛА, год II, прилож. к протоколу от 16/X 1897 г. Легенда о захороненных в мавзолеех.

28. Маллицкий Н. Г. Несколько слов о древностях Узгена. ПТКЛА, год II, прилож. к протоколу от 16/X 1897 г. Попытка объяснить имена Султана Санджара-Мази и Султана Илик-Мази, якобы похороненных, по народным легендам, в мавзолеех Узгена. Приведены рисунки южного мазара и минарета.

29. Массон М. Е. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. Сб. «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927. См. «Материалы о каменных колонках из Семиречья».

30. Массон М. Е. Рецензия на работу Засыпкина Б. Н. «Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация» (см. № 15). Изв. по изуч. Таджикистана, т. I. Замечания о строительстве башни Бурана (стр. 234); о надписях Узгена (стр. 236); о надписи на мазаре Манаса и его декоре (стр. 237).

31. Пантусов Н. Таш-Рабат. Изв. Археол. Комиссии, вып. 4, 1902, стр. 15—17. План, разрезы и фото памятника. Подробное описание.
32. Пантусов Н. Заметки о древностях Семиреченской области. Изв. Археол. Комиссии, вып. 12, 1904, стр. 65—75. Сведения о городище Атбаш и постройках XVIII—XIX веков. Планы, фото.
33. Пантусов Н. Таш-Рабат. ПТКЛА, т. седьмой, 1901—1902, стр. 4—5. См. план, снятый Ларионовым в 1888 г.
34. Петровский Н. Башня Бурана близ Токмака. ЗВО, вып. III—IV, стр. 351—354. О названии минарета. Перепечатано из газ. «Туркестанские ведомости», № 25, 7/IV 1894.
35. Ровнягин. Описание башни Бурана. Протоколы Туркестанск. кружка любит. археол. Прот. от 28/X 1896 г., стр. 42—43. На стр. 48 рисунок башни с юга.
36. Северцов Н. Л. Орографический очерк Памирской горной системы. Зап. Русск. геогр. об-ва по общей географии, т. XIII, СПб., 1886, табл. XXII — Узгенский минарет.
37. Умняков И. И. Рабат-и-Малик. Сб. «В честь В. В. Бартольда», Ташкент, 1927, стр. 13. Дан сравнительный материал для памятников Узгена и Бурана.
38. Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация 1920—1928 гг. Ташкент, 1929. Весьма ценная сводка. О памятниках Киргизстана см. стр. 27—30. Имеется фото минарета Узгена до реставрации.
39. Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии, т. I. Общая вступительная часть. Томск, 1894, стр. 294—295. Краткое описание минарета в Узгене по рисунку в труде Н. Л. Северцова (см. выше — Северцов Н. Л., № 32), стр. 295—97. Приводится описание башни Бурана по материалам Городецкого (инспектор народных училищ Семиреченской области). Табл. XV — Вид башни Бурана с запада в 1886 г. вместе с разрезом. Табл. XII — Вид башни Бурана в 1891 г. (с фотографии).
40. Флоринский В. М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. Изв. имп. Томск. ун-та за 1888—1889 гг., Томск, 1889, стр. 34—35. Описание башни Бурана по сведениям Городецкого.
41. Флоринский В. М. Описание Археологического музея Томского университета. Томск, 1888, стр. 182, прим. 53. Описание башни Бурана.
42. Щербина-Крамаренко Н. По развалинам Средней Азии. Журн. «Зодчий», май 1896, вып. V, стр. 33—39. Описание памятников Шах-Фазиль (рисунок: общий вид, обработка стен и паруса), мавзоля Хазарет Аюба, мавзолеев Узгена (фото южного мавзоля и деталь подписи почерком «наск»). Описание мавзоля на горе Тахт-и-Сулейман (продолжение статьи в № 6, стр. 46—47, посвящено памятникам Ходжента и Самарканда).
43. Щербина-Крамаренко Н. По мусульманским святыням Средней Азии. (Путевые заметки и впечатления). Справочная книжка Самаркандской области, т. IV, 1896, стр. 45—61. Повторение статьи из журн. «Зодчий» (см. № 39) без иллюстраций.
44. Якубовский А. Ю. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в г. Узгене. Эпиграфика Востока, I, Л., 1947.

УКАЗАТЕЛЬ К БИБЛИОГРАФИИ ПО ПАМЯТНИКАМ

(цифры в скобках обозначают номера названий по вышеприведенному списку)

- Минарет Бурана (1, 4, 7, 9, 10, 11, 12, 15, 20, 24, 30, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42)
Минарет Узгенский (11, 12, 14, 36, 39, 40).
Средний узгенский мавзолей (8, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 25, 26, 27, 28, 30, 37, 38, 39, 43, 44)
Северный узгенский мавзолей (8, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 25, 26, 27, 28, 30, 37, 38, 39, 43, 44, 45)
Южный узгенский мавзолей (8, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 25, 26, 27, 28, 30, 37, 38, 39, 43, 44)
Шах-Фазиль (11, 13, 17, 18, 24, 25, 42, 43, 44)
Мавзолей Манаса (Кенизек Хатун) (1, 2, 3, 4, 6, 10, 11, 22, 23, 24, 29)
Таш-Рабат (1, 20, 21, 23, 30, 31, 32, 33)
Мавзолей XVI—XIX веков (21, 22, 23, 24, 31, 32, 42, 43)

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Глава I. Историко-культурные традиции	5
Глава II. Дом и город	27
Глава III. Башня Бурана — минарет XI века	40
Глава IV. Узгенский архитектурный комплекс	46
Глава V. Мавзолей Шах-Фазиль	86
Глава VI. Гумбез Манаса — мавзолей Кенизек Хатун	96
Глава VII. Таш-Рабат — караван-сарай XV века	109
Глава VIII. Мавзолеи XVIII—XIX веков	117
Глава IX. Место памятников архитектуры Киргизии в архитектуре Средней Азии	127
Глава X. Очерк истории изучения памятников	137
Библиография	142
Указатель к библиографии по памятникам	145

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета*

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	5 св.	Четкальского	Чаткальского
15	14 стр.	киргизские	киргизстанские
22	2 св.	Тобгач Кара-Хакану	Табгач Кара-Хакану
25	13 стр.	ширкадах	ширдаках
126	4 стр.	кавказских	казахских
142	18 св.	№ 36—37	№ 39—41
144	20 стр.	№ 32	№ 36

Архитектурные памятники Киргизии

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц.*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко.*
Корректор *В. Б. Несвижский*
Обложка художника *А. А. Столярова-Люминарского*

*

РИСО АН СССР № 3508. Т-01431. Издат. № 1983.
Тип. заказ № 2475. Подп. к печ. 2/II 1950 г.
Формат бум. 70×92¹/₁₆. Печ. л. 9. Уч.-издат. 8.
Тираж 3000. Цена в пер. 8 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10